

Уд

ПИСАТЕЛЯ

НЕВНИКЪ

ПИСАТЕЛЯ.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ОБЩЕДОСТУПНОЕ

ИЗДАНИЕ

А. В. КРУГЛОВА.

Съ иллюстраціями.

86811 Ж

Январь.

1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

- I.—НА ТИВЕРІАДСКОМЪ ОЗЕРЬ. Рис. на отд. листъ.—**С. В. Беклемишева.**
- II.—НОВОГОДНІЙ ПРИЗЫВЪ.—Стихотвореніе.—**А. В. Круглова.** . . . 3.
Иллюстр: Муза.—Несочные часы.
- III.—НИТОЧКА.—Разсказъ.—**А. В. Круглова.** . . . . . 4.
Иллюстр: Въ семьѣ.—На елкѣ Любы.—Связанныя сердца (символч. рис.).
- IV.—ИЗЪ ЗЙХЕНДОРФА.—Стихотв.—**Н. А. Иваницкаго.** . . . . . 15.
- V.—ДОЖДАЛИСЬ.—Разсказъ.—I-II—**Н. Н. Оглоблина.** . . . . . 16.
- VI.—„ЛЮБВИ ТАИНСТВЕННЫЙ ПОКРОВЪ...“—Стихотв.—**Ф. И. Чернова.** . . 23.
- VII.—ЗИМОЙ ВЪ ЛЪСУ.—Стихотвореніе.—**И. Н. Глухарева.** . . . . . 25.
Илл: Зимой въ лѣсу.
- VIII.—ЗАЧЬМЪ?—Набросокъ.—**А. Н. Догановичъ.** . . . . . 26.
Илл: Играющіе амуры.—Женская головка.—
- IX.—НЕВЪСТА ВАССЫ.—Изъ зырянскихъ разсказовъ.—**А. В. Круглова.** 32.
Илл: Избушка.—
- X.—ШКОЛЬНОЕ ЗДАНИЕ.—**П. А. Россіева.** . . . . . 39.
- XI.—ИЗЪ МУРА.—Стихотв.—**Н. А. Иваницкаго.** . . . . . 43.
- XII.—НА ТИВЕРІАДСКОМЪ ОЗЕРЬ.—(Навѣянное картинной Беклемишева.)
С. В. Витимскаго. . . . . . 44.
Илл: Портретъ художника Беклемишева.
- XIII.—РУССКІЙ НАРОДЪ КАКЪ БОЕВАЯ СИЛА.—**М. А. Дормана.** . . . . 45.
Илл: Часовой.—Портретъ автора.—
- XIV.—НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬВНА ВАН-ДЕРЪ-ВЕЙДЕ.—**А. Н.** . . . . . 55.
Илл: Птички, поющія по нотахъ.—Портретъ Н. В. Ванъ-дербъ-Вейде.—
- XV.—НОВОГОДНІЕ ПОДАРКИ.—(По Э. Арену).—**А. Г. К.** . . . . . 57.
- XVI.—БИБЛЕЙСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.—I. Агарь.—**А. Н. Никитиной.** . . . . 59.
Илл: Агарь.
- XVII.—БЕСЬДА.—I.—Подъ впечатлѣніемъ.—II.—Новогоднія размышленія.—**А. В. Круглова.** . . . . . 63.
Илл: Ичелы и книги.—Чернильница.—
- XVIII.—ИСКРЫ.—I.—ОСТАНОВИТЕ ЖЕНЩИНУ.—**Юмориста изъ Любани.**
—II.—ЧТО ТАКОЕ ЖЕНЩИНА?—**Амфилохія Устюманскаго.**—
—III.—ОДНОМУ СОВРЕМЕННОМУ ЭМИГРАНТУ.—**Гейне изъ Вельска.**

На Тиверіадскомъ озерѣ.

С. В. Боклеминевъ;

чтобы теперь жить тѣмъ счастьемъ, безъ котораго такъ мучительно тяжело всѣ праздники?

Онъ жилъ долгіе годы безъ всякой думы о будущемъ. Онъ работалъ, былъ счастливъ свободнымъ счастьемъ, которое его ничѣмъ не связывало, не накладывало на его плечи никакой обузы. Онъ любилъ, былъ любимъ, боялся всякой прозы, дѣти казались ему бременемъ, помѣхой для счастья, для той свободы, безъ которой нѣтъ и счастья. Онъ дорожилъ болѣе всего свободой и не думалъ о томъ счастье, которое покупается цѣною нѣкоторыхъ урѣзковъ вольной жизни. И вдругъ подкралось незаметно тѣ годы, когда одиночество дѣлается ужаснымъ. Полушинъ очнулся, когда шумное счастье стало почти прошлымъ, уже не давало прежняго наслажденія, какъ-то поблекло, а иное счастье сдѣлалось невозможнымъ, потому что оно не создается вдругъ по желанію. Сумерки надвигались, а не было около Полушина той руки, которая внесла бы въ его пріютъ тихій вечерній свѣтъ, не чувствовалось около него тѣхъ молодыхъ жизней, которыя своимъ горячимъ трепетомъ согрѣли бы его уходящую жизнь. Бессильный отодвинуть надвигавшійся мракъ, не знавшій, гдѣ согрѣться усталой душой, Полушинъ апатично брелъ по житейской дорогѣ, весь уходя въ работу, хандря и злясь, когда вдругъ праздничное веселье врывалось въ его уголъ не для того, чтобы принести съ собой радость, а чтобы только напомнить о томъ, что прежнее счастье навсегда миновало, а иное для него невозможно.

Былъ канунъ Рождественскаго сочельника. Уже спустились сумерки, и на улицахъ зажглись огни, но жизнь продолжала бить ключомъ. Всюду толпился народъ. Спѣшили пѣшеходы,

толкая другъ друга, мчались рысаки, тащились извозищчи сани, окна магазиновъ были ярко освѣщены. Все что можетъ соблазнить покупателя, было выкинуто на окна, или въ витрины. На площади выросъ цѣлый лѣсъ елокъ. Въ воздухъ стоялъ шумъ, крикъ; слышались звонки конокъ, окрики кучеровъ: „эй, берегись!“

Денись Герасимовичъ возвращался домой, отъ товарища, къ которому зашелъ по пути. У пріятеля онъ засталъ идиллическую семейную картинку: дочь и мать готовили украшенія къ елкѣ; пріятель сидѣлъ за тѣмъ же столомъ, пробѣгая газету, изрѣдка перекидываясь замѣчаніями съ женой и дочерью. Это напомнило Полушину далекое дѣтство, и тоска охватила его сердце. Онъ поспѣшилъ уйти отъ пріятеля. Но на улицѣ Полушину стало еще тяжелѣе. Уличный шумъ и гамъ раздражалъ его. И въ то же время Полушину было тяжело возвращаться въ свой уютный номеръ. Но куда-же дѣваться? Не бродить же безъ конца по улицамъ! Онъ и то проходилъ часа два, безцѣльно останавливаясь у магазиновъ и разсматривая книги, игрушки, точно онъ намѣревался что нибудь купить. Ему ничего не нужно. Но онъ все-таки останавливался, разсматривалъ. Вотъ опять книжный магазинъ. Какая масса книгъ! Полушинъ мелькомъ взглянулъ на окно, и вдругъ его взоръ остановился на знакомой книгѣ. Боже! Это та самая книга, которую онъ когда-то покупалъ по просьбѣ хорошенькой дѣвушки, нравившейся ему. Какъ давно было и это! Уже умерла и дѣвушка, вышедшая потомъ замужъ за его товарища. Предъ Полушинымъ возсталъ образъ Наташи Оболенской. Да, онъ могъ быть съ ней счастливъ. Какая она была кроткая, нѣжная и хрупкая. Но при заботѣ, при теплѣ, она не погасла бы такъ скоро. А ея дочка? Вѣдь она крестница его! Онъ держалъ ее на рукахъ, потомъ посылалъ ей что-то. Когда умерла ея мать, а затѣмъ и отецъ, онъ могъ бы взять дѣвочку къ себѣ... Но онъ и не думалъ тогда объ этомъ. Куда брать такую обузу! Дѣвочку увезла къ себѣ подруга покойной, Карина, вдова врача, жившая въ Самарѣ. Онъ раза два видѣлъ дѣвочку. Ей было года три, когда онъ пріѣзжалъ на недѣлю въ Самару. Потомъ онъ опять ее встрѣтилъ, уже подросткомъ, но онъ какъ-то совсѣмъ не обратилъ на нее вниманія. Она показала ему немножко дикой. Онъ поцѣловалъ ее и, общавшись навѣстить передъ отъѣздомъ; такъ и не сдержалъ обѣщанія. Дѣвочка была для него чужою и, не умѣя быть искреннимъ, онъ не выказалъ дѣланной нѣжности. Потомъ онъ получилъ отъ крестницы карточку и письмо. Она уже писала, хотя и плохо. Но онъ засунулъ куда-то карточку и не вспоминалъ больше о дѣвочкѣ, пославъ ей именной подарокъ. И, тоскуя въ одиноствѣ, онъ не останавливался думами на Любѣ. Она казалась ему далекой, его не тянуло къ ней. „Да и что я ей?—думалъ онъ.—Нѣтъ даже и тоненькой ниточки, которая связывала бы насъ. Она привыкла къ Каринной, любить ее... и если мнѣ писала, то просто официально“. Онъ зналъ, что Люба не нуждалась, и

онъ почти забылъ о ней, тѣмъ болѣе, что и она ему перестала писать.

И вотъ онъ вдругъ вспомнилъ о ней сейчасъ, стоя у окна магазина, и впервые у него явилась мысль: „А вѣдь, можно бы ее тогда взять, воспитать. И теперь онъ не былъ бы одинокъ... Сколько ей лѣтъ? Лѣтъ десять, если не больше... Да, ей больше десяти лѣтъ! Она жила бы у него. Ему было бы о комъ заботиться. Онъ не ютился бы въ гостиницѣ, не прятался бы въ номерѣ, какъ сурокъ, не страдалъ бы отъ чужаго веселья. Около него трепетала бы юная жизнь, слышался бы смѣхъ... Чужая... Но какая же она чужая? Онъ зналъ ея мать... Онъ чувствовалъ къ ней дружбу, даже, можетъ быть, больше... И что его удержало тогда?“

Внезапное раскаяніе, сожалѣніе о потерянномъ охватило Полушина. Ему захотѣлось увидѣть Любочку, обласкать ее, заглядить свою вину, искупить холодность. Ему стало даже стыдно за себя. А что если дѣвочкѣ онъ нанесъ боль своимъ равнодушіемъ, обидѣлъ ее? Отчего она перестала писать? *Мать Ея была чувствительна къ обидамъ... Что, если онъ нанесъ рану маленькому сердцу Любы?*

Полушину становилось вся тяжелѣе и тяжелѣе отъ *созна-*нія, что онъ не можетъ сейчасъ же исправить своей вины. Написать? Но это не то... Поѣхать туда? Далеко, нельзя. Но ему непремѣнно захотѣлось чѣмъ нибудь обрадовать Любу, какъ нибудь примириться съ ней. Его вдругъ потянуло къ *чужой* дѣвочкѣ. Онъ рѣшилъ послать ей эту книгу, объяснить, почему дарить именно эту, а не другую, рѣшилъ чистосердечно покаяться передъ Любой, сказать ей, что она ему близка, что онъ ее любитъ, и просить ее писать ему часто обо всемъ.

Волна теплаго чувства прилила къ сердцу Полушина. Онъ точно обрадовался тому, что могъ купить книжку и послать ее въ подарокъ уже не *чужой, а почти своей дѣвочкѣ.*

II.

Денисъ Герасимовичъ только что успѣлъ войти въ номеръ, какъ раздался стукъ въ дверь.

— Можно!—отвѣтилъ онъ, снимая шубу.

Въ комнату вошла полная, средняго роста, блондинка, одѣтая во все черное.

Полушинъ замеръ на мѣстѣ отъ изумленія. Ему казалось, что онъ видитъ это во снѣ.

— Не узнаете?—промолвила женщина.

— Я не вѣрю глазамъ, Татьяна Петровна! Какимъ образомъ вы здѣсь? А Люба?

— Проѣздомъ... И Люба со мной. Видите, я добрѣе васъ. Вы совсѣмъ забыли Любу, а я всетаки рѣшила показать ее вамъ. Здравствуйте же!—добавила она, улыбаясь:—Повѣсьте вашу шубу

Полушинъ поспѣшно повѣсилъ шубу и протянулъ руку молодой женщинѣ.

— Это удивительно,—заговорилъ онъ:—вообразите, я только сейчасъ думалъ о Любѣ, хотѣлъ писать и вотъ эту книгу (онъ указалъ на пакетъ, лежавшій на столѣ) купилъ для нея.

— Значить, вы еще стоите того, что я сдѣлала для васъ. Вы вѣдь не узнаете вашей крестницы,—она совсѣмъ большая дѣвочка, хотя ей только 12 лѣтъ. Какая она славная... Вы не стоите ея любви.

— Да развѣ она любить меня?—спросилъ Полушинъ, не то смущенно, не то радостно.

— Не забыла, какъ вы ее... Ну, да вы сами поговорите съ нею... Идите къ намъ въ номеръ. У насъ и чай готовъ.

— Вы когда же вѣрнулись? И долго ли пробудете?—спросилъ Полушинъ, запирая свою комнату.

— Какой-нибудь часъ... Завтра уѣзжаемъ. Только для васъ и останавливались здѣсь. Я ѣду къ брату, въ Тверь: у него умерла жена и онъ, что называется, потерялъ голову... Вотъ сюда!

Карина отворила дверь и громко промолвила, входя первая:

— Ну, вотъ и твой крестный!

Съ дивана поднялась дѣвочка, высокая для своихъ 12 лѣтъ, стройная, съ милымъ, нѣжнымъ личикомъ, обрамленнымъ шелковистыми, каштановыми волосами, которые слегка курчавились.

— И какъ она выросла!—вырвалось невольное восклицаніе у Полушина.

Онъ ни за что бы не узналъ въ этой дѣвочкѣ, одѣтой въ гимназическое коричневое платье, ту Любу, которую видѣлъ въ послѣдній разъ.

— Что же ты стоишь? Поздоровайся съ крестнымъ,—сказала Карина.

Дѣвочка подошла къ Полушину, который ее обнялъ и крѣпко поцѣловалъ нѣсколько разъ въ полныя розовыя губы и въ щеки, подернутыя легкимъ румянцемъ.

— Совсѣмъ большая!—повторилъ онъ, выпрямляясь и окидывая Любу внимательнымъ взоромъ.—Она учится?

— Въ 3-мъ классѣ уже. Мы немножко болтаемъ по французски, играемъ на рояли и даже рисуемъ.

— Ахъ, тетя!—промолвила дѣвочка, смущенная похвалами.

Ея голосъ прозвенѣлъ, какъ серебряный колокольчикъ.

— Нечего стыдиться, это правда... Пусть крестный знаетъ, какая ты!

Карина предложила Полушину чаю.

Онъ сѣлъ на диванъ, снова обнялъ Любу, полупосадивъ ее къ себѣ на колѣни. Она прижалась къ его плечу, и въ ея черныхъ глазахъ, разсматривавшихъ его, свѣтилось что-то ласковое. Полушинъ привлекъ къ себѣ дѣвочку и снова поцѣловалъ ее.

— Отчего ты не писала мнѣ?—спросилъ онъ.

— Ты же не отвѣчалъ мнѣ!—просто промолвила Люба.

— Прости! Я такъ занятъ... А ты не забыла меня? Спасибо! —добавилъ онъ, и, отвѣдя прядь волосъ, поцѣловаль дѣвочку въ лобъ.

Полушинъ пилъ чай продолжая обнимать Любу. Онъ словно боялся, что она сейчасъ исчезнетъ.

— Неужели вы завтра уѣзжаете?—обратился онъ къ Кариной.—Ну, какъ можно?... Я такъ обрадовался... И что Люба будетъ дѣлать тамъ въ праздники? Гдѣ бы повеселиться...

— Куда же я ее дѣну? Я не могла и дома оставить ее одну... Оставьте у себя, если хотите.

— Съ удовольствіемъ!—воскликнулъ Полушинъ.

— Слышишь Люба?—обратилась Карина въ дѣвочкѣ.—Хочешь остаться у крестнаго? Въ самомъ дѣлѣ, тебѣ тамъ будетъ скучно, да и мнѣ не до тебя... А здѣсь крестный тебя повеселить... Правда вѣдь, Денисъ Герасимовичъ?

— Конечно! Любочка, голубчикъ, оставайся!

Дѣвочка молчала въ нерѣшительности.

— А ты не долго, тетя?—промолвила она наконецъ.

— Не больше недѣли. Оставайся, дружокъ. Ты посмотришь Москву... Видишь, крестный радъ. Останешься?

— Хорошо,—согласилась Люба.

Полушинъ порывисто обнялъ дѣвочку и началъ цѣловать ея щеки, глаза и руки.

— Ну, Люба, ѣдемъ!—промолвилъ онъ, поднимаясь.

— Куда же сегодня? Поздно!—остановила Карина.

— Еще магазины не закрыты. Я ее прокачу и куплю конфектъ.

Полушинъ досталь шубку и, помогая дѣвочкѣ одѣться, продолжалъ:

— Вы когда завтра ѣдете? Послѣ обѣда? Ну, значить, вы намъ поможете купить елку и все прочее. Боже, какъ я радъ! Думаль, что опять придется хандрить всѣ эти дни, и вдругъ... Готова? Маршъ!

Онъ оживился и сталъ неузнаваемъ. На лѣстницѣ имъ попался управляющій,

— Что это? Никакъ у васъ явилась дочка?—шутя спросилъ управляющій.

— Да, только на прокатъ,—отвѣтили Полушинъ.

Онъ засмѣялся. Засмѣялась и Люба. Оживленіе крестнаго передалось и ей. Они помчались на рѣзвѣмъ рысакѣ по улицамъ, освѣщеннымъ электричествомъ.

Люба прижалась къ Полушину, который поддерживалъ ее, и безпрестанно спрашивала его то о томъ, то о другомъ. Онъ отвѣчалъ ей, поправляя заботливо воротникъ шубки, боясь, чтобы дѣвочка не простудилась.

Они купили нѣсколько коробокъ конфектъ и вернулись домой уже около восьми часовъ. Полушинъ походилъ на человека, радующагося дорогой находкѣ. Этой находкой для одинокой тоскующей души Дениса Герасимовича была забытая имъ крестница Люба.

III.

Номеръ Полушина нельзя было узнать. Онъ преобразился, — какъ и самъ его хозяинъ. Номеръ, благодаря нарядной ёлкѣ, принялъ праздничный, семейный характеръ.

— У васъ совсѣмъ иначе комнаты выглядятъ, — замѣтила горничная Дуняша.

„Это вѣрно“, — подумалъ Полушинъ. Всему виною была маленькая дѣвочка съ каштановыми волосами. Она внесла свѣтъ въ душу Полушина, и ея заботливость украсила неуютный номеръ гостиницы. Въ тотъ же день, какъ Люба переселилась къ крестному, она принялась хозяйничать въ его комнатахъ. Она привела въ порядокъ книги и бумаги на письменномъ столѣ и, вооружась тряпкой, въ какой нибудь часъ сдѣлала то, чего Дуняша не сдѣлала за все время. „Это не уборка“, — сказала Люба такимъ дѣловитымъ тономъ, что и размѣшила и привела въ восторгъ Полушина.

— Я вѣдь все умѣю дѣлать, — сказала дѣвочка на замѣчаніе Полушина, съ улыбкой слѣдившаго за работой маленькой хозяйки.

И когда Люба разливала чай, Денисъ Герасимовичъ опять приходилъ въ восторгъ отъ ловкости дѣвочки.

— Да ты совсѣмъ хозяйка, — говорилъ онъ, цѣлуя Любу. — Если бы ты жила всегда у меня, какъ было бы здѣсь уютно и чисто.

Онъ сказалъ и задумался надъ своими словами, „Если бы... но вѣдь онъ могъ...“ Но Люба не давала ему грустить. Она была дѣвочка живая, веселая.. Встрѣчая со стороны Полушина столько ласки и вниманія, она съ открытой душой пошла на встрѣчу его теплому чувству. Она съ удовольствіемъ развѣзжала по Москвѣ, интересовалась всѣмъ, что ей показывалъ крестный, при чемъ радовала его вопросами и замѣчаніями, обнаружившими въ ней работу мысли и природный умъ.

Вечеромъ, въ сочельникъ, они были у всенощной, — этого захотѣла Люба. Полушинъ исполнилъ ея желаніе и самъ остался доволенъ. Онъ уже давно не былъ въ церкви, и теперь на него вдругъ повѣяло чѣмъ-то далекимъ, забытымъ, что подвляло со дна души воспоминанія дѣтства. Онъ растрогался отъ хорошаго пѣнія и усердно молился, — о милой дѣвочкѣ, жизнь которой была еще вся впереди и которая, хотя немного, могла согрѣть и освѣтить его уже уходящую жизнь. И онъ и Люба въ повышенномъ настроеніи вернулись изъ церкви. Дѣвочка въ этотъ вечеръ много разспрашивала Полушина объ отцѣ и матери, о которыхъ онъ случайно упомянулъ въ разговорѣ.

— А ты вѣдь вся въ маму, — замѣтилъ Полушинъ.

— Да, — въ раздумьи промолвила Люба и добавила: — у меня есть карточка мамы.

Они рано легли спать, чтобы назавтра не опоздать къ обѣднѣ.

Съ наступленіемъ праздниковъ, Люба вся отдалась веселью. Въ первый день у нея была своя елка, на которую Полушинъ пригласилъ дѣтей управляющаго гостиницы. Въ слѣдующіе дни Полушинъ возилъ Любу въ манежъ, въ циркъ, въ театръ, на елку къ знакомымъ, гдѣ она такъ подружилась съ одной гимназисткой, что просила ее переписываться.

Полушинъ чувствовалъ себя необыкновенно счастливымъ, совсѣмъ вошелъ въ роль отца, позабывъ, что Люба только „дочь на прокатъ“ и что его празднику настанетъ скоро конецъ.

Время въ самомъ дѣлѣ, летѣло чрезвычайно быстро. Бывало, Полушинъ не могъ дождаться, когда кончатся праздники, чтобы итти на службу. Теперь для него три дня пролетѣли какъ одинъ часъ.

— Значить, ты сегодня пойдешь въ свою контору?—сказала Люба утромъ на четвертый день, разливая чай.

— Нѣтъ, дружокъ, не пойду, — отвѣтилъ Полушинъ, — я взялъ отпускъ.

Онъ занималъ солидное мѣсто, и ему не стоило никакого труда устроить себѣ такой временный отдыхъ.

Люба была рада, что крестный не будетъ ходить на службу. Дѣвочка жила въ Самарѣ скромно, почти не имѣла никакихъ удовольствій и теперь съ увлеченіемъ отдавалась праздничному веселью. Наконецъ, оно утомило ее.

— А знаешь, крестный, я даже устала,—заявила она въ Новый годъ за обѣдомъ.

— А опера? Вѣдь мы сегодня взяли билеты. Значить, не ѣдемъ?

Онъ подошелъ къ дѣвочкѣ и поцѣловалъ ее въ голову.

— Нѣтъ, ужъ все-таки ѣдемъ, сказала Люба, улыбаясь, и сама потянулась къ крестному.

Она такъ привыкла къ нему за недѣлю, словно давно жила у него.

— Ты любишь меня?—спросилъ Полушинъ.

— Люблю.

— А раньше? Не любила?

— Любила, да не такъ,—отвѣтила она, подумавъ.

Она засмѣялась и добавила, видимо довольная, что она его поймала:

— А ты, крестный, меня обманулъ.

— Въ чемъ?

— Ты говорилъ, что не писалъ, потому что занятъ. Это неправда, тебѣ было просто лѣнь.

— Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, Люба! Теперь я буду тебѣ писать.

— И я тебѣ буду.

— А скажи.. осталась ли бы ты у меня совсѣмъ?

Онъ съ тревогою ждалъ отвѣта.

— Какъ совѣмъ?—съ удивленіемъ спросила дѣвочка.—А тетья?

— Конечно, и тетья могла бы... Ну, а если безъ нея?

Дѣвочка отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, безъ тети не останусь.

— Значить, ты ее больше любишь, чѣмъ меня?—спросилъ Полушинъ, упавшимъ голосомъ и сейчасъ же подумалъ: „Да развѣ и можетъ быть иначе?“

Люба смутилась.

— Я... привыкла къ тебѣ,—отвѣтила она.—А развѣ тебѣ хотѣлось бы, чтобы я осталась у тебя совѣмъ?

— Очень хотѣлось бы, но этого нельзя.

— Нельзя, крестный,—серьезно проговорила Люба.—Лучше ты переѣзжай къ намъ.

— И мнѣ нельзя.

Пробило семь часовъ.

— Однако, Люба надо торопиться... Пей кофе и одѣвайся!—сказалъ Полушинъ.

Онъ вздохнулъ и, какъ бы отгоняя докучную думу, промолвилъ намѣренно громко и ободряюще:

— Ну, какъ-нибудь потомъ устроится. Хорошо и то, что ты погостила у меня.

Когда они вернулись изъ театра, лакей подаль Полушину телеграмму.

— Отъ тети?—спросила Люба съ оживленіемъ.

— Да, отъ тети,—отвѣтилъ Полушинъ, пробѣжавъ депешу.—Ну, Любаша,—и голосъ его дрогнулъ,—прощай, завтра мы расстанемся!

— Тетья вернется сюда?

— Да, но она не заѣдетъ въ гостиницу и просить привезти тебя на вокзаль...

Люба, которая не одинъ разъ вспоминала „тетю“ и ждала ее, вдругъ почувствовала въ эту минуту невольную грусть. Ей сдѣлалось жаль и крестнаго. Она подошла къ Полушину, который въ раздумьи сидѣлъ на диванѣ, держа телеграмму въ рукахъ.

— Крестный папа (Она впервые такъ назвала его)! Ну, полно, не грусти! Мнѣ тоже жалко расставаться съ тобою, но...

Она не договорила, сама присѣла на колѣни къ Полушину, обняла его и склонилась головой на его плечо. Въ ея серебряномъ голоскѣ зазвенѣли ноты искренней грусти. Это тронуло Полушина и какъ бы смягчило его собственную скорбь.

— Что дѣлать, Любаша... Ну, мы опять скоро увидимся. Я, можетъ быть, приѣду къ вамъ на Пасху. Ахъ, моя дорогая дѣвочка! Я самъ виноватъ... Ну, и подѣломъ мнѣ.

— За что, крестный?

— Такъ, такъ... Милая моя, люби меня, а я полюбилъ тебя, какъ родную. Вотъ ты приѣхала, погостила.. Мнѣ веселѣе, лучше... Я буду вспоминать тебя... Ахъ, Люба, Люба!—вдругъ воскликнулъ онъ;—что я сдѣлалъ! Я вѣдь забылъ снять тебя!

Ты уѣдешь, и тебя совсѣмъ у меня не будетъ. Непремѣнно надо завтра. До трехъ часовъ это мы успѣемъ.

— А ты, крестный?

— Мы можемъ сняться вмѣстѣ, хочешь?

— Хочу.

Она опять оживилась. Оживился и онъ, и они начали разсуждать о томъ, какъ они завтра поѣдутъ въ фотографію и будутъ сниматься.

Любѣ захотѣлось въ послѣдній разъ зажечь елку. Ее зажгли и комната озарилась.

— Я сорву для тебя, крестный, вотъ это яблоко,—сказала Люба съ особенной нѣжностью.

—Я сорву для тебя, крестный, вотъ это яблоко, сказала Люба съ особенной нѣжностью.

Дѣвочка сорвала и подала его Полушину. Онъ разломилъ и отдалъ половинку Любѣ.

Люба утомилась и захотѣла спать. Елку погасили. Полушинъ самъ приготовилъ сегодня постель для дѣвочки на диванѣ и, поцѣловавъ ее на прощанье, ушелъ въ свою комнату.

Люба скоро уснула, но Полушинъ долго ворочался въ постели. Ему не спалось, потому что было тяжело расставаться съ Любой. Ему казалось, что съ ея отъѣздомъ опять настанутъ сумерки, опять кругомъ сдѣлается холодно и темно. Сердце заняло отъ боли и сознанія сдѣланной ошибки. „Но развѣ только въ этомъ одномъ ошибка жизни?“—вдругъ мелькнула у него мысль. И вереницей потянулись передъ нимъ воспоминанія. Онъ лежалъ и переживалъ прошлое, пока не забылся незамѣтно для себя тревожнымъ сномъ подъ самое утро.

Полушинъ и Люба чуть не опоздали къ поѣзду. Ихъ за-

держали въ фотографіи, и они долго проѣздили за покупками. — Скорѣе, уже пробилъ звонокъ, надо садиться!—воскликнула Карина, встрѣтившая ихъ въ дверяхъ вокзала.—Я измучилась, ожидая васъ. Билеты взяты... Что это? Неужели все конфеты?—добавила она, указывая на большой ящикъ который держалъ носильщикъ.

— И конфеты и матерія, и всякая всячина, — отвѣтилъ Полушинъ...

Когда мѣста въ вагонѣ были заняты, Карина успокоилась и заговорила съ Денисомъ Герасимовичемъ.

— Ну, какъ провели время? Не надоѣла она вамъ?

— Крестный хотѣлъ совсѣмъ оставить меня у себя,—сказала Люба.

— Вотъ какъ! Зачѣмъ же стало дѣло? — спросила Карина.

— За той любовью, которой я еще не пользуюсь,—сказалъ Полушинъ.

Онъ стоялъ на платформѣ у вагона, а Люба съ Кариной помѣщались на его площадкѣ.

— Въ жизни ничего не дѣлается, какъ въ сказкѣ,—проговорила Карина. Но, кажется, вы не можете пожаловаться на Любу. Ея отвѣтъ показываетъ уже, какъ она дорожитъ вашимъ вниманіемъ. Знаете,—она наклонилась къ Полушину и добавила тише,—вѣдь и дѣтскую любовь надо заслужить. Все таки вы уже не чужіе другъ другу, между вами образовалась ниточка.

— Да, только ниточка,—грустно произнесъ Полушинъ,—но ниточка легко рвется.

— Отъ васъ зависитъ сдѣлать ее крѣпкой. Но не предавайтесь пессимизму. Я очень рада, что оставила у васъ Любу. И за нее и за васъ рада. Вы сказали мнѣ какъ-то: „темно и жить не хочется“. Держитесь крѣпче за ниточку.

Раздался звонокъ.

— Третій звонокъ, поѣздъ сейчасъ отходить, — напомнилъ кондукторъ.

— Прощайте! нѣтъ, до свиданія! — сказала Карина, протягивая руку Полушину.

Онъ пожалъ ей руку, поднялся на ступеньку и крѣпко поцѣловалъ Любу, глаза которой увлажнились отъ слезъ.

— Пиши же, крестный, и пріѣзжай на Пасху!

— Постараюсь... И ты пиши, не забывай меня.

Поѣздъ уже тронулся. Полушинъ пошелъ рядомъ съ поѣздомъ. Карина и Люба стояли въ дверяхъ. Но вотъ поѣздъ пошелъ скорѣе, и Полушинъ началъ отставать. Люба и Карина продолжали стоять на площадкѣ. Онѣ кланялись и махали платками. Полушинъ отвѣчалъ имъ тѣмъ же.

Черезъ полчаса онъ былъ дома. Когда онъ вошелъ въ номеръ, на него сразу повѣяло прежней пустотой и одиночествомъ. Но онъ увидѣлъ елку, стоящую въ углу, и ему сдѣлалось веселѣе. Она напоминала о милой, только что уѣхавшей дѣвчкѣ, которая принесла съ собой праздникъ, не только въ этотъ номеръ, но и въ душу его хозяина. Нѣтъ, теперь уже не можетъ

быть больше такъ мрачно и холодно. Не все исчезло. Что то осталось отъ промелькнувшаго веселья, и въ этихъ комнатахъ, и въ усталой душѣ, оживившейся отъ звонкаго дѣтскаго смѣха. „Ниточка!“—вспомнилось Полушину выраженіе Кариной.—„Ну что же? Хорошо, что есть и ниточка... надо держаться за нее“.

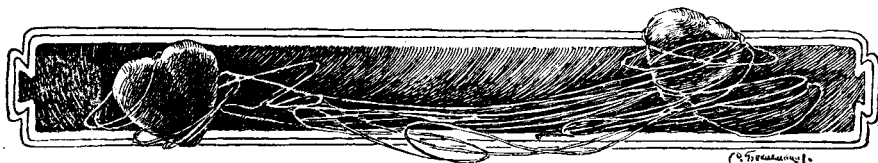
Когда черезъ нѣсколько минутъ лакей, подававшій чай, спросилъ:

— А теперь елочку-то прикажете убрать?

Полушинъ словно испугался и промолвилъ порывисто:

— Нѣтъ, нѣтъ! Пусть она стоитъ!

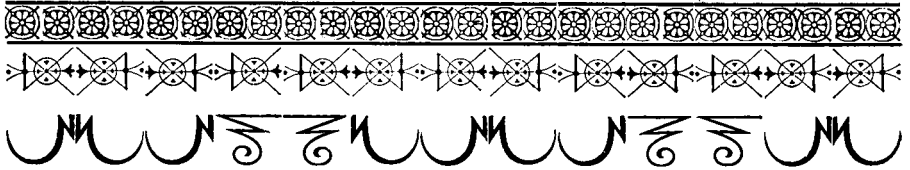
А. Кругловъ.

ИЗЪ ЭЙХЕНДОРФА.

Твой образъ чистый, ясный
 Въ душѣ моей сокрытъ;
 Онъ свѣтлыми очами
 Въ лицо мое глядитъ.
 Родится въ сердцѣ пѣсня
 И въ даль изъ устъ моихъ
 Летитъ къ тебѣ, малютка,
 На крыльяхъ золотыхъ.

Н. Иваницкій.

Дождались...

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Въ небольшой, но изящно и уютно убранной комнатѣ, освѣщенной ярко горѣвшею лампою, было очень тихо, не смотря на присутствіе двухъ живыхъ существъ. Въ креслѣ подлѣ столика сидѣла молодая женщина, съ страшно блѣднымъ, исхудалымъ, осунувшимся лицомъ, сохранившимъ, однако, слѣды незаурядной красоты. Мягкія очертанія овальной головки, обрамленной копною роскошныхъ бѣлокурыхъ волосъ, оживлялись большими синими глазами, то загоравшимися сильнымъ огнемъ, то потухавшими въ какомъ то изнеможеніи. По лицу часто пробѣгала нервная дрожь, руки судорожно хватались за скомканную газету, за платокъ, ручки кресла. Покраснѣвшіе отъ слезъ глаза то закрывались, то широко открывались, и тогда въ нихъ выросталъ какой-то страшный вопросъ, полный непереносимаго ужаса и безысходной тоски. Во всей небольшой, очень стройной фигурѣ сказывалось что-то дѣтски безпомощное, жалкое, угнетенное...

Часто глаза молодой женщины останавливались на маленькой фигуркѣ ребенка, возившагося съ своими игрушкамъ на коврѣ у ея ногъ. Глаза ея вспыхивали тогда страстнымъ порывомъ материнскаго чувства, руки ласково протягивались къ мальчику съ молчаливымъ призывомъ, какъ будто она ждала, что это крошечное существо придетъ къ ней на помощь, чтобы разрѣшить тотъ мучительный вопросъ, который такъ ужасно давитъ ее.

Но серьезный и не по лѣтамъ развитой Вова, давно уже приглядѣвшійся къ молчаливому горю матери, безшумно возился съ игрушкамъ, не обращая вниманія на мать. Руки матери опустились, но она долго не сводила любовныхъ взглядовъ съ дорогой фигурки сына, видимо старавшагося играть потише, чтобы не мѣшать думамъ мамы. Только тутъ она оживала и отдыхала отъ своего горя, забывая его хотя на короткое время.

Часы пробили семь, мать встрепенулась, что-то вспомнила и позвонила въ лежавшій на столѣ звонокъ. Мальчикъ поднялъ

голову и вопросительно посмотрѣлъ на мать. Та привлекла сына къ себѣ, усадила на колѣни и, горячо цѣлуя, обратилась къ вошедшей пожилой женщинѣ:

— Приготовили горячую воду, Маша?

— Грѣется, Любовь Николаевна, черезъ полчаса поспѣетъ.

Прислуга вышла, а Вова заговорилъ въ подозрительномъ тонѣ, видимо чѣмъ-то взволнованный:

— Мама! кто же это будетъ купаться?

Мать улыбнулась, зная антипатію сына къ купанью, которое всегда сопровождалось у него сценами, капризами, плачемъ. Она лукаво отвѣтила:

— Кто?.. тетя Юля...

— Но тети нѣтъ...

— Она скоро придетъ, будетъ почевать у насъ...

— Ну, пусть купается, если ей нравится... — успокойся мальчикъ, — и ты купайся, и Маша пусть купается... а я не буду!..

— А можетъ быть, Вова, и ты помоешься?

— Нѣтъ—нѣтъ! не стану! — горячо запротестовалъ онъ, — я недавно купался, и ты сказала, что я не скоро—не скоро буду мыться... Правда, вѣдь ты сама такъ сказала?

— Сказала, мой милый, но это нескоро уже прошло...

— И завтра не пройдетъ, и еще завтра, и еще...

— Ахъ, Вова! такой ты большой мальчикъ—5 лѣтъ тебѣ, а не слушаешься мамы—не хочешь быть чистенькимъ... Тебѣ такъ полезно купанье... Забылъ, что говорилъ папа, когда уѣзжалъ?

— Ну, да!.. ты его попросила, онъ и приказалъ мнѣ купаться... А отчего самъ онъ никогда не купалъ меня?.. все ты... ты выдумываешь!..

— Вова! мнѣ и безъ того тяжело, а тутъ еще ты съ своими капризами...

— Ты все о папѣ думаешь?

— Да, мой дорогой...

— Забылъ насъ папа, не пишетъ...

— Не смѣй, Вовка, такъ думать! — вспыхнула мать, — никогда папа насъ не забудетъ!.. нѣтъ у него никого дороже насъ съ тобою!.. Ты-то помнишь-ли его? не забудешь?..

— Помню: онъ такъ хорошо игралъ со мною, а ты такъ не умѣешь!.. и папа никогда меня не купалъ... я его не забуду... хороній папа!..

— И никогда не забывай!.. А не пишетъ онъ оттого, что или раненъ, или въ плѣну у японцевъ?..

— Ахъ, мама! ну зачѣмъ же онъ дрался съ японцами?! онъ докторъ—и сидѣлъ бы около больныхъ...

— Онъ и былъ съ больными и ранеными, а японцы напали...

— Зачѣмъ же онъ бросилъ свою больницу и поѣхалъ на войну?

— Заставили и поѣхалъ...

— Развѣ онъ маленький?! Это маленькаго можно заставить

купаться, когда онъ совсѣмъ—совсѣмъ не хочетъ... Развѣ ты можешь заставить Машу, чтобы она сегодня купалась... вмѣсто меня?..

— Ты все о своемъ...—улыбнувшись, сказала мать,—сходи-ка къ Машѣ и узнай, готова-ли вода?

— А тети Юли все нѣтъ...—печально замѣтила Вова,—кто же будетъ купаться?.. Знаешь, мама, я пойду уговорю Машу: ей очень полезно быть чистенькою...

Мать невольно размѣялась и спустила на полъ сына, побѣжавшаго въ кухню. Эта бесѣда развлекла ее, но не надолго: наболѣвшій вопросъ о мужѣ снова овладѣлъ всѣмъ ея существомъ, какъ владѣлъ ею дни и ночи...

Прошло уже 3 мѣсяца со времени страшныхъ и позорныхъ дней Мукдена, когда мужъ ея канулъ какъ въ воду, не смотря на всѣ поиски во всевозможныхъ учрежденіяхъ. И все-же Любовь Николаевна не вѣрила, не могла, не хотѣла вѣрить, что мужа уже нѣтъ въ живыхъ. Какое-то слѣпое предчувствіе говорило ей, что еще не все кончено и она увидится съ нимъ... Но часто эта вѣра пропадала и мужъ представлялся ей погибшимъ. Эти мучительныя колебанія и томительная неизвѣстность изводили ее страшно. Безъ видимой болѣзни она быстро осунулась, исхудала, ослабѣла. Сонъ бѣжалъ отъ нея, пища не шла на умъ.

Ужъ лучше какой нибудь конецъ, опредѣленное рѣшеніе, послѣдній ударъ судьбы, чѣмъ эти ужасные переходы отъ чуть теплившейся надежды до полного отчаянія!..

Убить-ли ея Сережа? или только раненъ? и какъ раненъ?.. Можетъ быть, отъ прежняго красавца, полного жизни, энергіи, остался какой нибудь жалкій „обрубокъ“, безпомощный, бесполезный?! Ну что же! она и ему, искалѣченному подобію человека, будетъ безконечно рада, станетъ еще больше любить его, отдастъ на служеніе ему всю свою жизнь... Лишь бы только онъ былъ живъ и былъ подлѣ нея!.. Пусть и невозможно теперь прежнее счастье, какимъ она наслаждалась за 6 лѣтъ ихъ дружной брачной жизни, отъ которой оторвала ихъ эта проклятая война. Но она съ восторгомъ ухватится даже за обломки былого, за одни намеки на счастливое прошлое... только бы онъ жилъ и никогда болѣе не разлучался съ нею и Вовой!..

Она страшно негодовала и приходила въ ужасъ, читая въ газетахъ о нѣсколькихъ случаяхъ отказа солдатскихъ семей припять вернушіеся съ войны исковерканные и обезображенные „обрубки“ прежнихъ своихъ кормильцевъ и отцовъ... Она не могла понять это ужасное „варварство“, эту дикую „жестокость“, этотъ возмутительный „эгоизмъ“—какъ она выражалась—тѣхъ мужицкихъ женъ, дѣтей, матерей, которыя отказывались принимать изстрадавшагося и безпомощнаго, но близкаго и дорогаго когда-то человека... Эти „звѣри“ даже буквально выбрасывали на улицу несчастные „обрубки“ бывшихъ людей—отца, брата, сына!..

Развѣ мыслимо, чтобы и она такъ поступила?!.. о, никогда!.. она будетъ невыразимо счастлива и съ „обрубкомъ“ ея Сережи!..

Но она невольно вздрогнула, рисуя картину возвращенія мужа... безъ рукъ и ногъ, съ обезображеннымъ лицомъ, слѣпого, безъ голосу... полутрупъ!..

Она даже вслухъ закричала, закрывая лицо руками:

— Нѣтъ—нѣтъ!.. это невозможно!.. не надо, не надо!.. Господи!..

Вся дрожа, она вскочила и бросилась къ окну, услышавши, что кто-то подѣхалъ къ крыльцу. Она вспомнила, что должна пріѣхать сестра, и кликнула Машѣ отворить двери.

II.

Въ комнату вскочилъ взволнованный Вова, со словами:

— Мама! тамъ офицеръ... и съ саблею!.. какъ у папы... ✕

— Приси сюда, скорѣе!.. Боже!.. это вѣрно о папѣ...

У ней подкосились ноги и она упала въ кресло, жадно вглядываясь въ отворенную дверь передней. Она видѣла, какъ Вова шаркнулъ ножкой и протянулъ кому-то рученку, съ своимъ обычнымъ привѣтствіемъ:

— Позвольте съ вами поздороваться!..

Чьи-то руки подняли мальчика, кто-то поцѣловалъ его, и неизвѣстный молодой голосъ сказалъ:

— Здравствуй, милый!.. тебя зовутъ Вовой?.. ну, я привезъ тебѣ и твоей мамѣ поклоны отъ вашего папы...

Любовь Николаевна не вѣрила своимъ ушамъ и въ первую минуту оцѣпенѣла... Не ослышалась-ли она? Но нѣтъ! вотъ тотъ же голосъ снова говорить Вовѣ:

— Скоро увидишь папу...

Что же это такое? правда?.. Сережа живъ и скоро увижу его?!.. Волна неожиданнаго счастья нахлынула на нее, переполнила черезъ край изстрадавшееся сердце... У нея захватило дыханіе, голова закружилась, она хотѣла вскочить съ кресла и грохнулась на коверъ...

Въ комнату вбѣжали военный докторъ, принятый Вовой за офицера, Маша и тетя Юля, только что подѣхавшая. Вова раскричался, увидѣвши мать безъ чувствъ. Тетя схватила его на руки и унесла въ спальню.

Не скоро удалось доктору привести въ чувство Любовь Николаевну. Когда она успокоилась и открыла глаза, съ недоумѣніемъ глядѣвшіе на незнакомаго человѣка, тотъ посѣвшилъ отрекомендоваться:

— Врачъ Петровъ, товарищъ вашего мужа...

Любовь Николаевна встрепенулась, какъ послѣ сна, схватила доктора за руки и заговорила:

— Такъ это не сонъ? живъ Сережа? да—да?..

— Живъ—живъ, успокойтесь!..

— Какое счастье!.. Вова! слышишь? папа живъ!.. какъ я вамъ благодарна...—и она горячо пожала руку доктора и зарыдала.

Подбѣжалъ Вова, вскочилъ къ матери на колѣни и принялся по-дѣтски уговаривать ее, чтобы не плакала, но скоро самъ заразился ея настроеніемъ и разрыдался. Пришла очередь матери уговаривать сына, и скоро они оба затихли.

— Вотъ какъ вы слабы,—заговорилъ докторъ,—какъ васъ разстраиваетъ даже радостная вѣсть... Не слѣдовало мнѣ и являться къ вамъ...

— Нѣтъ—нѣтъ, докторъ! большое спасибо вамъ!.. вы оживили меня, теперъ я буду здорова...

— Смотрите—крѣпитесь, не волнуйтесь... а то ничего не скажу вамъ о Сережѣ...

— Вы видѣли его? совсѣмъ здоровъ? гдѣ же онъ? отчего не пишетъ? въ плѣну?...—забросала она вопросами.

— Нѣтъ, въ плѣну онъ не былъ, а былъ тяжело раненъ...

— Какъ? куда? Боже! говорите!

— Вотъ вы опять заволновались... забыли нашъ уговоръ?..

— Не буду больше, не буду... говорите!..

— Объ раненъ въ лицо...

— Боже! потерялъ глаза?..

— Нѣтъ—нѣтъ! глаза цѣлехоньки, и больше по глазамъ я узналъ товарища... Рана ниже глазъ, все лицо забинтовано...

Любовь Николаевна застонала и закрыла лицо руками...

— Успокойтесь же!.. раны уже затягиваются и... вѣроятно, скоро заживетъ... все... какъ-то нерѣшительно проговорилъ докторъ, видимо что-то скрывая.

— Вы говорили съ нимъ?—робко спросила докторша.

— Да... то есть, ему нельзя говорить... но онъ пишетъ, бесѣдуя со мною...

— А дальше будетъ говорить?

— О, да! нужно надѣяться...—черезчуръ увѣренно отвѣтилъ докторъ, но покраснѣлъ и отвернулся...

Это бросилось въ глаза Любови Николаевны, она насторожилась и подозрительно стала относиться къ успокоительнымъ рѣчамъ доктора... Она снова спросила:

— Гдѣ же онъ? отчего не пишетъ мнѣ? гдѣ былъ раненъ?

— Его ранили осколкомъ шрапнели при отступленіи отъ Мукдена... Весь полкъ страшно разгромленъ: изъ 16 ротъ едва наберется сборныхъ 2—3 роты, остальные или въ плѣну, или побиты и ранены... Сережу съ неимовѣрнымъ трудомъ вынесли горячо полюбившіе его солдатики... Онъ страшно много потерялъ крови и долго былъ безъ сознанія, очнулся въ одномъ изъ госпиталей въ Харбинѣ. Когда онъ нѣсколько поокрѣпъ, его сдали въ нашъ санитарный поѣздъ, тутъ я и узналъ Сережу... Мы отправились въ Россію...

Любовь Николаевна жадно слушала рассказъ доктора, съ

широко раскрытыми глазами, затаивъ дыханіе, вся содрогаясь отъ волненія... Сестра ея спросила доктора:

— Неужели за эти 3 мѣсяца не дошло до Сергѣя Николаевича ни одно изъ писемъ Любы? вѣдь сколько ихъ послано! чуть не каждый день писались... А потомъ эти справки въ главномъ штабѣ, медицинскомъ управленіи, полевомъ штабѣ, Красномъ Крестѣ и проч. и проч. — неужели ничто до васъ не доходило?

— Ровно ничего! ни писемъ, ни справокъ никакихъ мы не получали... Вѣдь тамъ, въ дѣйствующей арміи, шла въ это время страшная кутерьма, общая паника, всѣ потеряли голову... А справки и запросы шли десятками тысячъ... не до нихъ было!... Притомъ, какъ я сказалъ, Сережа долго былъ безъ сознанія, и никто сначала не зналъ его имени. И въ нашъ поѣздъ сдали его безъ имени... Но мнѣ сразу показали очень знакомыми его фигура, манеры, особенно глаза... Вѣдь въ университетѣ мы были большими друзьями...

— Да—да,—перебила Любовь Николаевна,—теперь я вспомнила: Сережа много о васъ рассказывалъ... И переписывались вы съ нимъ...

— Да, мы долго были въ перепискѣ, пока судьба не угнала насъ на Дальній Востокъ...

— Такъ вы узнали его въ поѣздѣ? почему не написали мнѣ? неужели Сережа не просилъ васъ о томъ?

— Видите-ли, Любовь Николаевна... Когда онъ пришелъ въ себя, онъ былъ въ страшно угнетенномъ настроеніи... Вѣдь онъ такой красавецъ и вдругъ—такая рана!..

— Онъ страшно обезображенъ? говорите всю-всю правду!..—
Любовь Николаевна затрепетала

— То есть...—замаялся докторъ—теперь... да, лицо обезображено, но... нужно надѣяться...

— Вы скрываете правду?!

— Да нѣтъ... видите-ли, медицина наша такъ могуча теперь... не нужно терять надежды...

— Боже мой!.. но жить онъ можетъ... долго?

— О, да! Кромѣ лицевой раны, все остальное не тронуто... Разумѣется, онъ страшно ослабѣлъ отъ потери крови, но организмъ его очень крѣпкій и скоро оправится... Только вотъ душевное настроеніе его сильно подавленное... Мнѣ стоило огромныхъ усилій поднять въ немъ жажду жизни...

— Онъ хотѣлъ покончить съ собою?—съ ужасомъ угадала Любовь Николаевна.

— Да, эта мысль у него бродила... но я отговорилъ его именемъ вашимъ и сына...

— Докторъ—докторъ!..—могла только вымолвить Любовь Николаевна и зарыдала.

— Простите! можетъ быть, мнѣ не слѣдовало это говорить вамъ... но съ другой стороны думается, что вы должны быть... ближе къ истинѣ... и должны знать, на какой подвигъ зоветъ васъ любовь къ мужу, если... если она сохранилась.

— Да—да!—сквозь рыданія говорила Любовь Николаевна,— я люблю его больше прежняго... и все—все отдамъ на служеніе ему... И вамъ безконечно благодарна за спасеніе его... для меня и Вовы... И вѣдь... можетъ быть, онъ... и въ лицѣ поправится?..

— Да, медицина чудеса дѣлаетъ... Всѣ врачи въ одинъ голосъ совѣтуютъ ему ѣхать въ Германію... Вотъ для этой поѣздки вы и нужны ему особенно... Да и вообще, вы очень необходимы для него: уже теперь, при одной мысли, что онъ снова заживетъ въ своей семьѣ—Сереза вдругъ воспрянулъ духомъ, приободрился, сталъ крѣпнуть... Вы съ Вовой благотѣтельно повлияете на его выздоровленіе...

Мальчикъ, внимательно все слушавшій, откликнулся:

— Я буду цѣлый день играть съ папой... и все ему рассказывать, все-все... А то мама теперь перестала со мной говорить и все думаетъ да плачетъ... Когда же папа прѣдетъ?

— Да—да, гдѣ же сейчасъ Сереза?—перебила его мать.

— Очень близко отъ васъ...

— Сегодня пришелъ вашъ поѣздъ...—замѣтила тетя Юля.

— Онъ здѣсь? въ городѣ? я сейчасъ же къ нему... докторъ, поѣдемте!..—Любовь Николаевна заметалась по комнатѣ.

Она схватила платокъ, накинула на голову и бросилась къ передней, спотыкаясь на каждомъ шагу и дрожа всѣмъ тѣломъ. Сестра удержала ее и насильно усадила въ кресло, говоря:

— Какъ можно тебѣ, Люба, ѣхать? ты вся дрожишь, шагу не можешь сдѣлать!..

— Но я хочу его видѣть сейчасъ-же, сейчасъ!.. онъ мой.. я должна ѣхать... и ты не можешь мнѣ запретить...

— Я вамъ запрещаю ѣхать!..—рѣшительно сказалъ докторъ,—въ такомъ возбужденіи и вы не перенесете свиданія, и Сереза пострадаетъ... Нельзя вамъ ѣхать!.. А вотъ, постарайтесь успокоиться, дайте мнѣ слово, что не будете волноваться, возьмете себя въ руки, тогда я привезу къ вамъ Серезу даже сегодня...

— Я буду спокойна... даю слово!.. поѣзжайте сейчасъ!..—отвѣтила затихшая Любовь Николаевна.

— Лучше бы отложить до завтра,—сказала сестра.

— Что ты! что ты! я не переживу этой ночи... я сбѣгу къ нему...

— Ну, хорошо! я привезу его сейчасъ... И онъ-то, бѣдняга, вѣрно измучился, поджидая меня...

— Боже! докторъ! Зачѣмъ же вы медлите и мучите и его, и меня?! скорѣе отправляйтесь!..

— Сейчасъ... Только вотъ необходимо предупредить васъ: лицо Серезы забинтовано и прикасаться къ нему нельзя... Малѣйшее прикосновеніе причинитъ ему страшную боль, и можетъ повредить повязку...

— Не буду прикасаться...—простонала она.—А къ рукамъ можно?

— Да, можно... Потомъ: за нимъ уже 2 мѣсяца ухаживаетъ отличный денщикъ, бывший госпитальный служитель. Онъ пре-

ДОЖДАЛИСЬ.

красно наловчился дѣлать Сережѣ перевязки, кормить его и ухаживать вообще... Предоставьте все этому Матвѣю, а сами ни во что не вмѣшивайтесь! Вы можете повредить Сережѣ.. Современемъ все перейдетъ къ вамъ, а пока не мѣшайте Матвѣю...

— Не буду... Только поѣзжайте, докторъ, за нимъ!..

— Позвольте! этого мало... Еще одно условіе, на которомъ особенно настаиваетъ Сережа: пока онъ вамъ не разрѣшитъ— вы не должны присутствовать, когда Матвѣй станетъ перевязывать его, или кормить...

— Хорошо—хорошо!.. только привозите его скорѣе!..

— Запомните же хорошенько, что я сказалъ... И возьмите себя въ руки покрѣпче!.. Иначе и вы... пострадаете... и Сережѣ повредите...

— Помню все... Бога ради! скорѣе!..

— Да займитесь вотъ дѣломъ,—говорилъ докторъ, одѣваясь въ передней,—приготовьте комнату, бѣлье, бульонъ, чай...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Оглоблинъ.

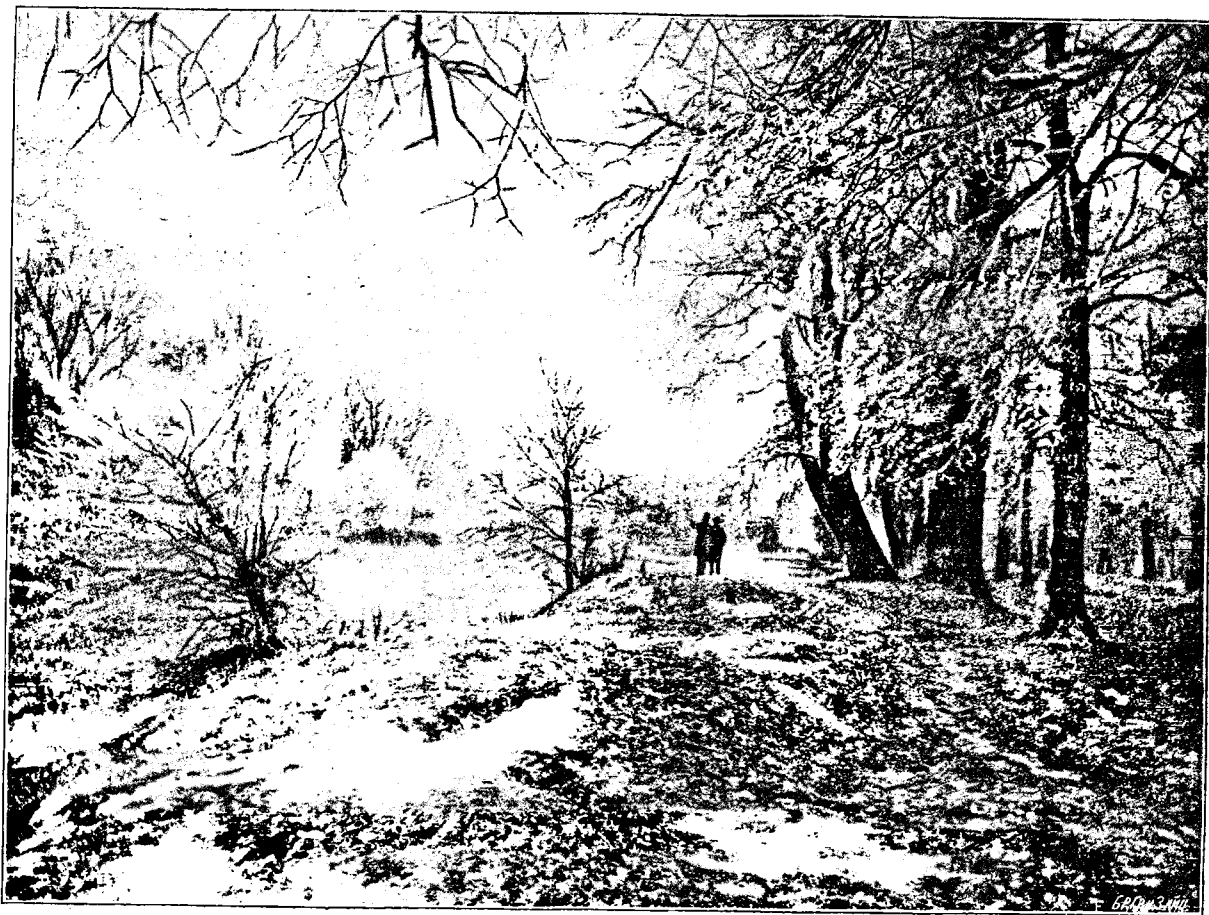
*
* *
*

Любви таинственный покровъ
Сорвалъ онъ дерзкою рукою,
И—вотъ любовь стоитъ безъ словъ
Съ холодной мертвой наготою.

Не блещетъ свѣтъ въ ея очахъ,
Черты недвижны и суровы...
И замираетъ на устахъ
Его восторженное слово...

Ф. Черновъ.

Зимой въ лѣсу.

ЗИМОЙ ВЪ ЛѢСУ.

Догораеть зарево заката...
Подъ горой въ скиту звонять къ вечернѣ.
На поля, къ обледенѣлой рошѣ,
Робко льнуть причудливыя тѣни.
Недвижимъ морозный острый воздухъ.
Надъ лѣсной убогою сторожкой
Изъ трубы дымокъ струится къ небу
И, клубясь, незримо исчезаетъ.
Въ синевѣ безстрастной и холодной
Замигали трепетныя звѣзды;
Тихо всходитъ мѣсяцъ блѣднолицый;
Снѣгъ въ лѣсу заискрился отъ свѣта,
Какъ покровъ серебряный надъ гробомъ...
Мертвый сонъ природы покоренной
Навѣваетъ въ душу примиренье,—
И прощаешь и судьбѣ и людямъ
Годы скорби и обидъ напрасныхъ...
И безъ словъ природа призываетъ:
„Отдохните, странники земные!“

И. Глухаревъ.

ЗА ЧѢМЪ?

(Набросокъ).

I.

— Что вы дѣлаете, Зоя, вѣдь вы себя губите!—вскричала молодой человѣкъ, вскакивая со стула и дѣлая нѣсколько шаговъ къ дѣвушкѣ, стоявшей у окна.

Бѣдняка-студента взволновало признаніе Зои Борисовны Лялиной, которую онъ втайнѣ любилъ: она собиралась выйти замужъ за стараго генерала Родіонова.

— Пожалуйста потише, Николай,—остановила Зоя молодого человѣка. Черныя брови ея недовольно сдвинулись и хорошенькое личико приняло строгое выраженіе:—этакъ, какъ разъ мама бросить въ кухнѣ пирогъ и прибѣжить спасать меня,—закончила она уже шутливымъ тономъ, чтобы не обидѣть Блисталова, только что выразившаго ей сочувствіе.

Онъ осѣкся и заговорилъ тихо, хотя и съ прежнимъ волненіемъ.

— Вы сами не понимаете, что дѣлаете, потому что очень молоды... не сознаете серьезности шага... ну, посудите сами, какая же пара: 60-тилѣтній старикъ и 17-тилѣтній ребенокъ.

— Ахъ, какой же я ребенокъ!—съ сердцемъ перебила, она:—можно въ короткое время пережить и понять больше, чѣмъ другому удастся въ теченіе долгихъ и долгихъ лѣтъ.

— Не въ томъ дѣло... Какая вы жена?.. И чего вамъ собственно нужно? Тряпокъ? Но вы не пустышка, и онъ вамъ скоро наскучать... Чувства въ васъ онъ пробудить не могъ, такъ зачѣмъ же связывать себя цѣпами?

— Вотъ что скажу я вамъ, Николай,—начала дѣвушка необыкновенно серьезно, откидывая со лба выбившуюся прядку черныхъ волнистыхъ волосъ:—скажу вамъ только одно, по старой дружбѣ, и чтобы объ этомъ никто, никто не зналъ—слышите?... Она вопросительно посмотрѣла на него.

— Объ этомъ не можетъ быть рѣчи,—съ подчеркиваніемъ отвѣтилъ онъ.

— То-то же... Вы знаете, какъ я люблю маму и чѣмъ обязана ей,—съ чувствомъ начала Зоя:—когда отецъ бросилъ ее, я была вѣдь еще совсѣмъ, совсѣмъ маленькой... она не отдала меня никому хотя и могла... Отецъ не давалъ намъ ни гроша на содержаніе... она перебивалась... а какъ иногда приходилось трудно, такъ ужъ

про то знаемъ мы вдвоемъ... вамъ даже этого никогда не говорила я, а теперь скажу: мама работала одно время у прачки, потому что мы чуть не умирали отъ голода. (Дѣвушкой овладѣло волненіе и она принуждена была на нѣкоторое время остановиться: овладѣвъ собою, она продолжала): Потомъ добрые люди помѣстили меня въ институтъ и мама восемь лѣтъ маялась, живя на мѣстахъ, была и гувернанткой, и экономкой и чтицей, и компаньонкой. Изъ своего небольшого жалованья она умудрилась сдѣлать маленькое сбереженіе къ моему выпуску и наняла квартирку... Теперь мама, хотя и счастлива, но развѣ отдыхаетъ? Вы видите, у насъ нѣтъ даже прислуги, и она дѣлаетъ все сама; живемъ только на то, что я достаю на урокахъ. А если я захвораю, а если не будетъ уроковъ,—что тогда? Мы лишимся даже и этой нищенской обстановки, къ которой уже привыкли... Въ особенности она: ей будетъ трудно разставаться со всѣмъ этимъ...

Она грустно посмотрѣла вокругъ себя.

Молодой человекъ послѣдовалъ глазами за ея взглядомъ и не могъ не согласиться въ душѣ съ тѣмъ, что обстановка была дѣйствительно нищенская: всего одна большая низкая комната, перегороженная на-двое, при чемъ темная половина служила Лялинымъ спальней, изъ которой вела дверь въ кухню, а свѣтлая была гостиной; здѣсь помѣщался трехногій диванъ, нѣсколько ободранныхъ стульевъ, столъ и древнѣйшее фортепьяно. Видно было, что весь этотъ хламъ приобрѣтенъ задешево, прямо на толкучкѣ.

— Ну, и посудите сами,—продолжала Зоя, послѣ короткаго раздумья: хорошо ли матери жить въ такой сырой квартирѣ при ея ревматизмѣ?.. Видите, зелень по угламъ?.. Вотъ я и хочу успокоить ея старость...

— Приносите себя въ жертву?.. Однако, захочетъ ли этого ваша матушка?

— Ну, конечно, нѣтъ,—потому то я и взяла съ васъ слово.

— Это самоубійство для васъ, потому что вы честная дѣвушка!—вскричалъ опять Блисталовъ, не могшій оставаться спокойнымъ въ виду рѣшенія Зои: — а если вы полюбите? Подумайте, что будетъ тогда?

— Сразу не любятъ, это чувство развивается постепенно... всегда можно успѣть принять мѣры противъ него,—дѣловито возразила дѣвушка.

— А вамъ никто до сихъ поръ не нравился? — спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, устремляя на нее пытливый взглядъ. Она подумала съ секунду и затѣмъ, слегка тряхнувъ головою, съ напускной развязностью отрѣзала:

— Нѣтъ... а погода, уже инымъ тономъ прибавила:—развѣ же и я сама не жажду отдыха?.. За годъ я такъ измучилась, бѣгая съ утра до ночи по урокамъ, что вы себѣ представить не можете... Только и отдыхаешь въ праздникъ. Сами замѣчаете, какъ я худѣю и блѣднѣю... не увидишь, какъ и молодость пройдетъ.

Подавленная сознаниемъ своего положенія, она опустилась на диванъ, грустно поникнувъ граціозной головкой съ правильнымъ, точно выточеннымъ профилемъ.

Молодой человѣкъ смотрѣлъ на нее съ выраженіемъ муки на лицѣ и, стиснувъ зубы, заломилъ руки такъ, что пальцы хрустнули. Что могъ онъ предложить ей, кромѣ чувства?

— Гдѣ же исходъ? — поднимая голову, спросила Зоя: — у меня все сердце изболѣло.. А тутъ разомъ рѣшится все такъ просто и хорошо. Нѣтъ, сама судьба послала мнѣ этого жениха! — съ ожесточеніемъ закончила она, вскакивая на встрѣчу матери, входившей въ комнату съ горячимъ пирогомъ на блюдѣ.

— Ну, дочка, соловья баснями не кормятъ,—замѣтила она, добродушно улыбаясь:—отвѣдайте-ка, удался ли мой пирогъ? — И она засуетилась около стола.

Лялина была пожилая, нѣкогда красивая, но рано состарившаяся женщина. Ея милое и доброе лицо обрамляли сѣдые волосы, а руки были закорузлы, жилисты и костисты, — такъ называемыя рабочія руки. Одѣта она была въ поружѣвшее шерстяное платье.

При видѣ ея у Блисталова сдѣлалось невыносимо тяжело на душѣ, губы скривила горькая усмѣшка. Энергично махнувъ рукою, онъ заигралъ на дребезжавшемъ фортепіано „Wagun“. Шумана, обративъ на Зою тоскующій взоръ.

Дѣвушка приблизилась къ нему легкою походкой и, счастливо улыбаясь, остановила на немъ увѣренный и спокойный взглядъ. На поставленный въ пьесѣ мучительный вопросъ, глаза Зои давали ясный и опредѣленный отвѣтъ.

II.

Въ непродолжительномъ времени состоялась свадьба. Зоя была восхитительна подъ вѣнцомъ въ ея тяжеломъ бѣломъ атласномъ платьѣ, подобранномъ бриллиантовыми аграфами по бокамъ, съ пышной прической на головѣ, украшенной діадемой флеръ-д-оранжа, изъ подъ котораго ниспадало на шлейфъ воздушное кружевное облако. Лицо невѣсты было нѣсколько блѣдно, но глаза сіяли, какъ звѣзды. Женихъ въ свою очередь, чтобы быть ей подстать, бодрился насколько могъ, гордо выпячивая колесомъ грудь, увѣшенную орденами, и поправляя рукою нафабреныя усы. Онъ обводилъ многочисленную публику, собравшуюся въ церкви, побѣдоноснымъ взглядомъ.

III.

Прошло полгода. Морозный зимній день клонился къ вечеру. Зоя стояла у окна своей петербургской квартиры и разсѣяннымъ взглядомъ смотрѣла на улицу. Къ ней очень шло траурное платье, которое она носила по умершей недавно матери. Въ глазахъ молодой женщины выражалось утомленіе и страданіе. Мозгъ угнетали тяжелыя думы.

„Зачѣмъ я вышла замужъ?“ — который уже разъ задавала она себѣ одинъ и тотъ же вопросъ.— „Мамы не стало, а я свя-

зана цѣпями... Правду говорилъ мнѣ тогда Николай,—но я не хотѣла слушать его и теперь всю жизнь должна прожить съ чужимъ для меня человѣкомъ... Что же изъ того, что онъ балуетъ меня и ни въ чемъ мнѣ не отказываетъ,—у насъ разные взгляды. Я еще ничего не видѣла, не испытала, и меня все занимаетъ, а ему уже все пріѣлось и онъ усталъ... На мои выѣзды въ театры, на вечера, онъ смотритъ снисходительно, не участвуя въ нихъ душой, какъ я, и я чувствую себя совершенно одинокой... Онъ видитъ во мнѣ ребенка... Это мой отецъ, вотъ и все... Съ нимъ скучно, хотя онъ и не виноватъ въ этомъ,—кто же неволилъ меня выходить за него замужъ?.. Бѣдная мама не предполагала, что ей придется такъ недолго пожить въ довольствѣ... Право, для этого не стоило даже приносить такой жертвы... Прожили бы и безъ нея, въ той маленькой квартиркѣ, гдѣ я чувствовала себя счастливой и свободной... Вся жизнь была впереди, а теперь?.. Ни одного луча солнца, все однообразно и сѣро. Завтра, какъ сегодня, и такъ будетъ долго, долго, всегда“...

Зоя тяжело вздохнула.

„А какъ на меня тогда смотрѣлъ Николай... Голосъ его дрожалъ... Мнѣ стало жаль его,—вѣдь онъ такой хорошей, живой... ужъ вотъ съ кѣмъ бы навѣрное не соскучилась никогда... Любить меня... по всему видно, что любить... и мнѣ онъ очень нравится... Онъ словно предчувствовалъ, что изъ моей жертвы ничего не выйдетъ... Такъ и случилось... Вотъ и сиди теперь тутъ въ золотой клѣткѣ, да смотри съ завистью, какъ жизнь, кица, несется мимо тебя“...

Ею вдругъ овладѣлъ приливъ жгучаго отчаянія. Заломивъ руки, она въ безсиліи опустилась на близъ стоявшее кресло, изъ груди вырвалось восклицаніе, похожее на стонъ.

Нѣсколько минутъ просидѣла она такъ, не мѣняя позы. Когда вошелъ человѣкъ съ докладомъ о приходѣ Блисталова, она не сразу поняла въ чемъ дѣло. Не смотря на желаніе скрыть отъ глазъ входившаго гостя свою внутреннюю борьбу, Зоя не удалось это исполнѣ. На лицѣ ея все-таки остались слѣды душевнаго страданія. Впрочемъ, она напрасно такъ старалась скрыть свои чувства: Блисталовъ былъ далекъ отъ истины, и хотя сразу замѣтилъ душевное состояніе молодой женщины, но приписалъ это ея грусти по матери. Онъ сказалъ ей въ утѣшеніе нѣсколько тѣхъ „теплыхъ“ словъ, какія обыкновенно говорятъ въ подобныхъ случаяхъ.

Зоя разсѣянно выслушала ихъ. Она и рада была видѣть друга дѣтства, и въ то же время ей было больно видѣть его, такъ какъ еще болѣе прибавлялось горечи отъ признанія бесполезности жертвы.

— А гдѣ же вашъ мужъ?—спросилъ нѣсколько спустя Блисталовъ, не видя Родіонова.

— Уѣхалъ въ Стрѣльну,—отвѣтила Зоя.

Молодой человѣкъ былъ очень доволенъ этому неожиданному tête-a-tête, и рѣчь его полилась непринужденнѣе. Ласкающій голосъ и нѣжные взгляды съ его стороны вывели, нако-

нецъ, Зою изъ подавленнаго состоянія, и она нѣсколько оживилась.

Въ разговорахъ время незамѣтно летѣло. На землю спускались сумерки. Зоя позвонила и велѣла вошедшему лакею подать лампы и чай въ гостиную, но не въ будуаръ, гдѣ она обыкновенно принимала самыхъ близкихъ друзей, изъ числа которыхъ умышленно выключала Блисталова, не отдавая себѣ яснаго отчета, почему именно она это дѣлала. Столовой же Зоя вообще не любила, такъ какъ ея массивная дубовая мебель въ готическомъ стилѣ и тяжелый рѣзной буфетъ всегда наводили на нее уныніе.

Блисталовъ сѣлъ напротивъ Зои, которая стала разливать чай, и залюбовался ея измѣнившимся лицомъ, утратившимъ дѣтскія очертанія и сіявшимъ пышнымъ расцвѣтомъ женской красоты.

— Какъ вы перемѣнились!—невольно вырвалось у него.

— Да всё говорятъ... а вы?

Она подняла на его глаза и встрѣтила его упорный взглядъ.

— Я—нисколько... все тотъ же,—съ подчеркнваніемъ отвѣтилъ онъ.

Зоя слегка смутилась и опустила глаза въ свою чашку, сознавая, что вопросъ былъ поставленъ ею не совсѣмъ ловко.

— Ну, а что же вы думаете дѣлать теперь?—немного погодя спросилъ Блисталовъ уже совсѣмъ инымъ тономъ.

— Да ничего, что же дѣлать, когда ужъ все сдѣлано?

И въ сбивчивыхъ выраженіяхъ дала ему понять, что какъ бы ни было велико ея страданіе, она не обнаружитъ этого и не отравитъ чужого счастья. Она вынесетъ все одна, такъ какъ одна во всемъ виновата.

— Но вѣдь можно создать себѣ счастье, и не разрушая чужого,—сказалъ Блисталовъ, выслушавъ.

Молодая женщина подумала нѣкоторое время и затѣмъ отвѣтила:

— Да, кто можетъ... Но я не способна на такую ложь...

Николай пристально посмотрѣлъ на нее, какъ бы взвѣсивая ея слова, затѣмъ, отодвинувъ отъ себя пустой стаканъ, всталъ и заходилъ по комнатѣ.

На нѣсколько минутъ воцарилось молчаніе.

— Ну, а скажите мнѣ,—началъ было онъ, но не окончивъ фразы, сѣлъ за піанино и заигралъ Шумановское „Wagen“.

При первыхъ звукахъ музыки смятеніе вновь овладѣло душой молодой женщины... Теперь Зоя не могла подойти къ своему другу, какъ тогда, съ яснымъ взоромъ, въ которомъ читался опредѣленный отвѣтъ... Теперь у нея отвѣта не было... волненіе все сильнѣе и сильнѣе овладѣвало ею и она нервно комкала въ рукахъ кружевной платокъ. Звуки музыки растравляли ея душевную рану... Вотъ съ заключительнымъ аккордомъ, какъ бы повисъ въ воздухѣ и задрожалъ мучительный вопросъ...

Николай безмолвно обернулся.

Она сидѣла грустная, съ поникшей головою, прижавшись къ спинкѣ глубокаго кресла. Поза ея выражала безпомощность и страданіе. Молодая женщина походила на прекрасный цвѣтокъ, поломанный и смятый бурей.

Блисталовъ догадался о ея чувствахъ, ему сдѣлалось жаль ея и онъ проговорилъ мягко и съ грустью:

— Вы молчите, Зоя?.. Почему же вы не отвѣчаете мнѣ?..

Онъ всталъ изъ-за піанино и, приблизившись къ молодой женщинѣ, съ мучительной тоской въ голосѣ, повторилъ настойчивѣе:

— Почему?

Она посмотрѣла на него безжизненнымъ взоромъ отчаянія.

Поднявшись съ кресла, она подошла къ піанино разбитой походкой, и вмѣсто отвѣта заиграла Бетховенскій похоронный маршъ.

Раздались торжественные и печальные звуки. Сердце сжалось у Зои. Она смутно сознавала, что подъ этотъ похоронный звонъ колоколовъ, какъ бы заколачивали крышку ея собственнаго гроба, въ которомъ она останется навсегда... Ей сдѣлалось невыразимо жаль своей молодой жизни... двѣ крупныя слезы повисли на ея рѣсницахъ.

Эти слезы слабости возбудили стыдъ въ молодой женщинѣ, которой показалось, что она уронила ими себя въ глазахъ Блисталова.

Она вскочила со стула и бросилась къ двери, желая скрыть свое малодушіе. Но нервная спазма сжала ей горло, и изъ груди вырвалось предательское рыданіе... Зоя стремительно скрылась за дверью.

Лицо Николая разомъ прояснѣло отъ неожиданнаго сладкаго предчувствія. Онъ, какъ сумашедшій, бросился въ слѣдъ за нею съ горячимъ призывомъ къ жизни, къ счастью...

Но передъ нимъ щелкнула задвижка будуара, ревниво скрывшаго въ своихъ мягкихъ шелковыхъ нѣдрахъ молодую женщину.

И на настойчивый вопросъ отвѣтомъ оттуда было гробовое молчаніе...

Анна Догановичъ.

Невѣста Васы.

(изъ зырянскихъ разсказовъ).

Стоялъ крещенскій сочельникъ.

Темнѣло. Морозъ крѣпчалъ, усиливаясь поднимавшимся вѣтромъ. Сѣрое непривѣтное небо постепенно прояснялось. Вотъ порывъ вѣтра сорвалъ съ дерева комъ снѣга и пылью разсыпалъ его кругомъ. Какой-то гулъ порой проносился издали. Въ лѣсу, близко подошедшему къ дорогѣ, нѣтъ, нѣтъ, и что-то начинало завывать, и вдругъ раздавался рѣзкій звукъ, словно кто стрѣлялъ изъ ружья. Сквозь дрему я даже вздрагивалъ невольно, но, понявъ, что это не выстрѣлъ, а дерево отъ мороза треснуло, опять дремалъ, завернувшись хорошенько въ шубу, надѣтую поверхъ простого тулупа. Мой возница—зырянинъ неподвижно сидѣлъ на облучкѣ и только покрикивалъ на лошадокъ:

— Гай, гай, ветлы, ветлы!

Ему тепло. Одѣтый въ малицу*), онъ не боялся мороза, да онъ и вообще привыкъ къ нему. А я ежился отъ холода и съ нетерпѣніемъ ждалъ той минуты, когда мы дойдемъ до деревни, отъ которой до села уже останется всего сорокъ верстъ. Въ деревнѣ у меня былъ знакомый зырянинъ, даже можно сказать—пріятель, потому что съ нимъ я познакомился еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Закрывшись воротникомъ шубы, я мечталъ о скоромъ „теплѣ“, о томъ, что напьюсь чаю и отдохну хоть съ часокъ-другой отъ ѣзды по ухабистымъ дорогамъ.

А вѣтеръ, словно понявъ мои думы и злясь на то, что я таки на время уйду изъ-подъ его власти, налетѣлъ на насъ съ какимъ-то ожесточеніемъ, поднялъ столбъ снѣга, покрутилъ его на одномъ мѣстѣ и погналъ впередъ, увеличивая его въ объемъ. Я схватился даже рукой за шапку: мнѣ показалось, что ее сорветъ съ головы сильнымъ порывомъ вѣтра. На небѣ между тѣмъ вызвѣдало. Остатки разорванныхъ облаковъ уносило вдаль. Въ лѣсу скрипѣли деревья, качаясь отъ вѣтра. Общій видъ лѣса, погребеннаго подъ снѣгомъ, былъ какой-то угрюмо-зловѣщій.

*) Малица шьется оленьей шерстью внизъ, покрывается нанкой, а подолъ обшивается пыжикомъ. Ея покрой напоминаетъ дьяконскій стихарь.

— Къ Петырю, говоришь, ѳхать-то? вдругъ промолвилъ мой возница, обернувшись ко мнѣ.

— Да, къ Петырю... а что, скоро развѣ?

— Гляди—эво! промолвилъ только возница, указывая кнутъ въ сторону.

Я посмотрѣлъ—вдали во тмѣ мелькали какія-то рѣдкія свѣтлыя точки, точно волчьи глаза.

— Деревня это уже? спросилъ я.

— Она.

Онъ дернулъ возжами и закричалъ опять:

— Гай, гай, ветлы, ветлы!

Черезъ какіе нибудь четверть часа мы вѣзжали уже въ деревню, полузасыпанную снѣгомъ. На ея неправильной улицѣ, плохо наѣзженной, царила полная тишина: не виднѣлось ни души, словно вся деревня вымерла. И только слабые огоньки, проникавшіе на улицу сквозь тусклыя, замерзшія окна керокъ, указывали на жизнь. Изъ-подъ воротъ выглянула собака и залаяла. Ея одинокій лай гулко пронесся по деревнѣ. Но вѣрный сторожъ не дождался поддержки и отвѣта отъ собратьевъ и спрятался снова, какъ бы разочарованный, даже нѣсколько сконфуженный такимъ обстоятельствомъ.

Мы подѣхали къ керкѣ Петыря.

Изба (керка) Петыря одна изъ лучшихъ въ деревнѣ. Петырь—зажиточный и домовитый хозяинъ. Въ иныхъ керкахъ оконныя рамы обтягиваются пузырями: во многихъ если и есть стекла, то составлены изъ мелкихъ обломковъ; у Петыря цѣльныя стекла. Я еще не успѣлъ изъ саней вылѣзть, какъ на крыльцѣ показался самъ хозяинъ—коренастый мужикъ невысокаго роста, но такой здоровенный, какъ говорится, „едренный“, что невольно подумаешь: „ну, этотъ и большаго сильнѣй, пожалуй!“ Сверхъ рубахи на Петырѣ былъ накинута тулупъ.

Петырь сразу узналъ меня и искренно обрадовался.

— Какимъ вѣтромъ занесло? воскликнулъ онъ улыбаясь, и эта улыбка сразу измѣнила его красивое, но нѣсколько угрюмое лицо.

— Да вотъ въ Н—ое село ѳду, сказалъ я, подымаясь на крыльцо.

— Въ Н—ое?

— Да, а оттуда въ В—ду.

— Такъ... А откуда теперь-то? гдѣ были?

— Въ бѣга, Петырь, пустился, въ бѣга, усмѣхнувшись, отвѣтилъ я.

Петырь съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня.

— Не понятно? промолвилъ я.

— Не въ домекъ, Ликсанъ Василичъ, не въ домекъ!

— А вотъ въ избѣ все расскажу, дай обогрѣться... угостишь чайкомъ?

— Еще бы нѣтъ! Сейчасъ, сейчасъ, Ликсанъ Василичъ! Мигомъ!..

Мы вошли въ керку.

Внутреннее расположеніе избы зырянской почти такое же, какъ и русской. Къ огромной печкѣ, занимающей едва ли не половину избы, пристроено подполье, называемое по русски голбець. Отличительной чертой керки является окно, просверленное въ стѣнѣ, надъ печкою—окно круглое и довольно большое.

За столомъ на лавкѣ сидѣла пожилая женщина—жена Петыря. Она встала при нашемъ приходѣ, поздоровалась со мной и, получивъ приказаніе отъ мужа—„нагрѣть живѣ самоваръ“, бросилась исполнять это приказаніе. Я еще не успѣлъ снять шубы, какъ маленькая дочь Петыря, Паре, подмела избу и накрыла столъ скатертью—бѣлой, но довольно грубой.

Раздѣвшись совсѣмъ, я снова поздоровался съ Петыремъ и, сѣвши съ нимъ рядомъ на лавку, рассказалъ о моихъ приключеніяхъ.

— И-и, дорогой, промолвилъ Петырь,—съ непривыку гдѣ же... еще ладно, что огневица (горячка) недолго маяла, да все благополучно обошлось, а то...

Онъ не кончилъ, опять усмѣхнулся и добавилъ:

— Сбѣжалъ, значить? Ну, что же, когда нибудь, може, опять соберешься, а теперь, стало быть, на дома?

— Да, домой, Петырь. Вотъ въ Н—омъ встрѣтить хочу Пѣгова, да съ нимъ и домой.

— Такъ, такъ!

А на столъ, между тѣмъ, былъ поданъ самоваръ, и появилась закуска: ярушники (лепешки изъ ячменной муки, намазанныя масломъ), чиринянь—рыбный пирогъ, брюква, рѣпа; въ кувшинѣ—ырошь—квасъ.

Я и проголодался, и озябъ,—и съ удовольствіемъ поѣлъ вкуснаго чириняня, брюквы, и еще съ большимъ удовольствіемъ принялся пить чай.

Маленькая Паре то и дѣло хлопала дверьми, выбѣгая и снова возвращаясь въ керку. Мать накинулась на нее:

— Чего ты избу-то студишь? крикнула она сердито.—И куда тебя носить? Бѣгай больше на дворъ, такъ и попадешь въ невѣсты къ Васѣ!

Дѣвочка сразу присмирѣла и пугливо прижалась въ уголь.

— Что, испугалась? съ улыбкой спросилъ отецъ.—Не хочешь къ Васѣ? не любъ такой женихъ?

Дѣвочка молчала.

— Что это такое, Петырь? спросилъ я.

— А такъ вотъ, пугаемъ стало...

— Кто же такой Васа? Старикъ что-ли? или нашъ бука?

— Вродѣ выходитъ. Развѣ не слыхалъ ничего, не знаешь кто Васа?

— Нѣтъ.

— А Куля знаешь?

— Про Куля слыхалъ. Это водяной?

— Да.

— А Васа?

— А что Вася, что Куль—одно и то же... только клички разные.

Со словомъ Куль у зырянъ соединено понятіе о существѣ, обитающемъ въ водѣ, имѣющимъ видъ человѣка съ длинными и влажными волосами. Зырянамъ Куль представляется существомъ совершенно тѣлеснымъ, не имѣющимъ никакихъ свойствъ духа. Куль питается рыбою, имѣетъ женъ, дѣтей, у него подъ водой—дома, коровы, словомъ—все хозяйство, какъ слѣдуетъ. Онъ живетъ въ рѣкахъ, въ озерахъ, въ моряхъ, въ омутахъ и изрѣдка въ зыбучихъ, топкихъ болотахъ. Только что родившіеся его дѣти имѣютъ неопредѣленную мохнатую форму, которая получаетъ жизнь, развивается и принимаетъ опредѣленный видъ и форму постепенно, по мѣрѣ возрастанія.

Все это и рассказалъ мнѣ Петырѣ. Я и раньше слыхалъ о Кулѣ, но не зналъ такихъ подробностей и того, что его также зовутъ Васой.

— А встрѣчался ктонибудь съ нимъ? спросилъ я.

— О, гдѣ же встрѣчаться! отвѣтила съ испугомъ жена Петырѣ. Не дай Богъ и св. Стефанъ видѣть его! Кто видѣлъ, тотъ и пропалъ.

— Какъ пропалъ?

— А такъ, онъ увезетъ.

— Увезетъ? куда?

— А къ себѣ подъ воду, въ свое хозяйство. Вотъ сегодня самый такой страшный день и есть.

— Сегодня? почему же именно сегодня?

Оказалось, что Куль или Вася живетъ въ водѣ и выходитъ изъ нея только разъ въ году — въ крещенскій сочельникъ. Въ другое время онъ иногда показывается на поверхности и чешетъ себѣ волосы, но при видѣ людей скрывается, а въ крещенскій сочельникъ выходитъ на землю и возитъ за собою санки; встрѣтитъ дѣвушку и увезетъ ее къ себѣ.

Эта демонологическая легенда распространена во всемъ зырянскомъ краѣ. Старые люди и особенно женщины ей вѣрятъ вполне и ни за что не выйдутъ вечеромъ на Крещенье. Молодежь, конечно, не вся, а та, что побывала въ городѣ, да училась, скептически относится къ легендѣ, а то и совсѣмъ не вѣрять, говоря, что все это бабы выдумки.

Я осторожно выразилъ свое мнѣніе о легендѣ, желая узнать, какъ отнесутся хозяева. Жена Петырѣ оказалась всецѣло вѣрующей въ Куля и въ то, что онъ въ крещенскій сочельникъ увозитъ дѣвицъ, вышедшихъ на улицу. Петырѣ отвѣтилъ неопредѣленно, не отрицая словъ жены, но какъ бы и несовсѣмъ вѣря тому, что она считала неизблемой истиной.

— Да бывали развѣ примѣры? спросилъ я.

— И много, много, поспѣшно отвѣтила хозяйка.—Вотъ не вѣрять, не вѣрять, смѣются, за то и платятся.

— А вы знаете хоть одинъ примѣръ? былъ у васъ на глазахъ?

— Былъ, былъ, опять отвѣтила хозяйка.—Тутъ нѣсколько

лѣтъ тому назадъ жила Одэ, дѣвица одна... сирота... съ бабкой и дѣдомъ жила. Красавица была, о, какая красавица! Такой красавицы и не видала я болѣе.

— И что же? перебилъ я хозяйку, видя, что она имѣетъ намѣреніе пуститься въ длинное описаніе красоты Одэ.

— Пропала дѣвка!

— Васа увезъ?

— Васа. Не слушалась стариковъ, вышла, да такъ и пропала.

— Н-ну, нашлась всетаки! замѣтилъ Петырь, улыбнувшись, и мнѣ показалось, что онъ улынулся какъ-то особенно коварно.

— Нашлась! воскликнула жена:— да какъ нашлась? Васа всю ея красоту съѣлъ, всю кровь высосалъ. На что она похожа стала, и долго ли она жила послѣ того? Да и правда ли, что нашлась, она ли это была? Можетъ быть, Кузь и ошибся: не ее встрѣтилъ, а обознался и за нее другую принялъ?

— И то можетъ быть! произнесъ Петырь, но лукаво усмѣхнулся и посмотрѣлъ на меня.

Я хотѣлъ ему задать вопросъ, но меня стѣсняло присутствіе жены. Черезъ нѣсколько минутъ она вышла за чѣмъ-то изъ керки, и я, воспользовавшись ея отсутствіемъ, обратился къ Петырю:

— А что, Петырь, ты не вѣришь этому? не Васа взялъ Одэ?

— Можетъ и онъ, кто знаетъ?

— Да нѣтъ, ты скажи прямо. Я замѣтилъ, что ты все улыбался, вотъ и теперь твои глаза лукаво смотрятъ на меня и смѣются тоже. Полно, Петырь, не таись.

Онъ помолчалъ съ минуту и промолвилъ:

— Кто знаетъ—бабы басни, а вѣдь, можетъ быть, и не все вранье. Съ чего нибудь да выдумали. Можетъ быть, и беретъ Васа, да только Одэ не онъ взялъ, это-то я доподлинно знаю.

— А кто же?

— Кто? вашъ братъ, русскій, вотъ кто!

— Бѣжала?

— Слюбилась и бѣжала. Торговецъ тутъ одинъ ѣздилъ, ражій такой парень, что говорить. Много дѣвокъ по немъ сохло, и Одэ онъ полюбился.

— Отчего же онъ не женился на ней?

— А оттого и не женился, что нельзя было.

— Почему же нельзя?

— А потому, что онъ былъ уже женатъ.

— Женатъ?

— Въ томъ и дѣло! А дѣвка съ ума сошла совсѣмъ, отъ жениха отказалась и бѣжала съ нимъ.

— Такъ причемъ же тутъ Васа? спросилъ я.

— А при томъ, что на него свалить всего лучше? Дѣдь и бабка Одэ—люди не послѣдніе, а, можно сказать, изъ первыхъ на деревнѣ. Стыдно тоже, срамота. Надо какъ нибудь изворотиться—вотъ и свалили на Васу, благо дѣвка-то умница, какъ разъ въ крещенскій сочельникъ убѣжала!

— И что же, повѣрили развѣ?

— Хочешь вѣрь, хочешь не вѣрь, а всетаки прямо не скажешь, что врутъ. Да многіе и повѣрили. Одна старуха такъ прямо завѣряла, что видѣла, какъ Васа летѣлъ съ санками по улицѣ, а Одѣ была къ санямъ привязана. Съежилась, говорить, сердешная, въ платьѣ одномъ, дрожить.

— Развѣ она въ одномъ платьѣ сбѣжала?

— Какъ есть въ одномъ. У него, знать, уже было все припасено.

— Но какъ же баба могла видѣть? врала, конечно. Ее подкупили?

— И то можетъ быть, а то и такъ сбрехнула. Мало ли что старухамъ мерещится. Да вѣдь, какъ сказать: я и стариковъ-то, пожалуй, не буду винить въ обманѣ, можетъ быть, и они то сразу повѣрили, и только ужь опосля, когда узнали о внучкѣ, тогда поняли, да уже не хотѣли позориться.

— А гдѣ же она нашла?

— Да въ городѣ же у васъ.

— Бросилъ онъ ее?

— Бросилъ, потѣшился и бросилъ. Много маяты она вынесла, по чужимъ людямъ служила, а домой не пришла: боялась, да и стыдно было, а тутъ занемогла она, да и умерла въ больницѣ.

— А какъ же узнали?

— Одинъ отъ насъ въ городѣ работалъ и встрѣтилъ. Кто и понялъ, да не стали говорить: что стариковъ позорить, а другіе повѣрили, что Васа выпустилъ, засушивъ ее.

— А ты, Петырѣ?

— Что же я? Я все это хорошо знаю, да что мнѣ... корысть развѣ, старикамъ и такъ не сладко.

— А что, Петырѣ, можетъ быть и всѣ другіе случаи такіе же? и тамъ не Васа увозилъ? замѣтилъ я съ улыбкой.

— А кто знаетъ? отвѣтилъ Петырѣ:—можетъ быть, и также, а можетъ быть, и правда что Васа... съ чего нибудь идетъ вѣра.

Въ керку вошла жена.

— Что-жь, ночуешь у насъ? спросилъ Петырѣ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я:—не ночую, надо къ утру попасть въ село. Достань, Петырѣ, мнѣ лошадей. Я отдохну немного у тебя, да и въ дорогу.

Послѣ чая я легъ спать на печку и сейчасъ же заснулъ. Когда, часа черезъ два, я проснулся,—лошади уже были готовы. Я поблагодарилъ гостепріимныхъ хозяевъ, подарилъ Парѣ серебрянный рубль, бывшій со мною, и отправился въ Н—ое село.

Дуль холодный, сѣверный вѣтеръ, морозъ усилился, небо совсѣмъ очистилось отъ облаковъ, сдѣлалось ясно, какъ лѣтнее безоблачное небо. Мириады звѣздъ блестяли на немъ. Морозъ стучалъ своимъ жезломъ по деревьямъ, и ударъ за ударомъ разносился въ воздухъ.

Мы уже проѣхали нѣсколько верстъ, какъ на сѣверномъ склонѣ горизонта вдругъ отдѣлилось шаровидное пространство

блѣднобѣловатаго цвѣта. Оно то колебалось, трепетало, выплывало и погасало, то расширялось, умялялось, исчезало и опять появлялось. Во всѣхъ этихъ измѣненіяхъ оно было невыразимо чудно и такъ быстро, что глаза едва успѣвали слѣдить за его бѣглыми движеніями. Немного спустя отъ этой колыгавшейся массы блѣдноватобѣлаго пространства разостлались по небу въ видѣ широкихъ лентъ бѣлыя свѣтящаяся полосы, также колыгавшіяся, которыя, видимо, пересѣкая другъ друга, исчезали и показывались опять то болѣе на сѣверномъ, то на восточномъ склонѣ горизонта.

— Ишь, какъ сполохъ (сѣверное сіяніе) играетъ! произнесъ мой возница.

Я промолчалъ на это замѣчаніе, но спустя минуту спросилъ зырянина:

— А ты слыхалъ про Васу?

— Кто же не слыхалъ, отвѣтилъ тотъ и какъ-то подозрительно посмотрѣлъ по сторонамъ.

— А правда, что онъ сегодня дѣвушекъ ловить на улицѣ?

Мой возница ничего не отвѣтилъ на это, а только громче обыкновеннаго закричалъ на лошадей:

— Но, но, гай, гай, ветлы, ветлы!

Я повторилъ вопросъ, но возница опять ничего не отвѣтилъ. Онъ только проворчалъ что-то себѣ подъ носъ.

— Этотъ вѣрится и боится! подумалъ я, плотнѣе закутываясь въ шубу.

А бѣлыя полосы свѣта быстро разстилались по небу, обогнали одна другую, пересѣкались, исчезали и опять появлялись.

Лошади быстро неслись впередъ, порой такъ быстро, что едва ли быстрѣе могъ мчаться и самъ Васа, увозившій Одѣ, по рассказамъ старухи.

А. Кругловъ.

Школьное здание.

Всякій разъ, какъ войдешь въ русскую школу, удивишься столько-же ея внутренней безсодержательности, сколько и вѣншей простотѣ. Только дворцы, да старые барскіе особняки, ставшіе школами, еще мало-мальски останавливаютъ ваше вниманіе, большинство-же школьныхъ зданій однообразны, какъ явленія природы, и некрасивы, какъ стертая монета. Между тѣмъ, они, не менѣе чѣмъ храмы, имѣютъ право быть привлекательными, содержательными и повитыми символомъ. Для Россіи, страны христіанской, это въ особенности важно.

Въ Аѳинахъ, перикловыхъ временъ, юношество охватывали пластическая красота и высокое назиданіе; тогда ничто не оскорбляло зрѣнія и слуха аѳинянина, который полной грудью впитывалъ прекрасное („калон к'агатон “), то, что переходило изъ вѣка въ вѣкъ и даже уже въ эпоху торжества христіанства выдѣляло Аѳины среди лучшихъ городовъ культурнаго міра. Въ IV и V вѣкахъ послѣ Р. Х. они еще гордились почти всею семьей классическихъ общественно-священныхъ сооружений, слыли „золотыми“ и были еще до такой степени очаровательны, что, напр., Григорій Богословъ покидалъ ихъ со слезами, окончивъ 10-лѣтній курсъ наукъ. Подъ лазоревымъ небеснымъ куполомъ, обвѣваемые ароматомъ садовъ и оливковыхъ рощъ, въ виду синяго моря, учились аѳиняне и прѣбзжіе. Смѣялись поколѣнія учащихся, а городъ все оставался историческимъ музеемъ, гдѣ внуки могли видѣть и любоваться тѣмъ, чѣмъ любовались ихъ дѣды. Аѳины, такимъ образомъ, являлись какъ-бы звеномъ, соединившимъ предыдущія поколѣнія съ послѣдующими. Но развѣ можно уподобить имъ какой-либо изъ нашихъ городовъ? Иной климатъ, иной бытовой укладъ, иныя государственныя нормы. Иное время—иныя пѣсни. На нашихъ глазахъ смѣялись надъ баварскимъ королемъ Людвигомъ II, который сталъ обращать Мюнхенъ въ городъ классическихъ зданій.—„Безумная затѣя, безумнаго чудака!“ Что Людвигъ былъ душевно-больнымъ человѣкомъ, это всѣмъ извѣстно, но влеченіе, хотя-бы и безумца, къ античной красотѣ, неужели только и заслуживаетъ осмѣянія? Зрѣніе и слухъ, оскорбляемые русскою улицей, не отдыхаютъ и на школьномъ зданіи... Да вѣдь обыкновенно оно теряется между сосѣдними домами, слившись съ ними. Иначе обстояло-бы дѣло, еслибы наши школьныя зданія держали родной характеръ и отпечатокъ, какъ это замѣчается на Сѣверѣ и на избахъ, и на деревянныхъ церквахъ.

Несомнѣнно, что національное зодчество Богомолова, Даля, Сулова и др. только потому и не распахнулось и не захватило обширныхъ площадей, что на него не было и нѣтъ достаточнаго спроса. Частныя лица тяготеютъ къ чужеземнымъ стилямъ и поклоняются минутной модѣ, казна-же довольствуется неуклюжими и безвкусными постройками, которыя, однако, обходятся ей не дешево стильныхъ. Но согласитесь, что мавританская Альгамбра—краса Гренады—совершенно не уместна гдѣ-нибудь на Выборгской сторонѣ въ Петербургѣ или

на московской Варваркѣ бокъ-о-бокъ съ палатами бояръ Романовыхъ. Не испанская почва, не то историческое эхо, не тѣ этнографическіе корни...

Въ моемъ воображеніи русская школа представляется въ видѣ палаты и непремѣнно съ церковью, какъ стражемъ и кормчимъ ея. Тому, кто сталь-бы оспаривать необходимость связи религіи со школою, я отвѣтилъ-бы словомъ извѣстнаго вѣнскаго профессора-санскритолога Леопольда Шредера. Нѣкогда онъ читалъ лекціи въ дерптскомъ университетѣ, гдѣ и учился, но перешелъ (1896) въ Инсбрукъ, когда началось обрусеніе дерптской *almae matris* и она стала называться юрьевской. „Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, оно повсемѣстно ищетъ и борется за религію,—за созданіе, образованіе и возвышеніе своего религіознаго обладанія. Исторія человѣческаго развитія есть вмѣстѣ исторія развитія религіи, переходя отъ болѣе низкихъ къ болѣе возвышеннымъ формамъ,—но и въ самыхъ низшихъ тлѣетъ уже божественная искра, которая въ самыхъ высокихъ формахъ разгорается въ яркое пламя, оно свѣтитъ и грѣетъ и наполняетъ сердца блаженствомъ и радостью.

Конечно, въ новѣйшее время, особенно подъ влияніемъ англичанина Джона Лѣббокъ, стали утверждать, что религія ничуть не имѣла такого универсальнаго значенія, что скорѣе было значительное число народовъ, которые не оставили никакого религіознаго слѣда или находились въ абсолютно безрелигіозномъ состояніи при первой ихъ встрѣчѣ съ европейскими наблюдателями; но это утвержденіе никоимъ образомъ не выдерживаетъ научнаго испытанія, — оно скорѣе показываетъ съ несомнѣнной ясностью, что собранный для этого доказательно-руководящій матеріалъ въ дѣйствительности ровно ничего не доказываетъ, ибо онъ насквозь неоснователенъ и обманчивъ. Правда, путешественники, а также миссіонеры довольно часто увѣряли, что тотъ или другой дикій народъ обходится безъ всякой религіи, однако основательное изслѣдованіе открывало во всѣхъ случаяхъ полную неправильность утвержденія. Поверхностность наблюденій или-же различныя предубежденія и неясности склоняли виновниковъ ихъ къ этимъ, часто прямо-таки легкомысленно сдѣланнымъ, выводамъ. Нерѣдко неосновательность этихъ самыхъ выводовъ непосредственно ясно обнаруживалась изъ иныхъ сообщеній тѣхъ-же наблюдателей, которые опровергали себя, сами того не замѣчая, между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ опроверженіе давалось новымъ, болѣе основательнымъ, наблюденіемъ. Самымъ убѣдительнымъ образомъ Г. Роскоффъ, Эдуардъ В. Тайлоръ и А. де-Катрфажъ доказали совершенную шаткость мнѣнія сэра Джона Лѣббокъ. Поэтому, Пешель имѣлъ право сказать въ своемъ „Народовѣдѣніи“, что вопросъ о томъ, встрѣчался-ли когда-нибудь и гдѣ-бы то ни было на землѣ корень народа безъ религіозныхъ представленій, долженъ-бы быть рѣшенъ отрицательно, и голландецъ Тиле былъ правъ, назвавъ религію „всеобщимъ человѣческимъ явленіемъ“. *)

Религія въ корнѣ всякаго народа, православіе, въ частности, было древкомъ для побѣднаго и вообще славнаго знамени Россіи. Къ чему тутъ споры, если 1000-лѣтняя исторія народа—свидѣтель? При-школьная церковь не можетъ быть тѣсной, низкой, маленькой, даже уже по одному тому, что въ деревнѣ она должна вмѣщать всѣхъ, въ комъ не остыло къ ней тяготѣніе. Съ другой стороны, церковь большая и высокая осѣняетъ школу отъ основанія до кровли; такъ сказать, храмъ свѣта и знаній тѣсно соприкасается съ храмомъ Высшей Любви, съ храмомъ Свѣта отъ Свѣта. И этотъ послѣдній возноситъ надъ пер-

*) Dr. Leopold von Schroeder. Wesen und Ursprung der Religion.

вымъ свое небо (куполъ) и крестъ-символь и орудіе нашего спасенія, священная хоругвь нашей вѣры, знаменіе христіанства. Только въ высокомъ и просторномъ храмѣ возможенъ иконостасъ, куполъ, алтарь и стѣны, гдѣ-бы кисть живописца представила полную идею Вселенской Церкви, начиная съ времени до-моисеевыхъ. Иконостасъ храма-это видимое таинственное небо нашей церкви, сказалъ Шевыревъ, хотя у неба нѣтъ тайнъ отъ человѣка... Таинственнымъ остается небо нашей церкви потому, что мы лѣнны, любопытны и склонны растягивать свою совѣсть, какъ резину. Въ самомъ дѣлѣ, отчего; хотя-бы, законоучители не истолковываютъ своимъ ученикамъ смыслъ церкви въ родѣ московскаго Успенскаго собора, который какъ-разъ и заключилъ въ себѣ идею Вселенской Церкви? Отчего слово Божіе преподается въ классахъ, а не въ церкви (тамъ, гдѣ она и на-лицо при школѣ?)

Школьный храмъ, заключая въ себѣ полную идею Вселенской Церкви, непремѣнно обязанъ подчеркнуть, что „мы должны увидѣть не только дѣланное и дѣлаемое нами, но и то, что должны дѣлать“. Есть святые, чьихъ иконъ нѣтъ въ существующихъ школьныхъ церквахъ, но которымъ надлежало-бы тамъ быть на виду. Часто-ли видимъ преп. Нестора, который, когда только еще слагалось русское общество, начерталъ: „велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго и велика бываетъ польза отъ народнаго самопознанія“? Многимъ-ли видѣлся образъ Марка Отрантскаго, а онъ вѣдь составилъ молитву ко Св. Троицѣ. Много подобныхъ примѣровъ можно-бы привести. Но создать при школѣ идеальную церковь-это не все: надо, чтобы она открылась пониманію и сердцу учащихся христіанскихъ дѣтей. А это находится въ зависимости отъ сознанія своего долга учащими и особенно-законоучителемъ.

Но церковь-по смыслу своему-есть небо или нѣчто законченное. Это пріютъ для вѣчнаго покоя. Яя куполъ, иконостасъ и стѣны для тѣхъ, кто вознесся отъ земли до Божьяго престола и осіяны святостью, тогда какъ класныя стѣны, стѣны рекреационныхъ и актовыхъ залъ и друг.-отдаются изображеніямъ тѣхъ, кто споконъ вѣка и до нашихъ дней доказывалъ словомъ и дѣломъ „пользу отъ ученія книжнаго и отъ народнаго самопознанія“. Тутъ должны помѣститься провидѣвшіе „всеблаженнаго Бога“ греческіе философы во главѣ съ Платономъ, какъ и подвижники христіанской школы до Пирогова, Ушинскаго и Рачинскаго включительно; другими словами: съ помощью иконографіи, въ хронологическомъ порядкѣ, школы показали-бы многовѣчное движеніе свѣта знаній и истины, какъ онъ озарялъ и согрѣвалъ сперва небольшіе оазисы въ пустынѣ міра, а затѣмъ міръ отъ гренландскихъ льдовъ до крайняго юга и отъ восхода солнца до его западной колыбели, или постели, по выраженію Камюенса. Причемъ одною иконографіею ограничиться мало: надо, чтобы были картинно изображены всѣ важнѣйшіе моменты изъ международнаго движенія названнаго свѣта...

Корни настоящаго прячутся въ прошломъ; отсюда: связь эпохъ и наше кровное родство съ умершими, которыхъ мы не видимъ и не чтимъ. Платонъ вознесся надъ Олимпомъ и сказалъ: „есть всеблаженный Богъ“. И страшное множество интеллигентныхъ людей даже, однако, не имѣють смутнаго представленія о мудрецахъ, которыхъ вообще не Богъ знаетъ сколько! Это-„реалисты“... Что имъ Гекуба эллинской философіи? „Классики“ говорятъ, что имъ простительно не вѣдать „отца новой астрономіи“ Кеплера, хотя, „измѣряя небо“, онъ не только далъ человѣчеству гениальные законы движенія планетъ, но и оставилъ труды философскаго характера. Но новѣйшіе „классики“ и „реалисты“ сходятся и одинаково „имѣють право“ ничего не знать о Рачинскихъ, Пирого-

выхъ, Ушинскихъ, ибо гдѣ они? Живетъ-ли въ школьныхъ стѣнахъ память о нихъ, да и о своихъ прежнихъ питомцахъ?

Вотъ и родился самъ собою вопросъ о связи школы съ замѣчательными людьми, ею воспитанными. Необходимы школьные музеи. Музей имени Пушкина, Лермонтовскій музей и... только. Два на всю Россію, хотя, кажется, нѣтъ такого средне-учебнаго заведенія, напимѣрь, которое не воспитало-бы того или другого выдающагося человѣка. Но если и не всѣ они могутъ этимъ гордиться, въ какой-же губерніи не появлялись на свѣтъ вполнѣ замѣчательные люди? Отъ Астраханской до Ярославской (въ азбучномъ порядкѣ)—вездѣ найдете знаменитыхъ уроженцевъ. Напимѣрь, въ Астрахани родился В. К. Тредьяковскій. Фамилія произнесена и вы насмѣшливо улыбаетесь. Но надъ чѣмъ-же и надъ кѣмъ-же не смѣются? Гейне всю жизнь вышучивалъ Бога, чтобы на смертномъ одрѣ просить у Него прощенья.. Надъ Тредьяковскимъ посмѣялся первый Петръ Великій.—„Вѣчный труженникъ!“ бросилъ онъ, увидавъ юношу Тредьяковского. Но позвольте, еще остается спорнымъ вопросомъ: хуже-ли 20-лѣтній „вѣчный труженникъ“, чѣмъ гимназическій Гамлетъ или Чайльдъ-Гарольдъ второго семестра? Пушкинъ не острялъ надъ царемъ преобразователемъ; напротивъ! но что онъ написалъ подъ портретомъ Петра?

...То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,—
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ *вѣчный былъ работникъ.*

Если бы астраханская гимназія, желая создать свой музей, собрала все относящееся до „бездарнаго шиты Тредьяковскаго“, не исключая трудовъ и профессора В. Н. Перетца, образъ Василія Кирилловича освѣтился-бы иначе.

Сколько документальныхъ жемчужинъ, драгоценныхъ мелочей и „пустяковъ“ остаются въ безвѣстности да такъ и пропадаютъ въ школьныхъ и другихъ архивахъ и у частныхъ лицъ! А что стоитъ ихъ собрать и помѣстить на-виду? Что стоитъ превратить если не отдѣльную комнату, то какой-нибудь рекреационный залъ въ музей, гдѣ-бы учащіеся близко знакомились съ ихъ предшественниками, ставшими гордостью Россіи? Такіе музеи, право, поцѣннѣе мраморныхъ досокъ, далѣе которыхъ часто и не летитъ слава именъ первыхъ и благонравныхъ учениковъ... На мой взглядъ, школьные музеи стали-бы расти, какъ грибы послѣ дождя, если бы къ дѣлу устройства ихъ начальство привлекло охотниковъ изъ учащихся. Молодежь добросовѣстно извлекла-бы нужное изъ архивовъ и собрала-бы необходимое... И она же заботилась-бы о процвѣтаніи своего музея, передавая его послѣдующему поколѣнію, и — думается мнѣ, — пополняла-бы его соответственными предметами.

Хочется сказать еще нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ школьнаго дома—школьныхъ палатъ. Разумѣется, наружность ихъ не можетъ быть также „пустою“. Разъ-бы не представилось возможнымъ украсить домъ извнѣ живописью соответственнаго содержанія, то ограничиться-бы изображеніемъ главныхъ сѣятелей свѣта и знаній, чьи имена прославлены исторіей. И если статуи и бюсты композиторовъ, драматическихъ писателей и артистовъ украшаютъ фасады театровъ, то отчего-же апостолы грамотности и великіе учителя-гуманисты,—въ статуяхъ-ли, въ медальонахъ, или въ бюстахъ,—не могутъ возвышаться надъ школьною кровлею, отчего они не могутъ взирать со стѣнъ на озаряемыхъ ихъ-же свѣтомъ? Почему, наконецъ, дѣти не могутъ встрѣчать всякій разъ, когда входятъ

въ школу, скульптурныхъ Кирилла и Меодія, Нестора, или Рачинскихъ и Ушинскихъ, глядящихъ изъ медальоновъ рядомъ съ Ломоносовымъ, напримѣръ? Наличие ихъ должна была-бы раскрывать смыслъ, характеръ и направленіе русско-школьнаго образованія. Гуманность и христіанство — вотъ его стимуль. Восторжествуй они между школьными началами и ожили-бы статуи и въ самой школѣ стало-бы тепло, какъ у материнской груди.

Павель Россіевъ.

Изъ Мура.

(СЪ АНГЛІЙСКАГО)

Прочь, прочь возьмите кубокъ,

Хоть и сверкаетъ онъ.

Былыхъ годовъ веселья

Онъ поднялъ чудный сонъ.

Онъ помрачилъ мнѣ очи,

Слезами увлажнилъ,

Я образъ въ немъ увидѣлъ,

Что нѣкогда любилъ.

Припомню съ каплей каждой

Друзей я дорогихъ;

Блеснуть глаза усоншихъ,

Зардѣютъ губы ихъ.

И если все я вспомню,

Что въ жизни потерялъ,

Покажется мнѣ полонъ

Слезами мой бокаль.

Ник. Иваницкій.

С. В. Беклемишевъ.

На Тиверіадскомъ озерѣ.

„Съ лодки на Тиверіадскомъ озерѣ раздалось Евангеліе. И не представляла ли ладья въ этотъ моментъ единую соборную апостольскую церковь?“ И. Ювачевъ.

(НАВЪЯННОЕ КАРТИНОЙ БЕКЛЕМИШЕВА).

Тихій вечеръ догоралъ. Изумрудная гладь озера золотилась послѣдними лучами. Далекіе берега затягивались лиловой дымкой. Старая лодка Симона тихо скользила по зеркалу воды. Слегка надулся парусъ и зардѣлась золотомъ заката его старая ткань. Кротко плескалась волна—уступая напору весла.

Тихо, божественно тихо кругомъ.

Въ лодкѣ Божественный Сынъ. Слѣва въ веслахъ Іоаннъ. Онъ весь—вниманіе, весь—восторженный слухъ. Симонъ поникъ и напряженно слушаетъ. Кроткая бесѣда Учителя сковала вниманіе всѣхъ.

Тихо, божественно тихо кругомъ.

А надъ ними Безначальный и благодѣтельный Виновникъ жизни—Божественный Отецъ распростеръ свою бирюзовую, безконечную твердь,—надъ маленькой землей, надъ маленькими людьми—чадами Его божественнаго сердца. Ослушливыхъ и грѣховныхъ—Онъ не переставалъ любить ихъ отъ начала и послалъ къ нимъ кроткаго, благодѣтельнаго Сына,—воплотившагося отъ Дѣвы.

Тихо прошелъ Онъ долину земной своей жизни—цѣля и прощая, любя и благословляя и также тихо склонилъ Свою истерзанную терномъ и заушенную земными руками пречистую Главу, испивъ до конца голгоѣскую муку.

Тихо, божественно тихо кругомъ. Кротко плещетъ волна въ борта лодки Симона. Пламенный Іоаннъ задумчиво бросилъ весло. Тихая бесѣда Учителя сладко чаруетъ ихъ.

Очищенные искупленіемъ отъ тины грѣха и выведенные на путь жизни, мы снова сбиваемся съ дороги и скользя и увязая въ болотной трясинѣ, чаруемся обманными огнями, тянемся къ нимъ и вязнемъ все глубже и глубже...

О поддержки насъ, о отведи насъ отъ лживыхъ дорогъ, Учитель! Твой парусъ еще видѣнъ намъ. Тихій свѣтъ Твой еще съ нами.

— Дай же намъ ухватиться за бортъ ладьи Твоей и выплыть съ Тобой къ тихому берегу!

Маяки міра яркіе, но безсильные не спасутъ насъ,—если

Твой парусъ уйдетъ изъ глазъ нашихъ. Они далеки и свѣтъ ихъ хладенъ. Пышный снопъ лучей ихъ только освѣтитъ мѣсто—гдѣ мы станемъ опускаться ко дну, но не подниметъ насъ изъ бездны; только безпомощно будетъ скользить по зыби водъ, освѣщая зловѣщую воронку—на томъ мѣстѣ—гдѣ погибли мы.

Парусъ, парусъ Христовъ! Ты ближе къ намъ и помощь Твоя—вѣрнѣе.

Только бы захлебываясь и обезсиливая на зыби водъ жизни не утратить его изъ вида, только бы донесся до Тебя вопль нашъ, вопль тонущихъ и потерянныхъ, вопль одинокихъ и безнадежныхъ...

И Ты, надежда—утратившихъ надежду, примешь насъ на ладью Твою, подъ тихій свой парусъ.

И, дрожащіе отъ страха и холода, мы согрѣмся у ногъ Твоихъ, въ теплѣ молитвъ близкихъ Твоихъ,—возлюбившихъ Тебя до смерти!

С. Витимскій.

Русскій народъ

какъ боевая сила.

Японія побѣдила Россію. Незначительное само по себѣ, едва-едва выбившееся на путь европейской цивилизаціи государство одержало верхъ надъ могущественной, раскинувшейся на половинѣ земного шара имперіей, грозной въ то время даже западнымъ своимъ сосѣдямъ. Фактъ почти невѣроятный и до крайности прискорбный! Онъ, конечно, не могъ пройти безслѣдно. Общество всколыхнулось. Всѣ стали доискиваться причинъ нашего неслыханнаго до сихъ поръ пораженія, всѣ заговорили тотчасъ-же о необходимости самыхъ коренныхъ, самыхъ радикальныхъ реформъ въ арміи.

Вскорѣ однако-же убѣдились, что не одна армія тутъ виновата. Армія, сама по себѣ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, изъ всѣхъ виновныхъ оказалась пожалуй даже наименѣе виновной въ понесенномъ ею пораженіи, такъ какъ все-же показала себя достойной ранѣе заслуженной славы. Она, за весьма рѣдкими

исключеніями, въ полной мѣрѣ проявила свойственныя ей храбрость, стойкость и стремленіе либо побѣдить, либо умереть. Принятый у насъ показатель стойкости— $\frac{1}{10}$ выбывшихъ изъ строя людей части—былъ не только не меньше, а даже больше, чѣмъ въ предшествующія войны, и однако-же, говоря вообще, онъ не игралъ своей плачевной роли разрушителя нравственной силы борцовъ, дезорганизатора строя, побудителя къ отступленію или даже бѣгству.

Главная сила каждой арміи—духъ войскъ, ихъ беззапятная храбрость, ихъ готовность жертвовать своею жизнью для блага родины—все это у большинства частей было на лицо во всякое время, не смотря на то, что многія изъ нихъ понесли огромныя потери, вродѣ, напримѣръ, 5-го стрѣлковаго полка, почти уничтоженнаго подъ Мукденомъ.

Однако-же этой, хотя и главной, силы оказалось недостаточно.

Грандіозные успѣхи современной намъ военной техники выдвинули на сцену другое требованіе: теперь мало уже одной готовности жертвовать своею жизнью, теперь надо умѣть жертвовать ею разумно, съ толкомъ, дабы отдавая ее въ случаѣ нужды, безъ нужды особенно не рисковать, все время заботиться о самосохраненіи, ставя въ то-же время на первое мѣсто стремленіе нанести возможно большій вредъ противнику. Эти, на первый взглядъ противорѣчшія одно другому стремленія, а также многое другое изъ сдѣлавшагося весьма сложнымъ военнаго дѣла предъявляютъ въ настоящее время весьма солидныя въ смыслѣ военнаго образованія требованія, не къ начальствующимъ лицамъ только, но и къ каждому отдѣльному бойцу. Нынѣ уже не достаточно извѣстнаго изреченія „каждый солдатъ долженъ понимать свой маневръ“, его пора замѣнить другимъ: „каждый солдатъ долженъ понимать и *умѣть разумно исполнять* свой маневръ“.

Вотъ этого-то намъ и недоставало во время войны, не достаетъ, къ сожалѣнію, даже и теперь.

Смѣло можемъ сказать, ни наши солдаты, ни наши офицеры, ни даже многія изъ высшихъ начальствующихъ лицъ не находились во время войны, да и теперь не находятся на той ступени военнаго развитія, которая до крайности имъ необходима. Вотъ въ этомъ, безъ сомнѣнія, можно обвинять армію, хотя вина ея тутъ, какъ будетъ указано ниже, только косвенная. Существуетъ не мало причинъ, препятствующихъ арміи достигнуть того воинскаго развитія, которое ей, по нынѣшнимъ временамъ, безусловно до крайности необходимо. И одними своими силами выполнить эту задачу времени армія положительно не можетъ. Здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, на помощь ей долженъ притти весь народъ, вся нація.

Итакъ армія, какъ было уже сказано, хотя и можетъ быть признана до нѣкоторой степени виновною въ нанесенномъ ей пораженіи, однако-же вина ея тутъ не такъ велика. На ряду съ нею и со многими другими причинами нашего пораженія виновными въ немъ, по мнѣнію авторитетныхъ писателей, оказываются и отдѣльныя занимающія отвѣтственныя посты личности: (намѣстникъ, главнокомандующій, командующіе арміями и др.), цѣлыя корпораціи (Генеральный Штабъ), и до крайности несовершенный общественный строй русской жизни съ стоящимъ въ головѣ ея и, подобно нервамъ, красною нитью проходящимъ черезъ весь государственный организмъ бюрократизмъ, и, наконецъ, вся нація вообще...

Оставляя въ сторонѣ, хотя быть можетъ и справедливыя, но неотносящіяся къ настоящей замѣткѣ упреки по адресу отдѣльныхъ личностей Генеральнаго Штаба и государственнаго нашего строя, обратимся прямо къ вопросу о свойствахъ нашей чисто *національной* арміи, о зависимости ея качествъ отъ осо-

бенностей *народа*, объ отношеніи *народа* къ арміи и о могущихъ быть *послѣдствіяхъ* этого отношенія.

Армія, разъ только она не состоитъ изъ иностранныхъ наемниковъ, не можетъ быть чѣмъ либо обособленнымъ отъ своего народа. Это, такъ сказать, дочь націи со всеми присущими своей матери какъ положительными такъ и отрицательными физическими и нравственными качествами. Всѣ такъ называемыя національныя арміи во всѣ времена удовлетворяли, да и будутъ всегда удовлетворять этимъ условіямъ.

Старѣйшая изъ армій, о которой мы имѣемъ еще нѣкоторое представленіе, армія греческая носила на себѣ характерныя особенности, свойственныя эллинскому народу, — ловкость, выносливость, мужество, а также ясность ума и живость чувства въ связи съ сильной подвижной волей. Всѣ эти качества проявились въ полной мѣрѣ въ періодъ развѣта эллинской націи, когда и сама греческая армія достигла наибольшаго своего могущества.

М. А. Дорманъ.

Въ исторіи римской арміи рѣзко различаются два періода: при республикѣ была собиравшаяся лишь на время войны вполнѣ національная армія со всеми особенностями римской социальной организаціи, а при имперіи создавалась уже армія постоянная, постепенно, по роду своего комплектованія, окончательно утратившая свой національный характеръ и обратившаяся въ особую касту большею частью иностранныхъ наемниковъ, которые специализировались въ своемъ дѣлѣ въ теченіе нерѣдко 25—30 лѣтней службы.

Насколько первая изъ этихъ армій носила на себѣ отпечатокъ индивидуальныхъ качествъ римскаго народа и была, такъ сказать, слита съ нимъ вое-

дино, на столько-же вторая, хотя и представляла изъ себя войска хорошо подготовленная и обученная, но совершенно не имѣла особенности того народа, которому служила, была чужда ему и его интересамъ. Эта отчужденность арміи отъ народа все росла и росла по мѣрѣ развитія военнаго могущества Рима. Наконецъ между ними образовалась бездна: армія перестала служить государству, она захватила власть въ свои руки и стала провозглашать императоровъ по своему усмотрѣнію.

Эти два типичнѣйшихъ періода въ исторіи римской арміи какъ нельзя лучше показываютъ различіе между арміей національной и арміей наемной и неоспоримое громаднѣйшее превосходство первой передъ второю.

Въ нынѣшнее время наемныя войска почти вездѣ отсутствуютъ, арміи сдѣлались національными и связь между ними и народомъ установилась прочно.

Однако-же такая перемена совершилась не сразу. Средніе вѣка со своимъ рыцарствомъ и феодальнымъ строемъ являются временемъ расцвѣта наемныхъ войскъ. Даже исторія новѣйшихъ армій, которая началась во Франціи съ арміи Карла VII, даетъ намъ въ началѣ типы армій наемныхъ со всеми присущими имъ свойствами. Наибольше благоустроенная чисто монархическая армія Людовика XIV, состоявшая изъ войскъ регулярныхъ и миліцій (провинціальной и городской), все-же имѣла среди регулярныхъ войскъ рядомъ съ французскими частями не мало также и полковъ иностранныхъ. Только благодаря министру Лувуа иностранные полки были мало по малу замѣнены французскими и армія сдѣлалась національной,

Это обстоятельство въ эпоху революціи спасло Францію отъ иностраннаго вмѣшательства. Какъ въ это время, такъ и при началѣ республики армія, воодушевленная величайшимъ патріотизмомъ, не допускавшая даже мысли о возможности посторонняго вмѣшательства въ дѣла Франціи, проявила чудеса храбрости, удержала союзныя войска на границѣ и въ концѣ концовъ одержала надъ ними верхъ.

Таково весьма важное свойство каждой національной арміи, и оно, конечно въ полной мѣрѣ присуще и нашей, которая всегда съ самаго основанія своего была національной.

Но какъ національная армія наша должна носить на себѣ отпечатокъ индивидуальныхъ особенностей русскаго народа. Прежняя долготѣлая служба еще давала возможность, такъ сказать, передѣлать до нѣкоторой степени чело-вѣка, воспитавъ и развивъ въ немъ тѣ качества, которыя необходимы воину, но которыхъ не имѣлъ народъ. Нынѣшній-же сокращенный 3-лѣтній срокъ уже парализуетъ эту возможность, почему свойства нашей нынѣшней арміи находятся въ еще большей зависимости отъ свойствъ народа.

Такимъ образомъ, чтобы судить о боевой способности нашей арміи, необходимо оцѣнить нашъ народъ съ точки зрѣнія пригодности его для военной службы.

Здѣсь уместно будетъ сдѣлать небольшую оговорку. Конечно, въ ряды русской арміи попадаютъ помимо чисто русскихъ новобранцевъ извѣстное число поляковъ, евреевъ, татаръ, кавказцевъ и даже нѣмцевъ, но всѣ они, вмѣстѣ взятые, составляютъ столь незначительный процентъ инородцевъ, что не могутъ оказать рѣшительно никакого вліянія на разнородность нашей арміи, и ее, по совѣсти, можно признать чисто русской. Наибольшій процентъ новобранцевъ падаетъ, конечно, на крестьянъ, такъ какъ около 90% населенія Россіи занимаются земледѣіемъ.

Какъ уже было указано, главною силою каждой арміи является духъ войскъ, ихъ беззапятная храбрость, ихъ готовность жертвовать своею жизнью. Эти такъ сказать нравственныя качества поставлены на первое мѣсто, потому что въ бою главную роль всегда играетъ нравственная сторона; по свидѣтельству величайшаго знатока военнаго дѣла—Наполеона отъ нея въ бою зависитъ $\frac{3}{4}$ успѣха и лишь $\frac{1}{4}$ придѣлается на долю всего остальнаго. Однако-же какую бы громадную роль не игралъ нравственный элементъ, его одного еще не достаточно, и отъ каждаго солдата на войнѣ требуется также и многое другое.

Чѣмъ болѣе давный народъ будетъ удовлетворять требованіямъ, предъявляемымъ на войнѣ къ салдату, тѣмъ, понятное дѣло, лучше будетъ его армія, и тѣмъ легче будетъ дѣло воспитанія и обученія войскъ.

Что-же требуется отъ солдата?

Отъ него, по авторитетному мнѣнію М. Драгомирова, *) требуется:

1) Чувство долга, доведенное до самоотверженія, или готовность пожертвовать собою для выручки товарищей; неустранимость, находчивость, безпрекословное повиновеніе волѣ начальника во всемъ касающемся службы.

2) Способность выносить тягости и лишенія военнаго времени безропотно и безъ быстрого истощенія силъ.

3) Искусное дѣйствіе своимъ оружіемъ.

4) Умѣнье согласовать свои движенія и дѣйствія съ товарищами.

5) Ловкость въ преодоленіи встрѣчаемыхъ на мѣстности препятствій и умѣнье пользоваться ими для собственнаго укрытія отъ осмотра и выстрѣловъ непріятеля, не лишаясь однако-жъ возможности его видѣть и стрѣлять по немъ.

Чувство долга—безъ сомнѣнія присуще русскому народу, если не въ смыслѣ государственности, до которой онъ не доросъ еще вполне своимъ образованіемъ и своимъ духовнымъ развитіемъ, то въ смыслѣ отношенія его къ религіи и къ обществу. Эти послѣднія обязанности нашъ простолудинъ несетъ вполне добросовѣстно, не токмо за страхъ, какъ говорится, но и за совесть. Слѣдуетъ лишь всѣми силами стремиться къ укрѣпленію и всестороннему развитію этого народнаго качества, столь безцѣннаго не только по отношенію къ военному дѣлу, но и въ смыслѣ общаго развитія нашего государственнаго строя.

Къ сожалѣнію на дѣлѣ мы встрѣчаемъ противоположное.

Большимъ подрывомъ развитію и укрѣпленію чувства долга у нашего крестьянина является полнѣйшій произволъ въ отношеніи къ нему такъ называемаго „начальства“. Быть можетъ это обстоятельство и было главною причиною, почему сознаніе долга передъ государствомъ до сихъ поръ въ полной мѣрѣ не привилось еще нашему народу. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ развиться сознаніе долга передъ закономъ тамъ, гдѣ царитъ беззаконность.

Для этого необходимо, чтобы законъ, обязывая человѣка поступать такъ, а не иначе, вмѣстѣ съ тѣмъ въ полной мѣрѣ ограждалъ-бы его отъ неправильныхъ дѣйствій со стороны другихъ.

Для этого необходимо, чтобы законъ всегда и во всемъ былъ бы выше личности каждаго отдѣльнаго лица, какъ бы ни было высоко положеніе этого послѣдняго.

Для этого необходимо, чтобы простолудинъ нашъ твердо сознавалъ, что разъ онъ несетъ свои обязанности исправно, его никто никогда даже пальцемъ не тронетъ.

Этого къ сожалѣнію нѣтъ и народъ нашъ до послѣдняго времени воспи-

*) М. Драгомировъ: Учебникъ тактики.

тывался въ духѣ безотчетнаго страха не только передъ личностью, но даже и передъ самымъ словомъ „начальство“.

Нынѣшняя революціонная пропаганда, конечно, не можетъ направить на истинный путь государственное развитіе народа и привить ему сознание долга передъ закономъ, ибо стремится уничтожить всякое значеніе „начальства“, вмѣстѣ съ тѣмъ въдобавокъ проповѣдая незаконность и безнаказанность явно преступныхъ дѣяній.

Только строгое соблюденіе закона въ связи съ сердечнымъ, теплымъ, заботливымъ отношеніемъ къ народу со стороны всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ съ нимъ то, или иное дѣло, дадутъ правильный ходъ развитію чувства государственнаго долга среди нашихъ крестьянъ и послужатъ залогомъ мощности русскаго государства и русской арміи.

Впрочемъ, надо отдать полную справедливость, чувство служебнаго долга у многихъ нашихъ солдатъ развито въ достаточной степени даже и теперь. Каждому, безъ сомнѣнія, не разъ приходилось читать о выдающихся подвигахъ часовыхъ, не желающихъ покидать свой постъ при пожарахъ, потопахъ, раненіяхъ и нерѣдко гибнущихъ тутъ-же на посту исключительно за вѣрность своему долгу. Это качество нашего солдата въ высшей степени цѣнно для войны.

Самоотверженность и готовность пожертвовать собою для выручки товарищей также въ достаточной степени свойственна нашей націи, хотя бы уже въ силу одной религіозности.

Нашъ престолюдинъ не только усвоилъ себѣ заповѣдь Христову „больше сія любви никто же имать, кто душу свою положить за други своя“, но и постоянно примѣняетъ ее въ жизни. На каждомъ шагу приходится читать и слышать о самыхъ разнообразныхъ подвигахъ челоѣколюбія, совершаемыхъ повсемѣстно въ Россіи. То спасаютъ тонущаго, подвергаясь опасности утонуть, то бросаются въ пламя, даже не думая о возможной гибели, не только ради спасенія челоѣческой жизни, но даже ради спасенія чужого имущества.

Нашъ народъ по характеру своему далеко не эгоистиченъ, напротивъ того, онъ скорѣе склоненъ къ альтруизму. Эта черта, ни съ государственной, ни съ военной точкѣ зрѣнія, не можетъ, конечно, считаться желательной, но за то она обезпечиваетъ и усиливаетъ самоотверженность-качество столь важное для военнаго дѣла, гдѣ въ полной мѣрѣ должно процвѣтать чувство взаимной выручки.

Способствовать усиленію такого чувства въ народѣ можетъ развитіе среди него различныхъ обществъ, особенно кооперативныхъ, основанныхъ хотя и съ коммерческаго цѣлью, но на принципѣ круговой поруки.

Этотъ принципъ круговой поруки—одинъ изъ самыхъ основныхъ принциповъ военнаго дѣла. „Самъ погибай, а товарища выручай“!—вотъ солдатская заповѣдь, которую онъ долженъ помнить всегда, особенно же во время боя. И нужно отдать полную справедливость, чувство товарищества среди нашихъ солдатъ развито въ высокой степени. Исторія всѣхъ нашихъ войнъ безспорно доказываетъ, что взаимная выручка всегда составляла одну изъ основныхъ чертъ нашей арміи и прививать сознание необходимости ее русскимъ не надо. Да и въ мирное время это чувство товарищества, доведенное до необходимости взаимной во всякихъ случаяхъ выручки, всегда на лино. Иной разъ не думаютъ даже о себѣ, лишь бы помочь товарищу, и нападаютъ изъ за того въ большую бѣду. У двухъ солдатъ завязывается ссора съ толпой фабричныхъ; ссора переходитъ въ драку. Дѣло ночное, помощи ждать неоткуда. Солдаты пытаются убѣжать. Одному удается, другого догнали, повалили и бьютъ. „Ай! помози!“ кричитъ пзбиваемый. „Сейчасъ!“ отвѣчаетъ другой, бросается въ хату, гдѣ жилъ, хватается

ружьей съ патронами и выстрѣлами разгоняетъ толпу. Въ результатѣ убить мѣщанинъ, а стрѣлявшій на скамьѣ подсудимыхъ. Характерна его защита, „нужно было товарищу помочь!“ и ничего больше. Понятно, соотвѣтствующее наказаніе. И это фактъ. А мало-ли такихъ фактовъ, или имъ подобныхъ?.. Развѣ слабое чувство взаимной выручки?..

Неустранимость, находчивость, умѣнье дѣйствовать оружіемъ, ловкость, равно какъ врожденная сметка, рѣшительность, способность найтись въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ, и т. п. также въ высшей степени цѣнныя для военнаго дѣла качества къ сожалѣнію не могутъ быть въ достаточной мѣрѣ свойственны русскому народу ни въ силу рода его занятій (земледѣліе), ни въ силу географическихъ свойствъ нашей родины (обширная равнина). Въ этомъ отношеніи онъ безспорно уступаетъ занимающимся охотою жителямъ горъ, или занимающимся рыбнымъ промысломъ и мореходствомъ жителямъ острововъ и морского побережья.

На помощь можетъ притти широкое развитіе среди народа стрѣлковыхъ и особенно охотничьихъ обществъ, но это выступить на сцену развѣ только черезъ-чуръ въ отдаленномъ будущемъ. Пока-же эти качества въ арміи приходится воспитывать, для чего 3-лѣтній срокъ малъ. Если за это время физическія качества (ловкость и умѣнье дѣйствовать оружіемъ) и можно еще развить въ достаточной степени гимнастикой, фехтованіемъ, стрѣльбой и подобными имъ военными упражненіями, то качества нравственныя и умственныя (сметка, находчивость, рѣшительность, неустранимость) развить уже гораздо труднѣе. А между тѣмъ это очень важно. Не даромъ же самъ Суворовъ прививалъ сметку своимъ чудо-богатырямъ внезапными ошеломляющими вопросами. Но тогда срокъ службы былъ достаточно великъ и войска ничѣмъ инымъ кромѣ дѣла не отвлекались...

Предъявляемое къ каждому солдату требованіе *безпрекословнаго повиновенія волѣ начальства во всемъ, касающемся службы* для русскаго солдата не можетъ быть тягостно. Мы уже говорили, что народъ нашъ до самаго послѣдняго времени воспитывался въ духѣ какого-то безотчетнаго страха даже передъ самымъ словомъ начальство, почему наши солдаты, говоря вообще, съ первыхъ уже дней поступленія своего на службу, являются послушными исполнителями полученныхъ приказаній, не разсуждая нисколько и не мудрствуя лукаво. Однако-же такое слѣпое исполненіе приказаній, столь прославленное въ извѣстной легендѣ о выпрыгнувшемъ было въ окно по царскому приказу гренадерѣ Петра Великаго, далеко не удовлетворяетъ тому, что требуется отъ современнаго солдата. Оно можетъ убить въ немъ всякую самостоятельность, а эта послѣдняя должна быть основнымъ свойствомъ современнаго вонна.

Сознаніе необходимости исполнить приказаніе должно вытекать не изъ страха отвѣтственности за неисполненіе, а должно быть основано на глубокой вѣрѣ въ начальника, вѣрѣ въ то, что все отдаваемые имъ приказанія правильны, законны, разумны и вполнѣ соотвѣтствуютъ тому, что дѣйствительно надо. Тогда кромѣ вѣры въ начальника, явится и уваженіе къ нему, а это будетъ залогомъ самыхъ правильныхъ служебныхъ отношеній между начальникомъ и подчиненнымъ въ духѣ настоящей воинской дисциплины.

Такимъ образомъ нынѣшнее состояніе народа, которое можно охарактеризовать однимъ словомъ „запуганный“, не можетъ быть основаніемъ для правильнаго развитія воинской дисциплины. Для этого необходимо строго законное и при томъ безусловно человѣческое отношеніе къ народу со стороны людей, близъ него стоящихъ.

Предъявляемое военнымъ лишь въ трудныя минуты ихъ жизни требованіе

выносить безропотно и при томъ безъ быстрого истощенія силъ различныя тягости и лишения также не можетъ быть чѣмъ либо непосильнымъ для нашего простолудина, жизненная обстановка котораго до службы большею частью несравненно хуже той, которую онъ встрѣчаетъ на службѣ. Уже одно то, что пища его несравненно скуднѣе солдатской, что мясо для него обыкновенно составляетъ рѣдкую роскошь, служить доказательствомъ непрехотливости и простоты его повседневной жизни.

Въ общемъ говоря, солдатъ нашъ, особенно-же послѣднее время, въ матеріальномъ отношеніи обставленъ такъ, что ему, пожалуй, позавидуетъ любой крестьянинъ средней руки.

Если разсматривать вопросы съ поставленной выше точки зрѣнія, то улучшеніе солдатскаго быта, особенно-же въ смыслѣ улучшенія матеріальной обстановки (бѣлье, одѣяло, пища и т. п.), пожалуй даже до нѣкоторой степени вредно. Да къ тому-же послѣ увольненія въ запасъ большинство не будетъ имѣть такого матеріальнаго благополучія, въ которомъ оно находится во время службы и къ которому, конечно, привыкаетъ. Эта привычка къ хорошей жизни не можетъ не отразиться вредно и на выносливости солдатъ. Въ общемъ можно сказать, что теперь нашъ солдатъ черезъ годъ, черезъ два службы дѣлается пожалуй даже менѣе выносливымъ по лишеніямъ, чѣмъ поступающій въ ряды арміи новобранецъ.

Улучшеніе матеріальнаго положенія арміи слѣдовало-бы вести параллельно улучшенію быта народа.

Наконецъ послѣднія изъ приведенныхъ выше требуемыхъ отъ современнаго бойца качествъ 1) *умнѣе согласовать свои движенія и дѣйствія съ товарищами*, 2) *умнѣе ловко преодолевать встрѣчающіяся на пути преграды* и 3) *умнѣе искусно ими пользоваться для своего укрытія, не лишаясь однако-же возможности самому видѣть противника и наносить ему вредъ* — находятся въ прямой зависимости отъ степени умственнаго развитія бойца.

Картина современнаго боя вслѣдствіе совершенства огнестрѣльнаго оружія сильно измѣнилась. Огонь сдѣлался настолько губителенъ, чтъ поля сраженій, начиная съ 1½ верстнаго разстоянія до противника, какъ-бы опустѣли. Здѣсь, т.-е. въ самыя важныя минуты боя, люди могутъ двигаться только по одиночкѣ. Управление ими затруднилось до крайности, и правильнѣе даже сказать, что они въ это время будутъ предоставлены исключительно сами себѣ; по крайней мѣрѣ гораздо лучше дать имъ эту самостоятельность, чѣмъ гоняться за всѣми, не имѣя къ этому ни малѣйшей возможности.

Такимъ образомъ теперь солдатъ въ важную минуту боя предоставляется самъ себѣ... Но только развитой человекъ можетъ постигнуть всѣ тонкости современной атаки, подходя къ неприятелю въ одиночку гдѣ бѣгомъ, гдѣ согнувшись, а гдѣ и совсѣмъ ползкомъ, не упуская въ то-же время возможности слѣдить за противникомъ, дабы на наиболѣе удобныхъ пунктахъ останавливаться для его обстрѣла.

Въ смыслѣ такого развитія нашъ русскій народъ сильно хромаетъ.

Совершенно справедливо говорить, что французовъ въ 70 году побѣдила не столько германская армія, сколько нѣмецкій народный учитель. Но если еще и въ то время народный учитель игралъ столь выдающуюся роль въ дѣлѣ увеличенія боевой способности арміи, то теперь, когда техническія средства войны усовершенствовались въ неизмѣримой степени, роль народнаго учителя также возросла неизмѣримо. Давно пора уже вывести нашъ народъ изъ той тьмы и

того невѣжества, въ которомъ онъ коснѣеть съ самаго образованія русскаго государства. Это необходимо и съ государственной и съ военной точекъ зрѣнія. Съ послѣдней, кстати сказать, столь необходимо, что невольно напрашивается вопросъ, не лучше-ли даже изъ столь короткаго срока, какъ трехлѣтній, первый годъ посвятить исключительно лишь образованію и воспитанію новобранцевъ въ духѣ воинской дисциплины, чтобы затѣмъ въ два послѣдующіе года пройти уже съ ними всю остальную солдатскую науку. Пожалуй такой способъ принесетъ дѣлу гораздо больше пользы, чѣмъ изученіе солдатской премудрости съ неразвитыми, неграмотными новобранцами.

При этомъ армія явится, конечно, какъ-бы школою народнаго образованія, а новобранцы хорошо грамотные, процентъ которыхъ крайне незначителенъ, — помощниками учителей офицеровъ и, пожалуй, нѣкоторыхъ унтеръ-офицеровъ. Фактъ, конечно, не особенно желательный, но въ силу необходимости почти неизбежный. Было-бы, конечно, болѣе желательно, чтобы въ армію поступали новобранцы уже грамотными и достаточно развитыми, но для этого необходимо улучшить составъ народныхъ учителей, привлечь туда людей болѣе энергичныхъ, болѣе способныхъ. болѣе развитыхъ. Но это послѣднее немислимо безъ улучшения матеріальнаго благосостоянія учителей, на что необходимо обратить особенное вниманіе въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

Нашъ, хотя и краткій обзоръ качествъ комплекующихъ армію людей былъ бы незаконченъ, если бы мы, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, не коснулись унтеръ-офицерскаго и офицерскаго ея состава. Предполагая какъ-нибудь при случаѣ болѣе подробно высказать свое мнѣніе по поводу этихъ въ высшей степени важныхъ вопросовъ военной организаци, мы здѣсь обрисуемъ ихъ лишь нѣсколькими словами, коснувшись главнымъ образомъ офицеровъ, такъ какъ унтеръ-офицеры выходятъ, большею частью, изъ тѣхъ-же новобранцевъ, качества которыхъ мы уже разобрали.

При обсужденіи этого вопроса намъ, само собою разумѣется, придется касаться уже не нашего простонародья, а того слоя общества (такъ называемой средней интеллигенціи) изъ состава которой и комплектуется корпусъ офицеровъ арміи.

Этотъ элементъ русскаго общества далеко не воинственъ. Общее антивоенное настроеніе, охватившее за послѣднее время многія государства Европы и Америки, нашло въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ вполне благопріятную для себя почву. А насколько велико это движеніе, свидѣтельствуетъ, напримѣръ, тотъ фактъ, что извѣстный романъ Берты Сутенеръ „Долой оружіе“, если вѣрить его издателямъ, разошелся лишь въ теченіе одного 1906 г. въ количествѣ 80,000 экземпляровъ. У насъ, впрочемъ, кромѣ переводовъ появились также и самостоятельныя произведенія, вродѣ „Pszysla wojna“ Бліоха, „Ужасы войны и ея конецъ“ Короткевича, „Красный смѣхъ“ Андреева, „Поединокъ“ Куририна и тому подобныя. Подъ влияніемъ такого направленія у насъ забыли слова Петра Великаго: „отъ презрѣнія къ войнѣ общая гибель слѣдовать будетъ!“ и относились къ ней безучастно, если не прямо враждебно. Армію у насъ считали помѣхой прогрессу и потому ее не любили. Этотъ взглядъ на армію, установившійся за послѣднее время, упорно держится и теперь. Офицерская кастера, не маяя къ себѣ никого ни своимъ социальнымъ положеніемъ, ни своимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, является достояніемъ неудачниковъ, или такихъ, которые, не желая особенно усердно работать, довольствуются тѣмъ, что даетъ имъ военная служба.

Передъ нами списки офицеровъ одной изъ дивизій. Возьмемъ на удачу

одинъ изъ полковъ. Изъ общаго числа 60 офицеровъ (некомплектъ) имѣеть общее образованіе ниже средняго 41, а военное образованіе получили въ юнкерскихъ училищахъ 47; такимъ образомъ военное училище окончили только 13 человекъ. Другой выбранный на удачу полкъ оказывается нѣсколько счастливѣе: военное училище окончили 21 изъ 71, а среднее образованіе имѣють 30 человекъ. Это отчасти можетъ быть объяснено хорошей стоянкой послѣдняго полка, почему туда стремятся выйти производимые изъ военныхъ училищъ. Думается, что дальнѣйшіе подсчеты излишни и мы смѣло можемъ сказать, что около $\frac{2}{3}$ офицерскаго состава армейскихъ полковъ не имѣють средняго общаго образованія, и еще меньшій процентъ окончили военное училище. Мы довольно хорошо знаемъ офицерскую среду и потому можемъ сказать, что лишь за послѣднѣе время, послѣ неудачной для насъ войны съ Японіей,—она нѣсколько всколыхнулась да и то не вся, а болѣе энергичнымъ своимъ элементомъ. До войны же почти всѣ спали, совершенно не думая о пополненіи своего образованія, и лишь лучшіе изъ нихъ исправно несли службу въ рамкахъ строго требуемыхъ закономъ дѣятельности.

Такимъ образомъ, офицерскій составъ арміи главною своею массою былъ до нѣкоторой степени выразителемъ взглядовъ той среды, изъ которой онъ вышелъ. О войнѣ почти не думали, въ возможность ея не вѣрили и къ ней, во всякомъ случаѣ, не готовились. Впрочемъ и вся Россія, ставшая во главѣ Гаагской конференціи, также мало думала о войнѣ, ее не желала всѣмъ своимъ существомъ и къ ней почти не готовилась.

„*Хочешь мира, готовься къ войнѣ*“—вотъ афоризмъ, который некогда ни при какихъ обстоятельствахъ не долженъ быть забываемъ, и который однако-же, къ сожалѣнію, былъ забытъ нами какъ разъ по отношенію къ Японіи.

Мы желали мира, мира во чтобы то ни стало, но мы къ войнѣ не готовились. И что-же? Миръ сохранить не смотря на всѣ старанія, намъ не удалось. Намъ воевать заставили, но мы очутились въ положеніи человека, вынужденнаго защищаться почти безоружнымъ, вдобавокъ еще захваченнаго врасплохъ.

Результатъ, безъ сомнѣнія, былъ бы совершенно иной, еслибы мы тщательно подготовились къ войнѣ: усилили-бы, на примѣръ, нашу тихоокеанскую эскадру, усилили-бы Портъ Артуръ, хотя-бы за счетъ средствъ, потраченныхъ на Дальній, увеличили-бы въ должной мѣрѣ количество находящихся въ Манчжуріи нашихъ сухопутныхъ силъ, которыхъ къ началу войны мы тамъ имѣли всего 50 тысячъ штыковъ, разработали-бы провозоспособность нашей Сибирской желѣзной дороги, хотя-бы лишь на столько, на сколько она оказалась разработанной къ концу кампаніи, и вообще сдѣлали-бы много подобныхъ перечисленнымъ подготовленій.

Тогда, надо думать, Японія не посмѣла-бы воевать съ нами, а если-бы даже и сдѣлала это, результатъ могъ-бы быть совершенно иной, и миръ на будущее время былъ-бы обезпеченъ.

Но эта наша неподготовленность, какъ выше было указано, отчасти явилась результатомъ общаго отвращенія къ войнѣ и общаго антимилитарнаго настроенія нашей интеллигенціи, а пожалуй даже и всего русскаго народа.

Дай-же, Богъ, чтобы мы встряхнулись и перестали бы вѣрить въ возможность осуществленія разныхъ миролюбивыхъ утопій.

М. Дорманъ.

Наталья Васильевна Ванъ-деръ-Вейде.

Наталья Васильевна Ванъ-деръ-Вейде (по мужу, симбирскому помѣщику—Иванова-Туманская) дочь полковника, родилась въ 1875 году, въ С.-Петербурѣ, гдѣ и получила общее образованіе во французскомъ пансіонѣ Норманъ. Весь родъ Ванъ-деръ-Вейде очень музыкальный, и голосъ Н. В.—наслѣдственный. Музыкѣ Н. В. стала обучаться очень рано и впослѣдствіи брала уроки фортепیانной игры у проф. С. П. Б. Консерваторіи—Красса. Пѣнію она училась у лучшихъ профессоровъ Петербурга, и главное—у бывшей примадонны Императ. Московск. оперы—профес. Любови Николаевны Люценко, и сестры проф. Прянишникова—Полянской и др.

Когда еще Н. В. была ученицей, то на ея голосъ обратилъ вниманіе извѣстный меценатъ С. И. Мамонтовъ, пригласившій ее тогда же въ свою Частную Оперу сначала въ С.-Петербурѣ, а затѣмъ и въ Москву, гдѣ она пѣла цѣлый сезонъ.

Въ Петербургѣ Н. В. дебютировала въ залѣ Консерваторіи съ Шаляпинымъ въ оперѣ Русалка, въ роли Наташи.

Послѣ Частной Оперы Н. В. выступала съ большимъ успѣхомъ во многихъ лучшихъ городахъ провинціи. Сезонъ 1901—1902 г. она пѣла въ антрепризѣ Салтыкова, послѣ чего была приглашена въ Москву на сцену Императ. Большого театра. На „пробѣ“ голоса Н. В. пѣла Аиду и монологъ изъ Юдифи. Послѣдній не исполнялся никѣмъ на пробѣ до Н. В. въ теченіи послѣднихъ 14 лѣтъ. Дебютъ ея въ Большомъ театрѣ состоялся 30 Апрѣля въ оперѣ Трубадуръ, въ партіи Элеоноры и сейчасъ же она приняла участіе въ „инвалидныхъ концертахъ“ въ Большомъ театрѣ. На Императ. Московск. сценѣ Н. В. пробыла два года, служа ея украшеніемъ. Она несла на себѣ труднѣйшій Вагнеровскій репертуаръ. Главныя оперы, въ которыхъ выступала Н. В. слѣдующія: Аида, Жизнь за царя, Русалка, Алеко, Африканка, Гугеноты, Трубадуръ, Тангейзеръ, Шиковая Дама, Опричникъ, Князь Игорь, Дубровскій, Мазепа и др. Коронная роль ея Юдифь. Въ этой трудной партіи г-жа Ванъ-деръ-Вейде производитъ наиболѣе сильное впечатлѣніе, благодаря своему обширному по діалазону, мощному по звуку, чрезвычайно кра-

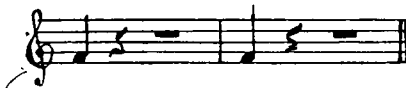
сивому по тембру голосу и музыкальности. Умная толковательница изображаемыхъ типовъ вообще, Н. В. въ Юдифи въ особенности обращаетъ на себя вниманіе строгой продуманностью своей роли, и горячностью исполненія.

Н. В. Ванъ-деръ-Вейде.

Не сойдясь въ условіяхъ съ Дирекціей, Ванъ-деръ-Вейде ушла съ Московск. Императ. Сцены и теперь гастролируетъ и часто выступаетъ на концертной эстрадѣ въ Москвѣ и въ провинціи, такъ какъ она и для этого обладаетъ обширнымъ и разнообразнымъ репертуаромъ.

А. Н.

Новогодніе подарки.

(По Э. Арену).

Почтенный Рождественскій старичокъ, въ доброе старое время спускавшійся по печнымъ трубамъ для того, чтобы наполнить игрушками дѣтскіе башмачки, безъ сомнѣнія, утомился, потому что онъ охотно уступилъ эту заботу „папамамъ“ и „мамашамъ“.

Можетъ быть, люди постепенно дѣлались требовательнѣе и ребятишки, какъ прекрасные подражатели, естественно подчивились вліянію взрослыхъ, — только Рождественскій старичокъ отлично понялъ, что теперь ему уже не отвергнуться простыми и наивными игрушками, составлявшими нашу радость, когда мы были дѣтьми. Скромные деревенскіе полишинели и куклы съ фарфоровыми головками болѣе у насъ не въ ходу. Если хотять, чтобы полишинели были приняты въ маленькомъ современномъ міркѣ—то надо, чтобы они были богато одѣты и раззолочены по всеѣмъ швамъ. Что же касается куколъ, то—вмѣсто единственной рубашки, составлявшей нѣкогда все ихъ приданое, онѣ должны теперь приносить съ собой полный гардеробъ и весь хозяйственный инвентарь, точъ въ точъ, какъ тѣ дѣвочки, для которыхъ онѣ предназначаются, ибо и тѣхъ не берутъ болѣе безъ приданого.

Ввиду всеобщей дороговизны Рождественскій дѣдушка сдѣлался расчетливѣе и спасовалъ передъ такими расходами, предпочтя направиться въ деревню, гдѣ трубы просторнѣе, нравы проще, и вкусы менѣе избалованы.

Такимъ образомъ, онъ оставляетъ на наше усмотрѣніе башмачки всеѣхъ городскихъ дѣтей: теперь уже намъ самимъ приходится наполнять ихъ и за дѣлкую недѣлю до 1-го января начинать страшную „недѣлю Нового Года.“

Если мы станемъ приписывать Римлянамъ происхождение обычая новогоднихъ подношеній, то мы отойдемъ далеко отъ истины, ибо взаимное подношеніе подарковъ существовало гораздо ранѣе Августа Тиверія. Виновицей этого является первая женщина—наша прапраматерь Ева, допустившая змія поднести себѣ яблоко. Люди далеко не всему охотно подражаютъ; но относительно подарковъ поступокъ Евы показался очень соблазнительнымъ. Однако, на первыхъ порахъ подарки состояли изъ вѣтвей, сорванныхъ въ священныя лѣсахъ. Владыки и ихъ высшіе сановники съ благодарностью принимали скромныя вѣтви, которыя имъ подносили. А въ наше время, кто бы осмѣлился поднести подобный даръ хотя бы своему... ну... дворнику? Слѣдуетъ прибавить, что такая трогательная простота существовала недолго. Вскорѣ люди обратились къ болѣе существенному и практичному. По примѣру Калхаса, меланхолически восклицавшаго: „Слишкомъ

много цвѣтовъ!“—Римляне, а въ особенности Римлянки стали тоже находить, что уже слишкомъ много вѣтвей!

Подарки видоизмѣнились: стали посылать друзьямъ и знакомымъ винныя ягоды, финики и медъ, какъ символъ сладости жизни. Такіе подарки были еще всѣмъ по карману. Финики и винныя ягоды удержались довольно долго, но ихъ стали потомъ варить въ сахарѣ.

Постепенно Римляне пристрастились къ роскоши и своихъ деревянныхъ боговъ перемѣнили на золотыхъ и серебряныхъ. Сообразно съ этимъ въ ихъ жизни измѣнилось и все остальное, а слѣдовательно, и подарки. Римляне взяли въ обыкновеніе дарить другъ другу красивыя звонкія монеты; но въ противобѣсъ нашему времени, эти подношенія дѣлались такъ, что люди маленькіе подносили подарки людямъ большимъ: подданные — императору, дѣти—родителямъ, прислуга господамъ. Сохранился разсказъ о томъ, какъ Каллигула издалъ указъ, въ которомъ сообщалось народу, что въ день январскихъ календъ, императоръ будетъ лично принимать подарки отъ народа. И въ этотъ день его въ самомъ дѣлѣ видѣли съ утра до вечера сидѣвшимъ въ вестибюлѣ дворца, складывавшимъ въ кучи подарки, подносимые толпою.

Наши же сановники въ день Новаго Года получаютъ только однѣ визитныя карточки!

Дѣйствительными же счастливыми конца и начала каждаго года являются: прислуга, дѣти, да мамы. Женщины хотя и провозгласили полное равенство свое съ мужчинами, но женскій вопросъ онѣ ограничили нѣкоторыми статьями, дающими имъ право пользоваться подарками.

Обычай дѣлать дорогіе подарки создала женщина. Пионеркой этого обычая была М-жъ де Монтеспанъ, получившая такіе подарки, какихъ до тѣхъ поръ и не видывали при франц. Дворѣ. Исторія сохранила намъ ихъ перечень, изъ котораго мы узнаемъ, что братъ короля поднесъ ей чеканнаго золота блюдо, осыпанное по краямъ изумрудами и брилліантами, и два золотыхъ кубка, крышки которыхъ также были осыпаны изумрудами и брилліантами. Все это стоило десять тысячъ экю, что для того времени составляло очень крупную сумму. Въ наше же время это не заслужило бы названія „царскаго подарка“, потому что колья въ 30 и 40 тысячъ, которые подносятъ нашимъ царицамъ театра, стало явленіемъ самымъ обыкновеннымъ.

Теперь никому не придетъ въ голову возставать противъ торжества этой моды, тогда какъ прежде противъ нея лучшіе умы постоянно протестовали.

Но мода на подарки развивалась. Дѣло дошло до того, что уже не изъ дружбы, или обязанности стали дарить, а изъ одного только тщеславія, съ цѣлью перещеголять другъ друга роскошью подарковъ. Особенно это было развито между поклонниками той или другой модной красавицы. Соперники не останавливались ни передъ какими цѣнами, лишь бы только выйти побѣдителемъ въ этомъ спортѣ тщеславія. Это безуміе вызывало нерѣдко вмѣшательство власти, такъ напримѣръ, во Франціи въ 1793 году былъ изданъ декретъ противъ такого мотовства. Это было время, когда не шутили и за малѣйшее отступленіе отъ декрета наказывали гильотиной.

Но и строгость однако не помогала. Даже напротивъ: никогда новогодніе подарки не были такъ изобильны и раззорительны, какъ во время революціи.

Обычай дѣлать новогодніе подарки существуетъ во всѣхъ странахъ.

Такъ въ Китаѣ Новый Годъ празднуется какъ и въ Европѣ; тамъ тоже устраиваютъ пиры, обмѣниваются визитами и подарками.

Но особенно отличается Японія оригинальнымъ характеромъ новогоднихъ

церемоній и одинъ изъ ученыхъ путешественниковъ живописно передаетъ, какъ празднуютъ этотъ день въ Юкогамѣ и какіе существуютъ тамъ семейные обряды. Жена первая предлагаетъ подарки своему мужу. Разложивъ ихъ предварительно на тростниковыхъ циновкахъ въ гостинной, жена, въ моментъ появленія передъ ней ея владыки и господина, три раза распространяется передъ нимъ на полу; затѣмъ чуть-чуть приподнявшись, она привѣтствуетъ его съ наклоненнымъ впередъ туловищемъ, опираясь на кулаки, причемъ пальцы согнутой ладони вытянуты по направленію ея колѣнъ.

Супругъ, въ свою очередь, садится на корточки противъ своей супруги, опуская руки вдоль туловища; кончиками пальцевъ едва касаясь земли, онъ, время отъ времени, выражаетъ свое одобреніе хриплыми звуками или тяжелымъ сопѣньемъ.

Тутъ невольно хочется сказать: „что городъ, то норовъ, что деревня-то и обычай“.

Въ заключеніе добавлю: есть люди, которымъ Новый Гость не принесетъ никакого подарка кромѣ... лишняго года на плечи. Невеселый подарокъ... впрочемъ, онъ общій для всѣхъ! Въ этомъ утѣшеніе!...

А. Г. К.

Библейскія женщины.

I.

А г а р ь.

Кому неизвѣстна грустная исторія библейской Агари? Кого не трогаль ея страдальческой образъ? Какая глубокая драма женской души, которая во всѣ времена и эпохи совершается по однимъ и тѣмъ же непреложнымъ психологическимъ законамъ!.. Красивая египтянка-раба сначала обласканная своимъ властелиномъ, а потомъ, когда она забылась, снова отвергнутая и даже изгнанная изъ дома... Зазнаваться такъ свойственно человѣческой натурѣ, а тѣмъ болѣе красавицѣ, хотя и рабыни... И Агарь забыла, что вниманіемъ господина своего она была обязана Саррѣ, сказавшей мужу:

— Я стара, дѣтей у меня быть не можетъ и наслѣдовать твое имуществу и земли некому. Потому я хочу имѣть сына отъ Агари, служанки моей, котораго я и воспитаю какъ нашего наслѣдника.

Но Агарь тотчасъ же возгордилась своимъ положеніемъ и вышла изъ повиновенія у Сарры, госпожи своей.

Послѣдняя обратилась съ жалобой къ мужу.

— Служанка твоя подъ рукой у тебя, накажи ее, какъ хочешь,—получила она въ отвѣтъ.

Сарра воспользовалась разрѣшеніемъ и сильно наказала непокорную рабыню.

Та не стерпѣла обиды и убѣжала въ пустыню, съ намѣреніемъ пробраться въ свой родной Египетъ. Но явившійся Ангелъ остановилъ ее отъ этого, велѣвъ вернуться въ повиновеніе къ Саррѣ, и предсказалъ, что родъ ея отъ имѣющаго родиться у нея сына—Измаила умножится и сдѣлается сильнымъ и страшнымъ для враговъ.

Агарь вернулась съ повинной къ Аврааму и снова была принята въ домъ его.

Сверхъ всякаго ожиданія у престарѣлой Сарры, по благовѣщенію Божію, родился сынъ Исаакъ.

Сводные братья стали рости вмѣстѣ. Болѣе сильный и дикій нравомъ Измаиль всегда обижалъ Исаака, порождая нескончаемыя неудовольствія между матерями, что и повлекло наконецъ къ изгнанію Агари, съ ея девятилѣтнимъ сыномъ, въ пустыню Аравійскую. Провидѣніе раздѣлило братьевъ для сохраненія въ чистомъ видѣ истинныхъ вѣрованій въ родѣ Авраамовомъ отъ Исаака. Авраамъ снабдилъ Агарь большимъ кувшиномъ воды и запасомъ хлѣба.

Агарь долго блуждала по пустынѣ, гдѣ едва не умерла отъ голода и жажды. Историкъ Іосифъ говоритъ, что на изгнанниковъ набрели пастухи, которые тронулись ихъ тяжелымъ положеніемъ и дали имъ пріютъ.

Агарь отправилась на югъ и поселилась въ пустыни Фаранъ (въ Каменистой Аравіи), получившей свое названіе отъ близлежащаго города того же имени. Эта пустыня тянется до подошвы Синая почти на самой границѣ Палестины. Надо одиннадцать дней для ея перехода. Не смотря на бесплодность и дикость этой пустыни, она очень оживлена: въ ней постоянно рыщутъ разбойники, тянутся купеческіе караваны или плетутся партіи паломниковъ. Черезъ Фаранъ теперь лежитъ путь къ берегамъ Краснаго моря, въ Багдадъ, Египетъ и въ Персію. Эта пустыня получила свою извѣстность потому, что именно въ ней блуждали цѣлыхъ 38 лѣтъ Израильтяне по выходѣ своемъ изъ Египта. Агарь съ Измаиломъ нашли себѣ пріютъ въ этой же голой пустынѣ, ставшей колыбелью суровому Арабскому племени.

Когда Измаилу исполнилось 30 лѣтъ, мать женила его на египтянкѣ. Имѣются историческія данныя, что Авраамъ во всю свою жизнь не оставлялъ матеріальною помощью Агарь съ Измаиломъ.

Зато на склонѣ лѣтъ Авраама, Измаиль, движимый чувствомъ признательности, явился къ отцу, чтобы наравнѣ съ Исаакомъ исполнить свои послѣднія сыновнія обязанности. Онъ

Агарь.

присутствовалъ и на похоронахъ Авраама, послѣ чего вмѣстѣ съ другими братьями своими получилъ богатые подарки, ибо на имущество и земли Авраама не имѣлъ права, какъ рожденный отъ рабыни.

У Измаила родилось 12 сыновей, по имени которыхъ названы 12 городовъ. Но тѣ города не строились изъ камня, какъ нынѣшніе; они представляли собою просто группы палатокъ, въ которыхъ поселился родъ каждаго изъ сыновей Измаила.

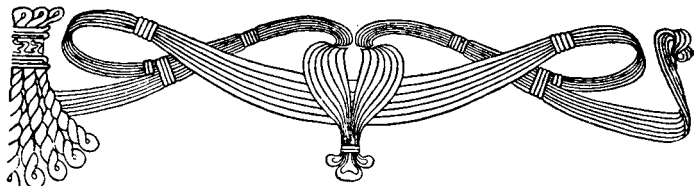
Суровая пустыня закалила своихъ дѣтей и, воинственные Арабы сдѣлались дѣйствительно грозой всѣхъ сосѣдей.

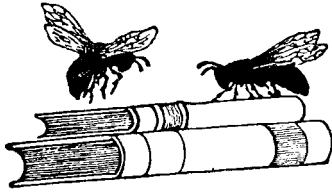
Жизнь Агари, полная трагизма, увѣковѣчилась на страницахъ библейской исторіи. Поучительность ея заключается въ глубокомъ нравственномъ символѣ. Какъ спокойная Сарра, опирающаяся на свою законную силу, олицетворяетъ собою душу человѣка, такъ мятушаяся Агарь, съ ея озлобленіемъ и вѣчнымъ протестомъ, олицетворяетъ собою плоть человѣческую съ ея буйными страстями, непрестанно возстающими и враждующими противъ дисциплины духа. Какъ изгнаніе Агари водворило миръ въ домъ Авраама, такъ побѣда надъ страстями приносить человѣку душевный покой.

Возвышенное толкованіе исторіи Агари распространено вездѣ, но въ особенности на западѣ Европы, гдѣ увѣковѣченію этой библейской женщины посвятили не мало трудовъ лучшіе представители живописи и скульптуры. Кто не знакомъ съ прекрасными произведеніями кисти Гозолли ди Гверчино, Бенедетто Кастильоне, Филиппа Ванъ Дейка и Лезюера, изображавшихъ или наказаніе Агари Саррою, или изгнаніе Агари Авраамомъ; или великолѣпныя воспроизведенія кисти Агари въ пустыни Андрея Саччи и Карла Марата (итальянск. школ.), Лебрюнъ (франц. шк.) и Варфоломея Шпрангера (нѣм. шк.); или полная выразительности и достоинства картина Лезюера: изгнаніе Авраамомъ Агари; также шедевра К. Марата: голова Агари, внимающей утѣшеніямъ Ангела; наконецъ, почти полная исторія рабыни Авраама, воспроизведенная въ неподражаемыхъ фрескахъ Миланскаго Собора.

Въ такомъ символическомъ освѣщеніи Агари, тичность ея получаетъ міровое и вѣчное значеніе.

А. Никитина.

Б е с ѣ д а.

I.

Подъ впечатлѣніемъ.

Помнишь-ли, какъ мы съ тобой въ непогоду,
Бѣшенымъ стонамъ метели внимаая,
Олово лили, глядѣлися въ воду,
Вмѣстѣ съ другими о счастье гадая,
Счастье наивно еще понимая?

Такъ спрашиваетъ поэтъ подругу своей юности. И эти строчки будятъ въ душѣ прошлое, переносятъ мысль къ тѣмъ далекимъ годамъ, когда люди „просто жили и просто веселились“. Теперь принято бранить все прошлое и осмѣивать его, потому что-де-тогда все носило признаки застоя, коснѣло въ невѣжествѣ, умственно спало и ничего въ быломъ „нельзя благословить“. Все, что было до эпохи „великихъ реформъ“—все скверно безусловно и должно быть очерчено черною краскою... Такъ гласитъ либеральный катехизисъ, не справляющійся съ правдой и не особенно дорожащій ею... Для людей ложнаго либерализма важень ярлыкъ и ничего болѣе. Но вѣдь не все прежде, въ старину, было скверно, и не все хорошо теперь, когда мы изъ кожи лѣземъ прослыть либеральными и прогрессивными...

Пусть знаемъ больше мы, чѣмъ знали наши дѣды,
Пусть вѣрили они, чему не вѣримъ мы...
Но что-же дали намъ великія побѣды
Кичливаго ума? Нѣтъ больше прежней тьмы—
Тамъ, гдѣ казалось все и тайной, и загадкой—
Довѣрчивымъ умамъ довѣрчивыхъ людей;
Но жизнь намъ оттого совсѣмъне стала сладкой,
А только сдѣлалась скучнѣй!

Да, тянутся сѣрые будни безъ праздника и просвѣта, потому что мы разучились находить просвѣтъ и праздники

потеряли для насъ свое прежнее значеніе. Мы стали очень умны, настолько умны, что... сдѣлались скучными, и эта томящая скука виситъ въ воздухѣ. Мы все подвергли анализу, даже то, что нельзя анализировать, мы вездѣ поставили кстати и не кстати вопросъ: а почему? зачѣмъ? и превратились въ мудреца, осмѣяннаго баснописцемъ,—„веревка—вервие простое“... О, мы всѣ философствуемъ... Даже гимназистъ второго класса уже задается философскими вопросами вмѣсто того, чтобы добросовѣстно и прилежно учить грамматику... Только больше-ли стало отъ этого истинныхъ философовъ, а не больше-ли людей, не знающихъ грамматики?

Въ короткомъ платьицѣ или въ курточкѣ философъ
Торопится скорѣй такъ много разрѣшить
Великихъ теоремъ и міровыхъ вопросовъ,
Что некогда и жить!

Да большинство и не *живетъ*, а „мыслить“, „анализируетъ“, готовится къ общественной дѣятельности“, критикуетъ „строй и порядокъ“ и все думаетъ о томъ, какъ-бы облагодѣтельствовать міръ! Я говорю „большинство“,—подразумѣвая, конечно, интеллигенцію, такъ называемую „мыслящую Россію“, а не массу, не народъ, который попрежнему вѣритъ, работаетъ, не любитъ фразъ, и если отравляется, то по милости той же „философствующей интеллигенціи“, которая въ тѣ годы, когда надо учить „грамматику“—мечтаетъ о всечеловѣческомъ счастьѣ, а потомъ спокойно пристраивается къ теплomu мѣстечку, присасывается къ общественному, земскому и прочимъ пирожкамъ и, поигрывая въ картишки, прохаживаясь по „хересамъ“, продолжаетъ фразерничать, осмѣивать все мелкое, отсталое, щеголяя въ полинявшемъ мундирѣ правовѣрнаго либерала. Мало-ли этихъ ловкихъ людей, служащихъ только себѣ и своимъ интересамъ, но вознесенныхъ дружескою кликою на неподобающую высоту и справляющихъ юбилей своей многолѣтней службы „на нивѣ народной“... Но нѣтъ сомнѣннй, что нива народная была-бы менѣе засорена, если-бы на ней не работали эти quasi—друзья народа, нуждающагося въ иномъ словѣ и въ иномъ свѣтѣ!..

Можетъ-быть, въ старину и меньше говорили, но едва-ли меньше дѣлали. А ужъ жить-то умѣли положительно лучше и полнѣе. И умѣли люди веселиться, отдыхать, отдаваться беззаветно празднику, потому что *праздничное настроеніе* охватывало людей и они не стыдились его. Веселились, какъ умѣли, какъ хотѣлось. Теперь и въ веселье ворвался анализъ, и ставится вопросъ: а можно? умно это? не будетъ отдавать отсталостью?

— Знаете, промолвила одна барышня, еще не отравившаяся „умничаньемъ“,—мы вчера гадали...

— Гадали? съ ироническою улыбкой спросилъ „мыслящій интеллигентъ“.

— Да, гадали: я и Маня.

— Какъ-же?

— Мы въ зеркало смотрѣли... а потомъ...

— А потомъ?

И опять ироническая улыбка.

— Потомъ выбѣгали на улицу и спрашивали имя перваго встрѣчнаго.

— Для чего-же?

— Какъ будутъ звать суженаго-ряженаго.

— Ай-ай! И вамъ не стыдно?

И „мыслящій интеллигентъ“ прочелъ цѣлую лекцію на тему о томъ, что стыдно развитымъ, интеллигентнымъ дѣвушкамъ гадать; только деревенскія, невѣжественныя бабы могутъ заниматься такими нелѣпостями... Что можетъ быть хуже суевѣрія?.. и пр. и пр.

Да, это не умно, слѣдовательно, не современно и стыдно.

Вотъ отъ того, что мы стали очень умны, современны и всего стыдимся, наша жизнь и сдѣлалась скучною... Мы осмѣиваемъ всѣ старинныя забавы, всякій беззаветный смѣхъ, „милое дурачество“, по выраженію поэта, боимся показаться „дѣтьми“, „смѣшными“, — и что-же въ результатѣ? Убийственная скука въ жизни, въ нашихъ увеселеніяхъ, во вкусахъ, въ играхъ, которыя мы устраиваемъ. Такъ скучно вездѣ, что мы не можемъ найти другого исхода, и прибѣгаемъ къ вину! Ну, а какъ явилось оно—и веселье является: весело и въ клубѣ, и въ садахъ, и въ домашнемъ сборищѣ... Весело отъ вина. И прежде пили, но пили въ веселую минуту, вино являлось какъ-бы добавленіемъ, а теперь только оно веселить, имъ разгоняется скука...

Настали праздники: и шумъ, и суета,
И пѣсни громкія... Но пьяное бездѣлье
Не русское старинное веселье,
Не удалъ прежняя, широкая, не та,
Которая въ крови, безъ покупного зелья,
Кипѣла у отцовъ и дѣдовъ, знавшихъ смѣхъ...
Въ забавахъ нынѣшнихъ остался старій грѣхъ
И только нѣтъ въ нихъ стараго веселья!

Да, худшее, грѣхъ—остался, сохранился, а лучшаго элемента—стараго веселья—не стало!..

Если прежде властвовала страсть, то теперь—царить чувственность. Едва ли нашему времени есть чѣмъ гордиться предъ стариной. Нѣкоторыхъ возмущаетъ романъ Юліи и Ромео,—именно тѣ страницы, гдѣ Юлія, подъ вліяніемъ страсти, яко бы забываетъ женскій стыдъ. Но возмущаться можно не этими горячими страницами любви, а тѣмъ, въ нашихъ современныхъ романахъ, гдѣ на первомъ планѣ чувственность, которая породила флиртъ, спортсменство и „свинство“ въ любви... Какъ великій, безстрашный разбойникъ всегда выше подленькаго, мелкаго ворюшки или убійцы изъ-за угла, такъ и всякая пылкая истинная страсть выше и благороднѣе чувственности, грязной пошленькой игры въ чувство, въ любовь подъ сурдинкой, втихомолку, съ непремѣннымъ предательствомъ и нерѣдко поцѣлуемъ Іуды...

Человѣкъ охваченный страстью, кидается въ бездну, очертя голову... Можетъ-быть, онъ губить и другую жизнь, но и самъ гибнетъ... А при флиртѣ—это подленькое воровство, съ оглядкой во всѣ стороны, съ мыслью о побѣгѣ при первой тревогѣ. При страсти *все забыто*. А при игрѣ въ чувства—ничего не забыто, и, ублажая свою чувственность, человѣкъ хочетъ и покой свой сохранить, и имя сберечь, и не лишиться семейныхъ благъ. При страсти—великій грѣхъ, но этотъ грѣхъ говорить и о великой силѣ, и о великомъ характерѣ. При нашей современной чувственной игрѣ въ любовь—это-ль не грѣшки, которые свидѣтельствуютъ лишь о мелкости, и пошлости натуры.

И этимъ начинается кишѣть жизнь... и отъ того жизнь становится невозможною... Ничтожность,—что хуже ея?

Ея позорная печать
 Лежить на всемъ, куда ни взглянешь:
 Титановъ нечего искать,
 А карликовъ считать—устанешь!
 Гдѣ величавые борцы?
 Гдѣ хоть безстрашные злодѣи?
 Кругомъ презрѣнные глупцы,
 Иль мысли жалкіе скопцы,
 Да добровольные лакеи!

Да, лакеи, во дни либеральнаго торжества, потому что нигдѣ нѣтъ столько добровольныхъ лакеевъ, какъ среди современныхъ либераловъ... Можетъ-ли быть жизнь полна свѣта и веселья, если торжествуетъ лакейская ничтожность, да еще въ мундирѣ либерализма, но не того настоящаго, самостоятельно-мыслящаго *либерализма*, которому были вѣрны такіе *консерваторы*, какъ Катковъ, И. Аксаковъ и другіе, а того либерализма, который признаетъ только свое приходское: „слушаю-съ!“

Скука виситъ въ воздухѣ... Задыхаешься отъ этой скуки... Эхъ, если-бы пахнуло свѣжимъ воздухомъ, поняли-бы люди, что пора отказаться отъ ложнаго стыда, пора подняться, ободриться, сбросить цѣпи либеральной тенденціи, здраво взглянуть на жизнь и приняться за настоящую работу, чтобы чередовать ее со здоровымъ отдыхомъ, полнымъ веселья.

II.

Новогоднія размышленія.

„Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!“

Эти восклицанія раздаются со всѣхъ сторонъ и сдѣлались такими-же шаблонными, какъ и обычныя: „здравствуйте!“ „Какъ поживаете?“

„Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!“

Но что такое новый годъ? И почему именно 1 января должны произойти перемѣны въ жизни и должно слетѣть къ намъ новое счастье, котораго всѣ взаимно желаютъ другъ-другу? Когда-то праздновали новый годъ 1 марта, потомъ стали праздновать 1 сентября, а Петръ Великій перенесъ празднованіе на 1 января... Все условно, какъ условно и самое счастье.

Съ новымъ счастьемъ!..

Старое... новое... не лучше-ли сказать просто—счастье? „Желаю вамъ счастья въ новомъ году!“

Всѣ стремятся къ счастью, а много-ли счастливыхъ?.. много-ли въ жизни счастья? Монтегацца увѣряетъ: „Счастье—въ трудѣ“.—Какая-то поэтесса воскликнула: „Когда-бы жизнь была—одиноч безэмвннй праздникъ!“ А нашъ симпатичный поэтъ Яковъ Петровичъ Полонскій зываетъ:

И въ праздности—горе, и горе въ трудѣ!

Откликнитесь, гдѣ вы, счастливые, гдѣ?

Довольные, гдѣ вы?

Люди любятъ, работаютъ, мыслятъ... И каждый въ этомъ находить себѣ счастье. Но,—продолжаетъ поэтъ:

Кто любитъ безъ боли? кто мыслитъ безъ страха?

Гдѣ-же счастливые, гдѣ? Они есть, хотя ихъ очень мало, потому что мы вообще не умѣемъ, не можемъ быть счастливыми, не умѣя быть довольными. Мы рвемся къ счастью, любимъ его... А если оно намъ улыбнется, попадетъ, такъ сказать, въ руки,—мы сейчасъ-же отравляемъ его, оно намъ перестаетъ казаться счастьемъ, и мы его теряемъ, бросаемъ, разбиваемъ собственными руками и, какъ дѣти, которымъ надоѣла подаренная игрушка, просимъ новой, мы—опять ищемъ новаго счастья—и приносимъ всякія жертвы, чтобы только добиться его... А тамъ? Тамъ опять—тоже самое. Да, мы вѣчно недовольны!

Что новый голъ, то новыхъ думъ,

Желаній и надеждъ

Исполненъ легковѣрный умъ

И мудрыхъ и невѣждъ.

Лишь тотъ, кто подъ землей сокрытъ,

Надежды въ сердцѣ не таитъ.

И вотъ въ этомъ то именно и есть человѣческое счастье. Кто не усталъ желать счастья, тотъ еще не усталъ жить и, окрыленный сладкими мечтами о счастьѣ, будетъ стремиться впередъ, будетъ трудиться, бороться съ житейскими невзгодами и создавать себѣ счастье! Горе тому, въ чьей груди уже умерли всѣ желанія, кого властно охватило собою безнадежное отчаяніе, у кого—

Въ душѣ—холодный мракъ, а въ сердцѣ—пустота!

Если это—не временное состояніе, то что-же вся дальнѣйшая жизнь, какъ не сплошная ночь, не рядъ ужасныхъ мучительныхъ дней? Ко благу людей, это не общій удѣлъ. Жажда

жизни такъ сильна, а мечты о счастьѣ такъ заманчивы, что онѣ все побѣждаютъ. И благо! скажемъ мы вмѣстѣ съ поэтомъ:

Съ чашами въ рукахъ
 Да будетъ встрѣченъ гость,
 Да разлетится въ прахъ,
 Да умирится злость,
 И въ обновленныя сердца
 Да снидетъ радость безъ конца!

Пусть не сбудутся надежды сегодня и завтра... но пусть живутъ онѣ въ сердцахъ, и тогда не опустятся руки и... настанетъ награда...

О, если-бы больше надежды и вѣры было во всѣхъ насъ—мы бодрѣе шли-бы къ цѣли! И надо желать, чтобы эта жажда радости и счастья охватывала всѣхъ, потому что самая жажда эта—уже благо небесъ, уже наше счастье... Да, въ достиженіи счастья—уже великое счастье, и кто всегда имѣетъ предъ собою цѣль, всегда стремится къ счастью, тотъ уже счастливъ... даже въ томъ случаѣ, если никогда не суждено сбыться его мечтамъ о счастьѣ!

Что бы мы ни дѣлали—мы всегда стремимся къ счастью и радости. Если мы любимъ свой трудъ, то вѣдь потому что онъ несетъ намъ наслажденіе. Всякій трудъ, не дающій наслажденія, не имѣющій въ виду счастья—мука, пытка... Мать ли мало переноситъ страданій и мукъ въ годы воспитанія ребенка? А она счастлива! Она полна радостей въ настоящемъ и ждетъ ихъ въ будущемъ. Не ошибется-ли? Кто знаетъ? Но надежды окрыляютъ ее. Будущее неизвѣстно. Но она ждетъ въ будущемъ счастья и работаетъ для него.—„Счастье мое!“ говоритъ она, качая дитя, не досыпая ночей у его колыбели.

Значитъ, счастливые есть? А какъ-же поэтъ говорить:

Гдѣ вы, счастливые, гдѣ?

Да, счастье есть, и его нѣтъ, если хотите, потому что оно хрупко, минутно, потому что мы, жаждая счастья, всегда недовольны, когда его достигнемъ и хотимъ уже новаго счастья... Въ этомъ и наше мученіе. Но наше счастье въ томъ, что мы не теряемъ способности вѣчно желать и вѣчно стремиться къ счастью... И безусловно несчастны только тѣ, которые уже не могутъ желать, не могутъ вѣрить въ счастье и стремиться къ нему.

Конечно: это вѣчное недовольство достигнутымъ, добытымъ, толкая впередъ, на трудъ и борьбу, приносить человѣку и много горя, отравы, но:

Нѣтъ лѣта безъ грозы,
 Нѣтъ жизни безъ печали!

Не многимъ дано въ удѣлъ и довольство... именно тѣмъ, кто можетъ быть счастливъ *немудренымъ счастьемъ*... Да, но и здѣсь только относительное довольство.

И въ тѣхъ лишь нѣтъ надежды вновь,
Въ комъ навсегда застыла кровь!

Но пройдетъ и этотъ ужасный мигъ: настанетъ день итога,
когда человѣкъ почувствуетъ, что ему уже нечего желать на
землѣ...

У Полонскаго есть дивное стихотвореніе. Обращаясь къ
подругѣ, онъ говорить:

Я-ль первый отойду изъ міра въ вѣчность, ты ли,
Предупредивъ меня, уйдешь за грань могиль,
Повѣдать небесамъ страстей земныя были,
Невѣроятныя въ странѣ безплотныхъ силъ—

.....
Ты имъ скажи, что я не проклиналъ,
А я скажу, что ты благословляла!

Счастливъ, кто будетъ имѣть право въ день итога повто-
рить эти слова: „а я не проклиналъ!“ Это значитъ, что жиз-
ненная борьба не ожесточила человѣка до страшнаго грѣха, не
отравила сердце ядомъ до забвенія великой заповѣди и что про-
несъ онъ въ себѣ по землѣ—„по этой злой землѣ“—чистымъ и
яснымъ „образъ Божій!“ Это уже величайшее счастье!

Оно удѣлъ „избранныхъ“.

А счастье ихъ, вѣчное, несчастичное счастье—и есть насто-
ящее счастье.

А. Кругловъ.

ИСКРЫ.

„Юморъ—это бальзамъ, прикладываемый великодушнымъ челоуѣкомъ къ язвамъ сердца“.

Т. Карлейль.

„И при смѣхѣ иногда болитъ сердце“.

1.

Остановите женщину!

Я только что сѣлъ за чай, когда горничная подала мнѣ записку. Мой добрый знакомый, Петръ Степановичъ Неволинъ, просилъ меня немедленно пріѣхать къ нему. „Я—писалъ онъ—совсѣмъ въ непривычной для меня роли и окончательно растерялся. Пріѣзжай, ради Бога!“

Я былъ изумленъ и встревоженъ. Что случилось у милаго Петра Степановича, какая бѣда налетѣла на него? Почему онъ одинъ? А жена, прелестная Екатерина Васильевна, красота которой лишаетъ сна не одного москвича? Гдѣ же она, вѣрная подруга? Боже мой, неужели она оставила мужа? Но вѣдь они женаты всего два года! Положимъ, это совершенно достаточно, но... нѣтъ, я не хотѣлъ вѣрить такому предположенію... Но что же такое? Ужели заболѣла Екатерина Васильевна? Тогда зачѣмъ я?

Ничего не понимая, я нанялъ перваго поцавшагося извозчика и полетѣлъ къ Неволину.

На мой звонокъ дверь отворила горничная Маша.

— Что случилось? гдѣ баринъ?

— Баринъ дома-съ. Они купаютъ барышню въ ванной-съ...

— Онъ? Онъ самъ? Но гдѣ же Екатерина Васильевна? съ тревогой воскликнулъ я.

— Ихъ нѣтъ-съ дома.

— Я не сталъ спрашивать далѣе. Не съ горничной же разсуждать, если случилось семейное несчастье.

Я побѣжалъ прямо въ ванную.

Въ легкомъ пиджакѣ, повязанный передникомъ, Петръ Степановичъ держалъ въ рукахъ свое „бебе“, а толстая Марѳа вытирала это маленькое существо, кричавшее благимъ матомъ.

— А, это ты! Спасибо, сказалъ Петръ Степановичъ, кивая мнѣ головой. Я сейчасъ... некогда! Проходи ко мнѣ въ кабинетъ.

Удивленіе мое росло. Я послѣдовалъ указанію Неволіна и прошелъ въ его кабинетъ, куда черезъ десять минутъ пришелъ и онъ самъ. Но не успѣлъ онъ позвать мнѣ руку, какъ въ комнату вбѣжала Маша.

— Баринъ, пожалуйста сахару, кухарка говорить, что не хватаетъ.

Петръ Степановичъ засуетился и побѣжалъ за ключами.

— Извини, я сейчасъ.

Онъ вернулся черезъ нѣсколько минутъ, запыхавшись и весь въ поту.

— Чортъ знаетъ! Забылъ куда положилъ ключи, насилу нашель, сказалъ онъ, опускаясь въ кресло.

— Послушай, да что все это значить? обратился я къ нему.

— Ахъ, это ужасно!

— Екатерина Васильевна...

— Ея нѣтъ больше... и я долженъ хозяйничать...

— Какъ нѣтъ? Она...

— Она уѣхала.

— Куда? Съ кѣмъ?

— Съ этой мадамъ Перелетаевой.

— Съ мадамъ?

— Ну, да, не съ самимъ же Перелетаевымъ она поѣдетъ.

— Поѣдетъ? На чемъ?

— Да, разумѣется, на велосипедъ.

— Я вздохнулъ облегченно.

— Такъ она... твоя жена тебя не совсѣмъ оставила? не разрывъ? воскликнулъ я.

— Придетъ же тебѣ такая гиль въ голову!.. Моя милая, восхитительная Катишь и... разрывъ! но и это... это чортъ знаетъ что такое! Вѣдь я же ничего не понимаю! А между тѣмъ долженъ выдавать кухаркѣ, принимать бѣлье отъ прачки и... даже купать Зину. Катишь непременно велѣла, чтобы я самъ купалъ. Прежде она это дѣлала, ну, а теперь... ей некогда, да она и устаеть... Вернется и лежить: я и чай разливаю!..

— А твоя практика?

— Ахъ, не говори! Третій день я практикую здѣсь. И вообрази: вчера получилъ нагоняй отъ жены, зачѣмъ не умѣлъ

досмоорѣтъ за Марей и у Зины ноготки не въ порядкѣ. Но гдѣ же, гдѣ мнѣ?

— И подолгу катается Екатерина Васильевна?

— Подолгу.

— И каждый день?

— Ежедневно.

— Но...

— Какое тутъ но! Она хочетъ научиться какъ можно скорѣе и лучше. Лавры m-elle Веймаръ ей не даютъ спать. Она хочетъ непременно взять первый призъ.

Я помолчалъ и произнесъ.

— Что же я могу сдѣлать? Вѣдь если ты не уговорилъ ее, то развѣ я сѣмѣю. Она навѣрное не захочетъ отказаться.

— Объ этомъ нечего и думать.

— Зачѣмъ же я тебѣ?

— Да развѣ я прошу тебя убѣждать жену отказаться? Это невозможно. Я истощилъ всѣ доводы... и покорился...

— Ну?

— Это дѣло рѣшенное! Я прошу помочь мнѣ въ хозяйствѣ.

— Помилуй! воскликнулъ я:—я понимаю меньше твоего! Я не умѣю себѣ чай налить. Если бы не моя жена...

— А что ты станешь дѣлать, если она поѣдетъ на велосипедѣ?

— Моя жена?

— Ну, да. Развѣ этого не можетъ быть?

— Никогда! Моя жена—дама ученая, ее интересуесть философія В. Соловьева. Я ей только что принесъ „Вопросы философіи“ Грота.

— Ахъ, что ты говоришь! И моя Катинь бредила Додэ, а теперь послѣдній романъ Додэ я нашелъ валяющимся за кроватью.

— Но моя жена...

— Уѣдетъ!

— Нѣтъ, не уѣдетъ!

— Уѣдетъ!

— Нѣтъ, никогда!

Я человекъ горячій. Я побоялся ссориться съ Петромъ Степановичемъ и поспѣшилъ уйти.

— Не хочешь помочь мнѣ? крикнулъ онъ злобно.

— Ничего не понимаю.

— Учись, а то...

— Нечего, мнѣ учиться! Моя жена...

— Уѣдетъ!

Я сердито хлопнулъ дверью и вышелъ.

Я не взявъ извозчика и пошелъ домой пѣшкомъ. Вдругъ слышу, кто то окликнулъ меня. Подымаю голову, изъ окна высывается чуть не до половины Иванъ Ивановичъ Галушкинъ.

— Зайди ко мнѣ, пожалуйста! съ тревогою крикнулъ онъ.

— Господи, неужели и у него жена уѣхала на велосипедѣ!

Я зашелъ.

— Я, братъ, одинъ.

— А жена?

— Настя уѣхала кататься на велосипедѣ.

— А ты?

— А я... я взялъ отпускъ на днѣ недѣли и хозяйничаю за нее. Вотъ что, братъ, выручи: скажи мнѣ, что лучше: если бу-мазея...

Я замахалъ руками.

— Ничего, ничего не понимаю! Оставь меня!

Вдругъ раздался звонокъ.

— Забавкинъ, доложила прислуга.

— А... зови, зови его!

Въ комнату вошелъ тучный Забавкинъ, веселый собутыль-никъ и острякъ. Но теперь онъ былъ озабоченъ.

— Я къ тебѣ съ просьбой, сказалъ онъ, пожимая руку хо-зяину и кланяясь мнѣ.

— Что? Готовъ слушать.

— Видишь... моя Соня стала брать уроки велосипедной ѣзды... и все... и весь домъ на меня легъ. Я сегодня все утро провозился съ Молоховецъ и читалъ относительно экономической стирки бѣлья... но мнѣ нужно еще... такъ не можешь ли...

— Позволь, я самъ занятъ! Моя Настя тоже уѣхала на ве-лосипедѣ.

— И она?

— Да!

Я сейчасъ отъ Неволлина...

— Ну, ну?

— Его жена тоже уѣхала.

Я засмѣялся.

— Надъ чѣмъ же это вы смѣтаетесь? нахмурившись, спросилъ Забавкинъ.

— Пожалуйста, не смѣйся, и твоя... началъ Галушкинъ.

— Никогда! крикнулъ я и выбѣжалъ вонъ.

Я не шелъ, а летѣлъ домой. Вбѣгаю на лѣстницу и встрѣ-чаюсь съ женой.

— Ты куда? закричалъ я внѣ себя.

Она ужасно смутилась.

— Я... я... къ модисткѣ.

— Врешь! закричалъ я еще громче: — ты ѣдешь на вело-сипедѣ.

Она покраснѣла.

— Да!.. я... но... какъ ты узналъ объ этомъ?

— О-о! уже не владѣя собой, закричалъ я: — такъ и ты туда же... и ты! И обманомъ! А зачѣмъ же „Вопросы философiи“ Грота? А Скабичевскiй? а?

— Я хотѣла сдѣлать тебѣ сюрпризъ.

— Какой сюрпризъ?

— Первый призъ!

— Это что еще за стихи? Первый призъ! Не надо мнѣ ни-

какого приза! Читай „Вопросы философіи“ Грота и статьи Скабичевского!

Я схватилъ ее на руки (она вдвое больше меня, но въ экстазѣ человѣкъ способенъ на все) и понесъ домой.

— Сиди и читай! Помни Домострой! Жена, какъ и четыре стѣны въ домѣ, должна всегда быть на мѣстѣ.

— Ты деспотъ! Ты—консерваторъ, черносотенникъ! завопила жена,—ты измѣняешь прежнимъ своимъ либеральнымъ воззрѣніямъ!

— Пусть такъ, но ты не поѣдешь на велосипедѣ!

Когда-то я повторялъ: женщинѣ дорогу! Но тогда не было этой моды на велосипеды. Теперь не скажу того же самаго. Нѣтъ, нѣтъ!

„Дорогу“!

Но тогда всѣ женщины заведутъ велосипеды и уѣдутъ. Богъ знаетъ куда уѣдутъ, и мы пожалуй, останемся въ роли „хозяекъ дома“.

И выдумали право, эти велосипеды!

Бога ради, не поощряйте призами велосипедистокъ! Удержите женщинъ отъ велосипедной ѣзды!

А то онѣ уѣдутъ, ей-Богу, уѣдутъ!.. изъ области хозяйства и домоводства.

Мужчины! Не женитесь на велосипедисткахъ. Объявите это торжественно и громко. Это всего лучше подѣйствуетъ на барышень. Ну, а на замужнихъ?

О, съ ними мы справимся! Мы—мужья!

Только, ради Бога, не поощряйте призами!

Остановите женщину!

Юмористъ изъ Любани.

II.

Что такое женщина?

(III. Якорь спасенія*).

Онъ любилъ пожить... нельзя сказать широко, это было бы невѣрно, но онъ любилъ пожить безпутно.

Онъ былъ женатъ, но рѣдко обѣдалъ дома.

Развѣ можетъ вкусно готовить пятирублевая кухарка, умѣющая только хорошо бить посуду и красть провизію?

А онъ былъ маленькій гастрономъ.

И потому онъ любилъ обѣдать у Тѣстова.

Обѣдъ невозможенъ безъ вина.

И онъ пилъ вино.

Но сказать по правдѣ: развѣ весело обѣдать одному?

Конечно, нѣтъ!

И онъ обѣдалъ съ кѣмъ нибудь.

Онъ любилъ веселую жизнь.

А какое веселье дома?

Жена одѣта скромно, возится съ хозяйствомъ, да занимается починкой чулокъ и рубашечекъ для Пети.

У него была артистическая натура въ смыслѣ распушенности.

Его манили къ себѣ увеселительныя заведенія.

Онъ обѣдалъ у Тѣстова а вечера проводилъ за городомъ.

Одинъ? Конечно, нѣтъ! Товарищи всегда находились.

Съ товарищами?

Они веселились, много ѣли и пили.

А онъ получалъ не особенно большое жалованье.

Спасали награды и... болѣзнь жены.

Она не хворала, но... она мало выѣзжала.

Ей было некогда, потому что дома было много работы.

А онъ все сваливалъ на болѣзнь.

Начальникъ, у котораго онъ служилъ, былъ изъ добрыхъ и сердечныхъ людей. Онъ зналъ немного его жену.

И вотъ ежегодно къ нему являлся супругъ и... просилъ пособія на лечение жены.

Она ѣхала на кумысь.

Она ѣхала на лиманъ.

Ей прописали морское купанье.

Начальникъ приказывалъ выдать 300 или 200 рублей.

— Желая вашей супругѣ полного выздоровленія, говорилъ онъ.

Мужъ кланялся, благодарилъ, получалъ деньги и ѣхалъ за городъ.

Ахъ, какъ они тогда прекрасно ѣли и пили нѣсколько дней подъ-рядъ.

*) 1 и 2 разск. см. въ „Дн. Пис“, 1907 г.

А жена?

Жена продолжала штопать чулки и чинить рубашечки.

Но ей не позволялось выходить изъ дома.

Начальникъ иногда спрашивалъ:

— А что ваша жена? уѣхала?

— Уѣхала-съ, ваше превосходительство.

— Пишетъ?

— Пишетъ.

— Лучше?

— Лучше, ваше пр-во!

— Желаю ей полного выздоровленія!

Но мужъ этого не желалъ и на слѣдующій годъ она опять заболѣвала.

Какъ то разъ онъ попался въ грязной продѣлкѣ.

Ему грозило увольненіе. Онъ погибалъ. Спасеніемъ явилась жена. Она отправилась къ начальнику. Она со слезами умоляла пощадить мужа, ее, ребенка.

Мужъ виноватъ, она сознаетъ, но она проситъ его простить ради нея.

Она была блѣдна и плакала искренно.

Начальникъ сжалился и ради нея оставилъ мужа на мѣстѣ.

— Только ради васъ, сударыня, сказалъ генераль, который не могъ видѣть равнодушно слезъ женщины.

Спустя годъ надъ мужемъ стряслось новое несчастіе. Имъ былъ выданъ вексель одному знакомому. Тотъ долго ждалъ и наконецъ подалъ ко взысканію. Все имущество было назначено къ продажѣ. Она отправилась къ кредитору мужа.

Она упала передъ нимъ на колѣни и умоляла пощадить ее и ребенка. Вѣдь они останутся на улицѣ.

Она ломала руки.

У кредитора не совсѣмъ еще окаменѣло сердце.

Онъ отмѣнилъ продажу и согласился на срочный вычетъ изъ жалованья для погашенія долга.

На дняхъ онъ снова попался въ чемъ-то.

Дѣло очень грязное. Ему грозила тюрьма. И она опять спасла мужа.

Она унижалась, валялась въ ногахъ того, отъ кого зависѣло все, и спасла мужа.

Онъ снова веселъ, и я видѣлъ его недавно въ маскарадѣ.

Амфилохій Устюжанскій.

III.

Одному современному эмигранту.

Будь хоть дважды эмигрантомъ,
И краснѣе красноты,
Все-жъ предъ Герценомъ—гигантомъ
Лишь букашкой смотришь ты.

Гейне изъ Вельска.

IV.

Неудавшійся сеансъ.

Стукъ! Стукъ!

Веселый Устюжанинъ.—Кто?

Духъ Сафонова.—Это я... Сафоновъ!

Веселый Устюжанинъ.—А, я очень радъ!.. Диктуй!

Духъ Сафонова.—Другъ, прости! Могу только поздравить съ Новымъ Годомъ!

Веселый Устюжанинъ.—Почему же ты не хочешь диктовать?

Духъ Сафонова.— Не могу. Я далъ слово... ибо и другіе дали. Но Вагнеръ—Коть Мурлыка осерчалъ. „Какъ! воскликнулъ онъ: мы оттуда будемъ въ „Искрахъ“ участвовать! Это невозможно! Мы не хотимъ шутить“... И вообрази: полетѣлъ и всѣхъ уговорилъ... И вотъ они не хотятъ... Но я... тоже не *хочу* быть обманщикомъ... И... я... сдержу мое слово! Я открою тебѣ массу написаннаго, но ненапечатаннаго, и неизвѣстнаго записнымъ библіофиламъ... Я все это найду и укажу тебѣ. А ты только бери и печатай. Я нашелъ исходъ... Ахъ, этотъ Коть Мурлыка... Онъ испортилъ все дѣло... Себѣ на умъ... Коть Мурлыка!.. Ну, да и я не промахъ... И такъ жди моихъ указаній!.. Съ Новымъ Годомъ! Съ новымъ счастьемъ! Я не задержу... Addio, друже!

Веселый Устюжанинъ (къ читателямъ).—Я не виноватъ! Будемъ ждать... Сафоновъ не обманщикъ! Если не такъ, то иначе, а онъ исполнитъ обѣщаніе... И вы, читатели, будете довольны, и Коть Мурлыка перестанетъ урчать...

Веселый Устюжанинъ.

Для смѣха.

Говорящая голова.

Обо всемъ и отовсюду.

I.

Изъ жизни Василія Великаго.

Восточный императоръ, Валентъ, былъ ярый арианнинъ. При этомъ онъ былъ низокъ, жестокъ, хотя и не заслуживалъ названія „кровожаднаго“. Насадивъ арианство въ Галатіи и Вионіи, Валентъ двинулся въ Каппадокію, чтобы и тамъ сломить упорство православныхъ. Но при подавленіи православія въ Кесаріи нужно было считаться съ ея архіепископомъ, который признавался справедливо оплотомъ православія. При дворѣ у Василія было не мало враговъ, которые уже давно подстрекали императора дѣйствовать рѣшительно по отношенію къ Василію. Намѣреаясь отправиться въ Кесарію, Валентъ прежде себя послалъ своего префекта-любимца, Модеста, которому поручилъ склонить архіепископа къ уступкамъ.

Для характеристики Модеста надо сказать, что при императорѣ Юліанѣ онъ былъ язычникомъ и приносилъ жертвы идоламъ, а при Валентѣ сдѣлался христіаниномъ и горячимъ сторонникомъ арианскаго лжеученія*). Модестъ прибылъ въ Кесарію, окруженный арианскими епископами. Друзья Василія совѣтовали ему бѣжать. Но это было не въ характерѣ святителя, и онъ остался, мужественно ожидая опасности. Какъ могъ бѣжать онъ, уподобляясь жалкому наемнику, когда благо Церкви онъ считалъ выше и дороже своей жизни? Въ праздникъ мученика Евсеихіа, пострадавшаго отъ Юліана, Василій спокойно совершалъ литургію и говорилъ свое поученіе, хотя въ храмѣ было много прибывшихъ арианскихъ епископовъ, съ которыми архіепископъ не захотѣлъ имѣть общенія.

Полный высокомерія, доходящаго до наглости, Модестъ потребовалъ къ себѣ архіепископа.

— Василій!—грубо произнесъ онъ, не удостоивъ его обращенія, какое ему слѣдовало по его сану и титулу,—что ты хочешь показать, дерзко противясь власти и такъ смѣло борясь одинъ противъ нея?

*) Онъ былъ всегда вѣрнымъ исполнителемъ императорскихъ повелѣній. Когда Валентъ приказалъ убить 80 духовныхъ лицъ, явившихся къ нему въ роли деюгатовъ, Модестъ посадилъ ихъ на корабль и велѣлъ матросамъ, выйдя въ море, зажечь корабль. Сами матросы едва спаслись на лодкахъ.

— Какое упрямство обнаружилъ я?—спокойно спросилъ святитель.

— Всѣ другіе смирились и только ты одинъ отказываешься отъ принятія религіи императора,—сказалъ Модестъ.

— Не такъ воля моего Царя,—отвѣчалъ архіепископъ:—„не могу поклоняться твари, ибо я самъ Божье твореніе“.

— Какъ же ты о насъ думаешь?—спросилъ префектъ. — Мы по-твоему ничто?

— Ты префектъ, но ты не долженъ быть почитаемъ болѣе Бога,—произнесъ Василій.

Модестъ пришелъ въ ярость.

— Такъ ты не боишься власти?—закричалъ онъ.

— Что мнѣ ее бояться? Что ты можешь сдѣлать со мною?—кратко и спокойно произнесъ снова архіепископъ.

— Да все, что находится въ моей волѣ!

— А напримѣръ?—задалъ вопросъ Василій.

— Отниму всѣ твои имѣнія, пошлю тебя въ изгнаніе, предамъ пыткѣ, даже смерти!—устрашающимъ тономъ произнесъ начальникъ.

— И это все?—невозмутимо освѣдомился Василій.— Но ничто это меня не устрашаетъ. Тотъ, у кого ничего нѣтъ, не боится конфискаціи. Или ты пожелаешь отобрать мою заношенную одежду и тѣ книги, въ которыхъ все мое имущество? Грозить изгнаніемъ? Я не понимаю его. Я не связанъ ни съ какимъ мѣстомъ. Та земля, на которой я теперь обитаю,—не моя, и всякая земля, на какую буду я заброшенъ, не моя, а Божья, и на ней я странникъ. Пытки? Я такъ слабъ, что ты не имѣешь въ своей власти болѣе одного удара. Какой пыткѣ ты придашь меня? А что касается смерти, то она благодѣяніе, потому что она приведетъ меня къ Богу, для Котораго живу и Которому я служу и къ Которому посвящаю.

— До сихъ поръ никто такъ не говорилъ со мной, — воскликнулъ изумленный префектъ.

— Можетъ быть,—замѣтилъ Василій,—ты никогда раньше не встрѣчалъ епископа, иначе онъ несомнѣнно сталъ бы говорить именно такъ, ведя споръ о вѣрѣ. Во всѣхъ другихъ дѣлахъ,—прибавилъ святитель,—мы смиренные и не относимся заносчиво ни къ низкому родомъ, ни къ знатному. Но въ дѣлѣ вѣры мы знаемъ только Его, нашего Господа, и въ этомъ случаѣ—огонь, мечъ, звѣрь дикій и желѣзные гвозди, которыми раздираютъ плоть, для насъ не страхъ, а радость. Посему, угрожай, оскорбляй, дѣлай все, что хочешь и можешь. Пусть и императоръ услышитъ объ этомъ. Ничѣмъ не склонюшь меня соединиться съ нечестіемъ.

— Но ты не забывай, — произнесъ Модестъ уже ласковѣе: — императоръ хочетъ соединиться съ твоей паствой. Онъ хочетъ немногаго: исключить изъ символа вѣры слово „единосущный“.

— Цѣню желаніе императора соединиться съ Церковью, — отвѣчалъ Василій,—ибо важно спасеніе души, но ни одного слова убавить или измѣнить, даже переимѣнить порядокъ въ символѣ не соглашусь.

— Подумай!—предостерегая, сказалъ Модестъ.

— Я и нынѣ и завтра такой же!—отвѣчалъ архіепископъ.

Модестъ былъ пораженъ. Опытный въ распознаваніи людей, онъ понималъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, а также то, что опасно употреблять насиліе надъ такимъ человѣкомъ.

Онъ выбылъ изъ Кесаріи и, явившись къ Валенту, доложилъ ему: „Госу-

Св. Василій Великій.

дарь, мы побѣждены епископомъ кесарійскимъ. Онъ выше угрозъ, твердь для доводовъ, силенъ для убѣжденій. Ничѣмъ не сломить его, развѣ открытой силой можно заставить его склониться. Надо поискать человѣка болѣе сговорчиваго, менѣе благороднаго“. Валентъ не согласился отступиться и самъ отправился въ Кесарію. Враги Василія снова совѣтовали Валенту дѣйствовать прямо силой, но онъ не принявъ ихъ совѣта и захотѣлъ лично переговорить съ Василіемъ.

Въ праздникъ Богоявленія императоръ, въ сопровожденіи тѣлохранителей, вошелъ въ храмъ. Богослуженіе уже началось. Императоръ сталъ среди молящихся, показывая этимъ, что входитъ въ общеніе съ архіепископомъ. Церковь была полна народа. „Люди, какъ волны морскія, тѣснились, налегая другъ на друга, но ничто не нарушало тишины. Неслось стройное праздничное пѣніе; за престоломъ, обратясь лицомъ къ народу, стоялъ архіепископъ: онъ ни взглядомъ, ни знакомъ не показалъ, что замѣчаетъ присутствіе императора. Высокій, стройный, Василій стоялъ неподвижно во всемъ величіи своего архипастырскаго облаченія, съ посохомъ въ рукѣ. Глубокой, пламенный взоръ его былъ устремленъ на престоль. Вокругъ него, въ благоговѣйномъ порядкѣ, стояли пресвитеры и діаконы, похожіе скорѣе на ангеловъ, чѣмъ на людей. Красота святости наложила отпечатокъ на вѣсхъ служащихъ, и тихій свѣтъ благодати освѣнял вѣсхъ молящихся“. Императоръ такъ былъ пораженъ этимъ величавымъ зрѣлищемъ, что у него сдѣлалось головокруженіе. Онъ нетвердой поступью прошелъ впередъ, чтобы представить свой даръ, но никто изъ священниковъ не хотѣлъ его принять, не зная, какъ встрѣтить это архіепископъ. Императоръ пошатнулся и упалъ бы, если бы одинъ изъ церковнослужителей не поддержалъ его. Но Василій самъ принявъ подношеніе и послѣ обѣдни имѣлъ долгую бѣсѣду съ Валентомъ, которому разрѣшилъ войти за завѣсу святилища. Василій говорилъ съ такимъ пламеннымъ воодушевленіемъ, что окружающіе слышали „какъ бы не человѣческіе, а Божьи глаголы“. Рѣчь Василія произвела потрясающее дѣйствіе на Валента; онъ обѣщался прекратить гоненіе на православіе. Но это было не крѣпкое рѣшеніе, которое вскорѣ же успѣли поколебать искусные царедворцы. Они подѣйствовали на ложное самолюбіе Валента и снова возстановили его противъ Василія. Въ припадкѣ гнѣва императоръ подписалъ даже бумагу его изгнанію и заточенію святителя, но, изъ боязни народнаго возмущенія, приказалъ привести въ исполненіе приговоръ ночью предъ разсвѣтомъ. Не откуда было ждать милости, и Василій, узнавши о приказѣ, приготовился въ дорогу. Друзья, окружавшіе архипастыря, съ тревогой и тоской ждали минуты, когда имъ придется расстаться съ тѣмъ, кто былъ не только отцомъ и другомъ для нихъ, но свѣточемъ для всей кесарійской церкви.

И вотъ является императорскій посланецъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ, кто тайно исповѣдывалъ православіе и питалъ въ душѣ добрыя чувства къ архіепископу. Появленіе такого гонца обрадовало друзей Василія, надѣявшихся хотя на то, что со свитителемъ не будетъ поступлено черезчуръ жестоко. Но ихъ поразили слова гонца. Онъ объявилъ архіепископу, что императоръ обращается къ нему за помощью и проситъ его немедленно прибыть въ царскую квартиру.

— Съ наступленіемъ ночи,—сказалъ гонецъ,—заболѣлъ сынъ императора; врачи отказались отъ лѣченія, молитвы арианскихъ епископовъ оказались безплодными, больному все хуже и хуже. Приди и помолись объ исцѣленіи отрока!

Василій Великій немедленно отправился къ царю, показывая этомъ, что ученики Христа не помнятъ зла.

Супруга императора видѣла сонъ, въ которомъ ей было кѣмъ-то сказано, что мальчикъ заболѣлъ за грѣхъ отца, оскорбившаго архіепископа кесарійскаго.

Валентъ, горячо любившій своего единственнаго сына, съ трепетомъ ждалъ прихода Василя, уже не какъ царь, подписавшій приказъ объ изгнаніи, а какъ скорбящій отецъ, ждущій милости отъ пастыря.

Василій успокоилъ императора, сказавъ: „отрокъ поправится, если только будетъ крещенъ православнымъ священникомъ и станетъ воспитываться въ духѣ православія“. Валентъ обѣщаль исполнить это. Василій вознесъ горячую молитву къ Богу—и отрокъ выздоровѣлъ, къ удивленію всѣхъ врачей. Обрадованный императоръ отмѣнилъ свой указъ относительно Василя, пожертвовалъ нѣкоторую сумму денегъ на больницы и пріюты, учрежденные имъ, и оставилъ въ покоѣ кессарійскую церковь.

Вскорѣ послѣ этого благостный архіепископъ отплатилъ добромъ надменному префекту Модесту, который грозилъ пытками и смертью служителю Христа. Модестъ опасно заболѣлъ. Мучимый недугомъ, онъ обратился къ Василю, прося его молить. И снова молитва подвижника была услышана Богомъ: Модестъ быстро оправился. Гордый царедворецъ проникся уваженіемъ и благодарою къ святителю и нѣсколько разъ съ поспѣшностью исполнялъ его просьбы, оказывая поддержку духовенству, милость провинившимся и помощь нуждавшимся.

Валентъ не сдержалъ обѣщанія: его сынъ Галатъ былъ крещенъ аrianскимъ священникомъ. Ребенокъ умеръ. Тогда Валентъ снова рѣшилъ изгнать Василя, но не могъ подписать указа. Три раза перо ломалось въ его рукѣ, ни написавши ни одного знака на бумагѣ. Валентъ увидѣлъ въ этомъ руку Промысла и уже не осмѣлился болѣе покушаться на личность праведнаго архіепископа.*).

II.

„Новый Годъ“.

Безъ четверти двѣнадцать.

Скромный кабинетъ аскета-философа слабо освѣщался краснымъ свѣтомъ лампады, горящей предъ смиреннымъ ликомъ Распятаго на крестѣ.

Заваленный книгами письменный столъ. Пачка разбросанныхъ въ беспорядкѣ писемъ, на которой лежалъ сдѣланный изъ чугуна черепъ человѣческой головы. Два-три стула; на нихъ лежали увѣсистые фоліанты энциклопедіи тайныхъ наукъ. Очень стариннаго изданія на церковно-славянскомъ языкѣ „Добротолубія“. Довольно большіе размѣровъ карта небесныхъ свѣтилъ,

Самъ хозяинъ кабинета, положивши передъ собою листъ бумаги и взявши въ руку карандашъ, устремилъ свой взоръ на стоящій передъ нимъ такъ называемый магическій экранъ.

Кругомъ глубокая тишина.

*) „Василій Великій“, А. В. Круглова.

Черное сукно экрана начало какъ будто медленно удаляться отъ его неподвижнаго взгляда.

Въ серединѣ его блеснула яркая, блестящая звѣздочка, какъ будто бы только скатившаяся съ голубой выси морозной ночи, играя переливами чудныхъ алмазныхъ лучей.

Эта звѣздочка стремилась проникнуть во все его существо; въ ея серебристыхъ переливахъ онъ видѣлъ, то свое отдаленное дѣтство, уютную комнатку, бѣлоснѣжную кровать, гдѣ онъ раскинувшись, лежалъ и чувствовалъ на себѣ нѣжное дыханіе наклонившей къ нему его милой дорогой, теперь уже перешедшей въ иной міръ матери.

То свѣтлое вздрагиваніе искристыхъ лучей ночной красавицы рисовало передъ нимъ непередаваемую никакими красками, словами, звуками божественную картину лежащаго въ ясляхъ свѣтозарнаго младенца—Христа.

Онъ испытывалъ всю неземную прелесть устремленныхъ на него ласкающихъ взглядовъ Божественнаго младенца и Его чудной любвообильной Матери. И почти одновременно слышалась какая-то неземная мелодія, какъ будто отъ еле слышнаго незримаго хора серебристыхъ колокольчиковъ на фонѣ журчанья весенняго горнаго ручейка, какія-то чудныя мелодія, то напоминавшія ему библейское пѣніе „Слава въ вышнихъ Богу“, то „Воскресеніе Твое Христе Спасе,“ то какую-то чудную, но забытую имъ музыкальную мелодію, быть можетъ слышанную имъ въ былое время при свѣтѣ голубыхъ сумерекъ въ своемъ родномъ гитѣдзышкѣ отъ вгравшей на фортепіано его матери.

Наконецъ благодатная звѣздочка стала расти, расширяться; вотъ она уже вышла за предѣлы того экрана, на которомъ она появилась; вотъ ужъ она закрыла собой весь уголь комнаты, заслонила висѣвшее въ углу распятіе, совершенно обезцвѣтила слабо горѣвшую передъ нимъ лампаду.

Вся комната наполнилась чуднымъ лучезарнымъ свѣтомъ.

И, Боже, что онъ видитъ передъ собою. Передъ нимъ открылся удивительно чудный во всю свою натуральную величину, совершенно незнакомый, доселѣ невидѣнный, хотя въ то же время почему-то и знакомый ему ландшафтъ.

Чудная природа юга.

Пышныя смоковницы, перистыя пальмы, невиданная имъ доселѣ зелень полей. Причудливая холмистая мѣстность и почти у самыхъ ногъ спокойная точно зеркало, широкая извилистая рѣка.

Онъ замеръ отъ восторга.

Если бы въ это мгновеніе, эта картина, это чудное видѣніе исчезло передъ его глазами, онъ могъ бы мгновенно умереть отъ утраты того удивительнаго счастья, того благодатнаго настроенія, покоя, который она вливала въ его душу.

Онъ чувствуетъ легкое дуновеніе вѣтерка, онъ слышитъ какіе то незримые божественные голоса, и все эти голоса, какъ оркестръ изумительной музыки, какъ хоръ неземнаго пѣнія говорятъ ему: „Сейчасъ... сію секунду... сейчасъ. Онъ придетъ къ тебѣ, ты встрѣтъ Его. Благовѣй передъ Нимъ, но выслушай Его „слова и запечатлѣй ихъ въ собственномъ сердцѣ“.

И дѣйствительно онъ увидалъ, какъ съ высокаго особенно красиваго холма сначала ушла чья-то длинная тѣнь и наконецъ вслѣдъ за тѣнью онъ увидалъ „Его“.

О, Боже, какъ Онъ былъ хорошъ, * какое это было удивительное лицо, какимъ неземнымъ свѣтомъ свѣтились эти глубокіе голубые глаза!

Широкой волной, ниспадавшей на плечи, золотистые волосы, обрамлявшие Его священный ликъ, могли только чувствоваться, видѣться, но не поддаваться какому-либо описанію. Онъ весь былъ любовь. Онъ весь былъ свѣтъ. Весь гармонія. Весь благодатная тишина. Весь милосердіе, правда, совершенство. Онъ былъ—Богъ.

Наполнившій душу восторгъ, свое собственное ничтожество—охватили душу созерцателя тайнаго видѣнія.

Тамъ, гдѣ-то внутри его заклокотали слезы восторга, слезы умиленія, слезы радости и сознанія своего недостойнства.

Онъ упалъ предъ Нимъ на колѣни, наклонилъ голову и протянулъ къ Нему руки.

И въ то же время услыхалъ не то въ самомъ себѣ, не то вблизи себя чудный нѣжный, ласкающій голосъ:

— Дорогой мой другъ, ты ищешь конца?.. Конецъ такъ же, какъ и начало—въ тебѣ самомъ. Все твое настоящее и будущее лежитъ въ глубинѣ твоего собственнаго сердца, въ твоихъ собственныхъ поступкахъ, въ твоей собственной жизни. Не Богъ послалъ тебѣ на землю зло. Милосердый Отецъ, совершеннѣйшая Любовь и Добро, не можетъ посылать на землю людямъ зло, а *ты*. Лично *ты* съ своими жалкими страстями, съ своей безвольной волей, съ своей вѣчно колеблющейся между любовью къ себѣ и служеніемъ другимъ—душою. Въ себѣ таишь ты начало зла, начало тѣхъ ужасныхъ тревогъ, мученій, отъ которыхъ ты теперь ищешь спасенія и которымъ ты желалъ бы видѣть начало скораго конца. Не клеветчи, не возноси хулы на Промыслителя судебъ. Источникъ истинной любви, Онъ только лишь любовь во всѣ вѣка къ тебѣ старался проявить!.. Смотри кругомъ:

„Съ первыхъ дней творенья, Онъ подчинилъ тебѣ весь міръ. Создавши землю, моря, рѣки, лѣса наполнивъ дикими звѣрями и весь небесную пернатымъ царствомъ огласивъ, все подчинилъ тебѣ. Согрѣлъ тебя лучами ласковаго солнца, ночную тьму послалъ тебѣ для мирнаго покоя, ее украсивъ серебромъ сверкающихъ свѣтилъ. Онъ воздухъ подчинилъ тебѣ. Въ служенье отдалъ Онъ тебѣ растенія. Окуталъ неземной тебя любовью. Припомни, кто зло принесъ на землю первый, Богъ или ты?..

„И вотъ когда отъ зла, тобою принесеннаго на землю, такъ смрадно, душно стало на землѣ; такъ было тяжело тебѣ, невыносимо, что ты вотъ какъ сей часъ, припомни, кощунственно и дерзновенно къ Нему рѣшился обратиться. И порожденное тобою зло Ему, началу свѣтлаго всего, дерзнулъ ты приписать.

„Но Онъ настолько добръ, настолько чуденъ въ своемъ безсмертномъ милосердіи, что Онъ тебя не покаралъ, а Меня—Его единственнаго Сына, для искупленія тобою созданнаго зла, на землю ниспослалъ.

„Припомни: Я пришелъ. Ты развѣ можешь упрекнуть Меня, что Я не ясно тебѣ преподалъ, не ясно разъяснилъ на чемъ свою ты долженъ жизнь построить; какимъ ты долженъ былъ идти путемъ, чтобъ счастьемъ быть согрѣтымъ. Припомни. Я развѣ не говорилъ тебѣ, что жизнь любовь; что вся отрада, счастье въ жизни, смыслъ ея—въ любви, подобной любви Моего небеснаго Отца, который небеснымъ свѣтомъ солнечныхъ лучей озаряетъ равно какъ добрыхъ, такъ и злыхъ своихъ дѣтей.

„Скажи—Я развѣ не говорилъ тебѣ, чтобъ ты, живя среди благъ земныхъ, сокровища небесныя старался лишь приобрѣтать.

„Скажи мнѣ, развѣ я тебѣ не говорилъ: что ты не долженъ зломъ за зло стремиться воздавать?

„Скажи мнѣ, развѣ я тебѣ не говорилъ, чтобъ зло въ корнѣ самомъ погасить, не должно выступать къ нему навстрѣчу съ новымъ зломъ, а только лишь однимъ добромъ, одной любовью его стараться потушить?“

„Но мало этого—развѣ Я тебѣ своимъ примѣромъ личнымъ не старался показать, какъ должно жить; любить какъ должно, и зло какъ нужно утишать?“

„А ты что сдѣлалъ...“

„Я вижу, передъ Моимъ изображеніемъ постоянно теплится лампада. Я вижу, передъ тобой лежитъ тобой святою вазванная книга Моихъ тебѣ преподаваемыхъ совѣтовъ, поученій... А ты взгляни въ *ту* комнату, что есть внутри тебя, что *сердцемъ* люди называютъ; скажи мнѣ, также ли тамъ теплится любви лампада? И на стѣнахъ ея написаны ль слова изъ той священной книги, которая лежитъ передъ тобою на столѣ?“

„Ты молчишь... ты безмолвенъ.“

„Я вижу строишь ты Мнѣ храмы. По всей землѣ священный гулъ колоколовъ, какъ пѣнье ангеловъ небесныхъ раздается. Покрыль Мое изображение ты металломъ драгоценнымъ, осыпалъ изумрудомъ, брилліантами и жемчугами. Изображеніе Моей одежды искрится отъ возженныхъ предъ нимъ свѣчей миллионами различныхъ переливающихся огоньковъ.“

„А ты забылъ, что каждая тобой положенная жемчужинка ничто иное, какъ бѣдная дрожащая слеза. Ты забылъ, что каждый камень, положенный въ основѣ тобою созданнаго храма, омытъ потокомъ слезъ обидъ горячихъ угнетеннаго тобою брата, обиженной тобою сироты...“

„Мой другъ! Я вижу ты усталъ, Я буду кратокъ. Конца начало мірового зла наступить лишь тогда, когда горящая въ твоей убогой келіи, въ углу, лампада горѣть начнетъ въ твоей душѣ. И книга та, что ты боготворишь и каждый день читаешь къ тебѣ всецѣло въ сердце перейдетъ. Когда ты встанешь и съ утренней зарей, прочтя слова священной Мнѣ молитвы, пойдешь служить не тѣлу своему и не его удобствамъ, а брату, ближнему, врагу, тому, кто зло во-кругъ тебя рукою щедрой сѣялъ. И когда, съ дневнымъ разставшись свѣтомъ, ложиться будешь спать, съ тревогой скорбной предъ Нимъ молитвы будешь изливать, но не о томъ, чтобъ Онъ тебѣ послалъ на слѣдующій день, какъ можно больше приобрести изъ общей житницы богатствъ, тлетворныхъ состояній, а о томъ, чтобъ Онъ тебя простилъ за то, что ты за день минувшій сыто ѣлъ, когда твой ближній голодалъ; былъ тепло одѣтъ—когда на улицѣ озябшій онъ дрожалъ; уютно спалъ, когда онъ безъ ночлега отъ холода и голода подъ вьюгой свѣжной замерзалъ. И чтобъ молитвы этой изліянья не были пустыя лишь слова, а чтобы скорбь души, потоки слезъ, тяжелыя страданья, въ теченіи ночи всей взаимно ночныхъ спокойныхъ грезъ, тебя на утрои день готовили служенье ближнему вслнкой широкой проводить... Когда въ тебѣ все это начнетъ происходить, тогда возблагодари всевышняго Отца, дождался ты *добра начала и злобы, угнетающей тебя, конца*“...

Видѣніе исчезло.

Покрытый крупными каплями холоднаго пота, ищущій разгадки своихъ проблемъ философъ-аскетъ перенесъ свой взглядъ на руку, державшую въ рукѣ карандашъ. Бумага была исписана мелкимъ убористымъ четкимъ письмомъ. И онъ прочиталъ извѣстное стихотвореніе философа-богослова Хомякова:

„Къ чему мнѣ золото? Въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ
Я влилъ, какъ воду дождевую,

Огнемъ расплавленный металлъ.
 Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
 Въ оковахъ темной глубины,
 А ваши серебро и злато
 Лишь всплескъ той пламенной волны...
 Къ чему куренья? Предо Мною
 Земля со всѣхъ своихъ концовъ
 Кадить дыханьемъ подъ росю
 Благоухающихъ цвѣтовъ...
 Къ чему огни? Не Я-ль свѣтила
 Зажегъ надъ вашей головой?
 Не Я-ль, какъ искры изъ горнила,
 Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?..
 Твой скудень даръ.—Есть даръ безцѣнный,
 Даръ нужный Богу твоему;
 Мнѣ нужно сердце чище злата,
 И воля крѣпкая въ трудѣ,
 И нужень братъ, любящій брата...

Былъ ли это дѣйствительно феноменъ пишущаго медиумизма или это была
 работа подсознанія, не знаю, но... рассказанное мною фактъ. („Спир“, Князь-Инокъ.)

III.

Легенды о Христѣ.

Среди современной литературы, отъ которой такъ и несетъ порнографіей,
 рассказы С. Лагерлефъ, несомнѣнно, чистая жемчужина. Для чистыхъ литератур-
 ныхъ вкусовъ, не упивающихъ ни нашими, ни чужими Ведекиндами и Мирбо,
 для литературныхъ вкусовъ того недавняго времени, когда отъ искусства требо-
 вали, чтобы оно въ конечномъ являло безконечное, въ конечныхъ образахъ во-
 площало возвышенныя идеи и идеалы, для такихъ вкусовъ „Легенды о Христѣ“—
 одно наслажденіе.

Самое названіе сборника рассказовъ говорить, что общая тема всѣхъ раз-
 сказовъ—Христось, какъ носитель и источникъ любви и милосердія ко всему и
 ко всѣмъ. Если любовь человѣческая преображаетъ многое, къ чему прикасается,
 если даже она творитъ въ мірѣ чудеса (ибо что есть чудо, какъ не преображе-
 ніе свойствъ предмета?!), то безконечная, божественная любовь Христа могла
 явиться источникомъ самыхъ непостижимыхъ преображеній или чудесъ. Вотъ за-
 родышь легенды о Христѣ, возникавшихъ издавна въ христіанскомъ обществѣ.
 Создавая въ этой мысли причудливыя легенды о Христѣ, христіанское сознаніе,
 очевидно, выражало самую непреложную дѣйствительность, что тажъ, гдѣ есть
 любовь, неизмѣнно является и чудо, какъ самое естественное преображеніе
 вещей.

Сельма Лагерлефъ прекрасно понимаетъ этотъ психологическій зародышь
 легенды о Христѣ и умѣло этимъ повиманіемъ пользуется. Въ ея рассказахъ чу-

деса, которыя окружають или исходятъ отъ Христа, представляются, на основѣ любви Христовой, такими естественными для нашего сзнанія, что мы нашли-бы менѣе „естественнымъ“, если-бы они не произошли.

Остановимся на легендѣ „*Виолеемскій младенецъ*“. Разсказъ начинается и состоитъ изъ ряда живыхъ картинъ, въ которыя искусно вилегены трагическій эпизодъ изъ младенчества Христа—избѣненіе по приказанію Ирода виолеемскихъ младенцевъ.

У городскихъ воротъ Виолеема стоялъ на часахъ суровый римскій легионеръ. Погруженный въ любимыя мечты о военныхъ походахъ, воинъ не замѣчалъ ни красоты лилій, которыя росли передъ нимъ въ полѣ, ни игравшихъ вокругъ него дѣтей. Но вотъ какъ-то, стоя на своемъ обычномъ посту у городскихъ воротъ, легионеръ увидѣлъ мальчугана лѣтъ трехъ, прибѣжавшаго поиграть на лугу. Это было бѣдное дитя, прикрытое лишь овечьей шкурой и игравшаго совсѣмъ одиноко. Воинъ устался на мальчика и, самъ того не замѣчая, слѣдилъ за нимъ. Первое, что бросилось ему въ глаза, это то, что мальчикъ такъ легко бѣгалъ по полю, словно скользилъ по кончикамъ травъ. Но, когда онъ сталъ затѣмъ играть, легионеръ пришелъ въ еще большее изумленіе. Такъ, онъ увидѣлъ, что „мальчикъ протянулъ ручку, чтобы поймать пчелу, сидѣвшую на цвѣткѣ и до того нагруженную цвѣточной пылью, что она не въ силахъ была улетѣть. Къ великому удивленію воина, пчела не дѣлала попытки подняться съ цвѣтка, не жалила ребенка, а охотно далась ему въ руки. Крѣпко держа между пальчиками пчелу, крошка побѣжалъ къ городской стѣнѣ, нашель въ одной изъ ея расщелинъ улей и оставилъ тамъ пчелку. Затѣмъ онъ поспѣшилъ на помощь къ другой пчелѣ, и цѣлый день солдагъ видѣлъ ребника за этой работой,—за помощью пчеламъ въ ихъ усиліяхъ вернуться въ улей“.

Другой разъ суровый воинъ увидѣлъ вотъ что. Когда ребенокъ игралъ среди цвѣтовъ, нависли тучи и разразился ливень. Тяжелыя дождевыя капли стали падать на нѣжныя лиліи и мальчикъ испугался за судьбу своихъ прекрасныхъ друзей. Подбѣгая къ цвѣтамъ, онъ пригибалъ къ землѣ ихъ твердые стебли съ цвѣтками, подставляя дождевымъ каплямъ ихъ наружную сторону. Защитивъ такъ одинъ цвѣтокъ, онъ перебѣгалъ къ другому, третьему, заботливо наклонялъ ихъ, пока не защитилъ всѣ цвѣты отъ ливня. Когда-же буря утихла, легионеръ увидѣлъ, что ребенокъ снова бѣгаетъ отъ одной лиліи къ другой, чтобы выпрямить ихъ. Къ его безграничному удивленію, ребенокъ безъ малѣйшаго труда выпрямилъ всѣ жесткіе стебли, и ни одинъ изъ нихъ не былъ ни сломанъ, ни поврежденъ... Воина охватило непонятное смущеніе... При видѣ такихъ забавъ ребенка, воинъ вспоминалъ слышанное имъ (какъ ходившій слухъ) древнее пророчество о грядущемъ царѣ и царствѣ мира, и душу боевого солдата сжимала скорбь, страхъ и предчувствіе...

Однажды странный мальчикъ оказалъ помощь и самому воину. Когда тотъ въ знойный день взынвалъ отъ жажды, игравшій мальчикъ вдругъ подошелъ къ нему, поглядѣлъ на него долго и внимательно и затѣмъ бросился бѣгомъ черезъ дорогу. Скоро онъ вернулся и въ сомкнутыхъ рученкахъ принесъ нѣсколько капель воды...

Дальше дѣйствіе переносится во дворецъ Ирода, бывшій въ Виолеемѣ. По случаю дня рожденія младшаго сына Ирода, во дворцѣ устроены роскошный праздникъ для всѣхъ дѣтей 2—3 лѣтняго возраста, на которомъ всѣ они и должны быть перебиты. Причина такого приказанія Ирода всѣмъ извѣстна.

На праздникъ собрались всѣ дѣти указаннаго возраста со своими матерями. О задуманномъ злодѣйствѣ могли предвѣщать только разставленные вездѣ рям

воины... Дѣти оживленно веселились, и вотъ, въ самый разгаръ игръ и веселья, вдругъ, всѣ стоявшіе доселѣ, какъ желѣзныя статуи, воины съ неописуемымъ звѣрствомъ накинулись на дѣтей... Произошелъ ужасъ...

Въ это время тотъ суровый воинъ, который обычно стоялъ у городскихъ воротъ, теперь стоялъ на самой верхней ступени лѣстницы, спускавшейся съ дворцовой галереи, гдѣ былъ устроенъ „праздникъ“... Воинъ былъ такъ суровъ, видъ его былъ такой безжалостный, что матери съ дѣтьми, ища спасенія, предпочитали бросаться съ галереи внизъ на каменные плиты двора и разбиваться, чѣмъ пытаться пробѣжать мимо этого воина по лѣстницѣ.

Вдругъ воинъ замѣтилъ молодую женщину которая схватила ребенка и бѣгомъ прямо приближалась къ нему... Онъ не успѣлъ разглядѣть ни ея лица, ни лица ребенка. Онъ успѣлъ только загородить ей путь мечемъ и ждалъ, что сейчасъ-же увидитъ ее и ребенка прозенными. Но въ это время онъ вдругъ услышалъ сердитое жужжанье надъ своей головой и въ то-же время почувствовалъ жестокую боль въ одномъ глазу. Боль была такъ мучительна, что онъ совсѣмъ обезумѣлъ, и мечъ выпалъ изъ его руки. Онъ схватился рукой за глазъ, и поймавъ на немъ пчелу, понялъ причину невыносимой боли... Маленькая пчелка сдѣлала свое дѣло очень хорошо. Молодая мать съ ребенкомъ пробѣжали мимо и уже успѣли скрыться.

На слѣдующее утро тотъ-же легионеръ съ другими стоялъ на стражѣ у городскихъ воротъ. Ждали, что родители единственно спасагося ребенка, узнавъ, что ворота города открыты, попытаются его увезти отсюда. Въ такомъ случаѣ удастся поймать ребенка у воротъ.

Вокорѣ воинъ дѣйствительно замѣтилъ, что какіе-то мужчина и женщина изъ города снѣжно приближаются къ воротамъ. Чѣмъ болѣе они приближались, тѣмъ яснѣе воинъ видѣлъ, какъ обрисовывался ребенокъ, котораго женщина несла на рукахъ подѣ широкой восточной одеждой... Воинъ былъ увѣренъ, что это та самая женщина, которая вчера ушла изъ его рукъ, и приступилъ къ осмотру путниковъ. Женщина съ гордой и довѣрчивой улыбкой обернулась къ воину и отвернула край своей ткани. Легионеръ мгновенно отскочилъ и закрылъ глаза, какъ-бы ослѣпленный сильнымъ сіяніемъ. То, что она скрывала подѣ одеждой, сверкнуло передъ нимъ ослѣпительной бѣлизной: такъ ярко и ослѣпительно свѣтился пучекъ лилій, тѣхъ лилій, которыя росли тамъ кругомъ въ полѣ. Воинъ просунулъ руку въ цвѣты, но, кромѣ цвѣтовъ, ничего не было. Тогда онъ отпустилъ путниковъ.

Но, отпустивъ, онъ вдругъ почувствовалъ совершенно ясно, что эта женщина несла въ рукахъ не пучекъ лилій, а настоящее живое дитя...

• Легенда заканчивается разсказомъ, какъ, послѣ нѣсколькихъ дней удивительной погони, воинъ нашелъ, наконецъ, нужныхъ путниковъ въ одной пещерѣ, гдѣ они остановились отдохнуть и спали: мужъ и женщина и ребенокъ. Осторожно приложивши мечъ свой къ сердцу спящаго ребенка, воинъ медлитъ, вглядывается въ него, наслаждаясь сознаниемъ, что теперь онъ въ его власти и отъ него не уйдетъ. Въ то-же время онъ узналъ въ немъ того крошечнаго мальчика, котораго онъ видалъ играющимъ съ пчелами и лиліями въ полѣ. Вдругъ изъ чашечки лиліи, которую воинъ сорвалъ при входѣ, вылетѣла пчелка и, жужжа, покружилась нѣсколько разъ вокругъ его головы. Воинъ вздрогнулъ. Онъ вдругъ вспомнилъ о пчелахъ, которымъ помогъ когда-то ребенокъ, и ему пришло въ голову, что одна изъ этихъ пчелъ помогла мальчику скрыться съ праздника Ирода. Эта мысль поразила его. Въ тоже время сладкій ароматъ лиліи напомнилъ ему о лиліяхъ, которыя мальчикъ спасалъ отъ дождя, и о томъ пучкѣ

ихъ, который скрылъ ребенка отъ его взоровъ при осмотрѣ у городскихъ воротъ. Онъ подумалъ о томъ, что ребенокъ и ему однажды оказалъ милость, и густая краска выступила у него на лицѣ. „Развѣ можетъ римскій легіонеръ забыта оказанную ему услугу?“.

И онъ склонился и положилъ свой мечъ рядомъ съ ребенкомъ... Вдругъ ребенокъ проснулся... Малютка лежалъ и глядѣлъ на него своими прекрасными глазами, сиявшими, какъ звѣзды.

И легіонеръ преклонилъ колѣни предъ ребенкомъ: „Владыко, ты—Всемогущій“, сказалъ онъ, „ты—Побѣдитель, ты—Тотъ, Котораго любятъ боги, ты—Тотъ, Который можетъ спокойно наступать на скорпионовъ и змѣй“... Онъ поцѣловалъ ножку ребенка и тихо вышелъ изъ пещеры; мальчикъ продолжалъ лежать и глядѣть вслѣдъ большими удивленными дѣтскими глазами.“

Въ безобразномъ хаосѣ современной, такъ называемой, изящной литературы сборникъ легендъ шведской писательницы является, несомнѣнно, чистымъ, прекраснымъ лучемъ, способнымъ одухотворить мятущееся земное сердце.

(„Г. К.“)

IV.

Клевета на предковъ.

Новый годъ. Открывается еще непрочитанная страница нашей исторіи. Съ новымъ счастьемъ тѣхъ, кто его достоинъ.

У насъ въ широкихъ кругахъ подъ новымъ счастьемъ въ политикѣ разумѣютъ *новый режимъ*, т. е. какой-то новый, еще не установившійся порядокъ, весьма не ясный самимъ изобрѣтателямъ. Съ нашей конституціей пока обстоитъ тоже самое, что съ воздушнымъ кораблемъ: каждому слесарю, задумывавшемуся надъ проблемой воздухоплавания, кажется, что недостаетъ ничтожныхъ пустяковъ,—порядочной казенной ассигновки, чтобы человѣчество наконецъ полетѣло подъ облака. Насколько сильна—до религіознаго фанатизма—вѣра въ „новый режимъ“, настолько неутолима ненависть къ „старому режиму“, именно къ тому, что „довелъ насъ до Мукдена и Цусимы“.

Если подъ старымъ режимомъ разумѣть весь нашъ прошлый историческій строй, то было бы грубой ошибкой приписывать ему Мукденъ и Цусиму. Развѣ у насъ въ исторіи этихъ двухсотъ лѣтъ былъ въ самомъ дѣлѣ только Мукденъ на сушѣ? Развѣ на морѣ была только Цусима? Были же у насъ Полтава и Гангутъ еще въ вѣкъ великаго Самодержца. Были же биты русскими войсками и Карлъ XII, и Фридрихъ Великій, и Наполеонъ, не говоря о безчисленныхъ пораженіяхъ Шведовъ, Поляковъ, Турокъ, Татаръ, Персовъ и пр. И на морѣ вѣдь были же у насъ Чесма, Красная Горка, Гогландъ, Ревель, Наваринъ и Синопъ. Ужъ если ставить въ укоръ прошлому Мукденъ и Цусиму, то безсовѣстно не ставить въ похвалу прошлому тѣ его условія, что создали огромное государство и прославили его въ военномъ отношеніи какъ немногія изъ бывшихъ на землѣ. —Все это такъ, отвѣтять мнѣ,—однако великая исторія разрѣшилась крахомъ! Все же Мукденъ былъ! Цусима была! И въ результатѣ позоръ!

Если *несчастье* есть *позоръ*, съ чѣмъ я до извѣстной степени согласенъ,—то конечно мы только что пережили огромное несчастье и соразмѣрно съ нимъ—большой позоръ. Но точно ли это—въ *прошломъ* было? Точно ли прош-

ле за это отвѣтственно и виновно? Простите меня,—и Мукдентъ, и Цусима гораздо ближе къ нашему *настоящему*, чѣмъ къ *прошлому*, и отвѣчать за нихъ долженъ по справедливости не старый режимъ, а сравнительно очень новый, именно тотъ самый, что предшествовалъ войнѣ. Скажите пожалуйста, почему это былъ *старый* режимъ, если до сихъ поръ еще не состарились люди, которые его создавали и которому служили?

Считать, что до 17 октября 1905 г. у насъ былъ старый режимъ, а въ которомъ-то часу въ этотъ день насталъ новый режимъ, это до такой степени не серьезно, что развѣ только подпольные мудрецы этого не видятъ. Въ неправильныхъ зачатіяхъ, конституція давнымъ-давно введена въ Россію. Она вошла въ умы образованнаго класса вмѣстѣ съ нашествіемъ чужестранныхъ идей, она стихійно, какъ западный вѣтеръ, согрѣтый Гольфстремомъ, донеслась до насъ еще въ XVIII в., до самаго появленія на свѣтъ конституціонныхъ хартій.

Первою добычею новаго режима была Екатерина II и люди ея эпохи. Развѣ она не ушнвалась республиканскими идеями ея французскихъ корреспондентовъ? Развѣ не объявляла себя республиканкой въ душѣ? Правда, въ авторѣ „Наказа“ жили не только внушенія Монтескье и духъ Вольтера, но еще болѣе могучая жизнь феодальнаго строя. Екатерина однако создала парламентъ раньше Людовика XVI, и если бы не неистовства парижской революціи и не анархія въ Польшѣ, то мы пожалуй очутились бы первой конституціонной страной на материкѣ. Что новый режимъ уже тогда, болѣе ста лѣтъ назадъ, вошелъ въ Россію и тихо занялъ основныя крѣпости порядка—голова правящаго класса, доказываютъ не только Радищевы и Новиковы. Есть и поярче примѣры, начиная съ любимаго внука Екатерины. Развѣ въ началѣ царствованія это не былъ конституціоналистъ чистѣйшей воды, только и мечтавшій о введеніи парламента? А кружокъ его ближайшихъ друзей? И это не была одна мечта: конституціонный строй уже былъ введенъ Александромъ на тѣхъ двухъ окраинахъ, которыя царь считалъ достаточно подготовленными. Кто знаетъ, не будь революціоннаго броженія въ обществѣ, возмущенномъ за то, что политическая мода входитъ слишкомъ медленно,—можетъ быть эта мода сдѣлала бы гораздо больше завоеваній —и при Александрѣ, и при Николаѣ I. Что бы тамъ ни кричали про араччевщину (точно Робеспьеръ былъ мягче Араччеева), именно въ ту эпоху положено начало нашей теперешней конституціи. За сто лѣтъ до Г. Думы мы уже имѣли одну законодательную палату и коллегію министровъ. Пусть это былъ зачаточный парламентъ, но я именно и говорю о зачатіи его. Новый режимъ не только имѣлъ пламеннаго приверженца въ Сперанскомъ, но въ его лицѣ имѣлъ и сооздателя первыхъ конституціонныхъ устоевъ. Просвѣщенный абсолютизмъ Николая I уже не есть типически-старый режимъ. Это правленіе посредствомъ законовъ, выработанныхъ лучшими представителями народа. Таковыми болѣе или менѣе правильно считались самые заслуженные, самые высокопоставленные господа, избираемые единственно безпристрастной, какъ полагали, волей—Верховной властью. Такой порядокъ вещей нельзя, конечно, назвать новымъ режимомъ, но никакъ нельзя назвать и старымъ. Съ каждымъ десятилѣтіемъ, съ каждымъ годомъ прежній режимъ дѣлался все новѣе, все конституціоннѣе. При Александрѣ II произошла отбѣна феодальнаго нашего быта и стремительное введеніе новыхъ, чисто конституціонныхъ формъ. Что касается законодательства, то его списывали цѣликомъ съ конституціонныхъ кодексовъ. Всѣ или почти всѣ законы Александра II были обсуждены „представителями народа“ — если не у насъ, то за границей. Вторая функція Верховной власти—судъ былъ цѣликомъ же списанъ съ конституціонныхъ образцовъ. Третья функція — администрація не путемъ какого-либо

установленія, а путемъ обычая тоже приняла конституціонный типъ: подъ псевдонимомъ самодержавія правила министры и нисходящая отъ нихъ бюрократія. Не только великодушному Царю-Освободителю, но и его болѣе рѣшительному преемнику-скинтродержцу приходилось не безъ усилій отстаивать нѣкоторыя свои верховныя рѣшенія. Министерская обструкция — насколько она вообще возможна — проявлялась и тогда, и не только по отношенію законодательной палаты. Не только отдѣльныя повелѣнія, но и Высочайшіе манифесты иногда оставались безъ дѣйствія. Правда, у насъ не было сути парламентаризма — отвѣтственности министровъ передъ представителями народа, но такъ какъ эта отвѣтственность и на Западѣ есть ни что иное, какъ страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, то и у насъ не было недостатка въ министрахъ, лебезившихъ передъ наименѣе скромной частью общества.

Если говорить о существѣ дѣла, то конституціонный строй введенъ у насъ не два года назадъ, а около сорока лѣтъ, когда законодательство, судъ, финансы, городское и земское самоуправленіе, печать, школа и пр. и пр. были перестроены по западнымъ, конституціоннымъ моделямъ. Не даромъ же въ теченіе долгихъ десятилѣтій лозунгомъ столь могущественной либеральной партіи была фраза: „необходимо увѣнчать зданіе“. Стало-быть само *зданіе* считалось уже выстроеннымъ, — недоставало лишь шпилья. И въ самомъ дѣлѣ зданіе новой жизни было налицо, если вспомнить, что конституціонный либерализмъ охватилъ собою всѣхъ — отъ николяровъ и полуграмотныхъ рабочихъ до тайныхъ совѣтниковъ и министровъ включительно. Иные удивлялись, что стоило Верховной власти сдѣлать шагъ влѣво, какъ многіе самые преданные ей министры очутились на версту влѣво. Не только министры, но даже начальники полиціи вдругъ оказались кадетами. Одинъ простодушный слуга самодержавія, десять лѣтъ бывшій министромъ, заявилъ необыкновенно мило: „я всегда былъ конституціоналистомъ чистой воды“. Значитъ за долгіе годы до Мукдена и Цусимы у насъ новый режимъ уже дѣйствовалъ въ умахъ, въ учрежденіяхъ, въ правахъ, въ понятіяхъ не только обезцвѣченнаго въ своей національности общества, но и въ сознаніи самой власти.

Если зданіе новаго режима было давно отстроено, если мы почти полвѣка жили въ немъ, — то есть ли возможность валить позоръ проигранной войны на *старый* режимъ? Мнѣ кажется, счетъ въ данномъ случаѣ предъявленъ не по адресу. Если сынъ не отвѣчаетъ за грѣхи отца, то и отецъ — за грѣхи сына. Собственно старый режимъ, въ теченіе вѣка вытѣсняемый новымъ и уже почти вытѣсненный, имѣеть право сказать своимъ обличителямъ: „Вы просто невѣжды. Вы ошиблись на нѣсколько десятилѣтій, если не на все столѣтіе. Старый режимъ, если угодно говорить о немъ, не проигрывалъ войнъ, не сдавалъ крѣпостей, не сдавалъ флотовъ. У стараго режима были Суворовы и Грейги. У стараго режима было полтора вѣка блистательныхъ побѣдъ и завоеваны имъ не только страны — цѣлый материкъ пространства. Чѣмъ же наслѣдствомъ сейчасъ вы живете, чѣмъ дышите, если не дѣятельностью стараго режима? Проигранныя войны, Севастополь, Плевна, Портъ-Артуръ — это событія уже не старой, а новой эпохи. Все это продуктъ работы новыхъ поколѣній, живущихъ почти полвѣка въ „зданіи неувѣнчанномъ“, которое наконецъ увѣнчано. Не въ куполѣ зданія жить, а въ стѣнахъ. Если вы — послѣдніе поколѣнія, самыя свободныя, самыя просвѣщенныя, одѣтыя по европейской политической модѣ до позора, неслыханнаго при прадѣдахъ, то берегитесь за свое прославленное зданіе. Точно ли оно крѣпко?“ („Н. Вр.“ М. Мевшиковъ).

V.

Анархія политическая и нравственная.

Новый годъ наступилъ въ Россіи среди той же революціонной анархій, въ состояніи которой она живетъ уже болѣе трехъ лѣтъ. Конца этой анархій еще не видится. Но въ послѣднее время русская жизнь выдвигаетъ рядъ фактовъ и явленій, ярко рисующихъ ту психологическую эволюцію, которая уже происходитъ въ странѣ, какъ слѣдствіе революціи политической и соціальной, выродившейся въ разбой и грабежъ, и является видимымъ симптомомъ наступающаго политическаго оздоровленія.

Херсонское земство ассигновало 180.000 рублей на борьбу съ революціонными разбоями, грабежами и поджогами. Александрійское земство ассигновало на тотъ же предметъ 120.000, Екатеринославское—100.000, Аваньевское—70.000 рублей и т. д. Ассигнованія предназначены на воспособленіе полиціи и усиленіе ея штатовъ, на организацію въ уѣздахъ сыскной полиціи и на выдачу пособій пострадавшимъ отъ революціоннаго террора.

Факты эти имѣютъ не только реальное, но еще болѣе принципиальное значеніе. Давно-ли земства были очагами революціи? Теперь они идутъ на помощь правительству въ борьбѣ съ революціонной анархіей! Очевидно, выдохлась самая атмосфера революціи, естественно вырождающейся въ разбой и грабежъ характера не столько уже политическаго сколько криминальнаго.

Въ Государственную Думу, передъ ея разѣздомъ на рождественскіе каникулы, внесено предложеніе, подписанное 180 членами, то-есть безъ малаго половиною всего состава Думы, объ ассигнованіи 1.200.000 рублей на выдачу пособій пострадавшимъ отъ революціоннаго террора и на пенсіи семьямъ убитыхъ революціонерами и анархистами.

Фактъ этотъ не менѣе знаменателенъ и также имѣетъ огромное принципиальное значеніе, какъ протестъ противъ революціоннаго террора, какъ осужденіе анархій. То, что было немислимо въ Первой Думѣ, то, чего тщетно добивались во Второй Думѣ,—то въ Третьей Думѣ встрѣчается искреннимъ сочувствіемъ большинства и осуществляется въ формѣ не только принципиальной, но и реальной.

При должной энергіи правительства, съ помощью Государственной Думы и при поддержкѣ общества, видимо освобождающагося отъ психоза, Россія, конечно, скоро можетъ быть избавлена отъ политической анархій, отъ которой она едва не погибла. Три или два года тому назадъ этимъ и исчерпывалась-бы задача умиротворенія и оздоровленія. Теперь этого уже не достаточно: зараза слишкомъ глубоко проникла внутрь. Для возвращенія страны къ здоровой жизни требуется подавленіе не только политической анархій, но и анархій нравственной.

Нравственная анархія—обычный спутникъ анархій политической и лучшая почва для нея. Но ужасъ и опасность нашей нравственной анархій въ томъ, что ею глубоко захвачено растущее поколѣніе—юношество и даже дѣти.

Это—тягчайшій грѣхъ, это—самое гнусное злодѣяніе нашего пресловутаго „освободителя“. Оно злонамеренно сѣяло нравственное разложеніе молодежи, чтобы вовлечь ее въ политическую борьбу; для своихъ цѣлей оно оторвало молодежь отъ школы и семьи, возстановило ее противъ общества и государства, обрекло на одичаніе, пробудило въ ней низменные инстинкты и страсти, иступленію которыхъ она всецѣло и отдалась; гнусно воспользовавшись ея неопытностью, впечатлительностью и неустойчивостью, оно толкнуло ее на злодѣянія и преступленія, обративъ въ „пушечное мясо“ революціи. Вотъ, наиримѣръ, да-

ныя, недавно приводившіяся въ газетахъ, о возрастѣ политическихъ арестантовъ въ Бутырской пересыльной тюрьмѣ (Москва): 67% общего числа ихъ составляютъ юнцы отъ 16 до 20 лѣтъ, 25%—отъ 20 до 25 лѣтъ, 5%—отъ 25 до 30 лѣтъ, 2%—отъ 30 до 35 лѣтъ и 1%—свыше 35 и моложе 16 лѣтъ.

Такимъ образомъ, безъ малаго *семь десятыхъ* политическихъ преступниковъ—юнцы до 20-лѣтняго возраста. Вотъ гдѣ „сознательные граждане“, которыми творится „русская революція“, отъ имени которыхъ господа „освободители“ говорятъ и предъявляютъ свои требованія! Безсознательность этихъ юнцовъ вполне сознательно используется господами „освободителями“, стремящимися захватить въ свои руки власть надъ Русскимъ народомъ и для этого толкающими юнцовъ на преступленія, прячась за ихъ спины. Не даромъ Достоевскій называлъ нашихъ „освободителей“ *бъсами*. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не бѣсовство это развращеніе дѣтей и использованіе ихъ для злодѣяній и преступленій?

„Революціонеръ—говоритъ патриархъ нашего освободительства Бакунинъ,—человѣкъ принявшій постригъ. Онъ презираетъ и ненавидитъ существующую общественную мораль во всѣхъ ея мотивахъ и проявленіяхъ; для него нравственно все, что содѣйствуетъ торжеству революціи. Революціонеръ долженъ освободить себя отъ всякихъ чувствъ дружбы, любви, родственныхъ привязанностей и т. д.“

Какая, въ самомъ дѣлѣ, точная характеристика нашихъ „освободителей“: они, дѣйствительно, какъ бы „приняли постригъ“ бѣсовства, презирая и ненавидя „существующую общественную мораль“; отказавшіеся отъ всякихъ человѣческихъ чувствъ, они считаютъ „нравственнымъ все, что содѣйствуетъ торжеству революціи“: нравственно даже растлѣніе дѣтей и обращеніе ихъ на службу революціи, въ матеріаль для нея. И совѣсть ихъ чиста: вѣдь молодежь развращена ими ради „торжества революціи“ и... ради „торжества“ собственной безопасности...

Страшно взглянуть, во что обращена наша молодежь „освободительствомъ“, къ какому нравственному паденію она приведена. Пьянство, разгулъ, дебоши, развратъ,—вотъ обычное занятіе большинства нашей современной „учащейся“ молодежи. Случаются и кражи. Въ газетахъ безпрестанно приходится читать такіа замѣтки:

„Въ Петербургскомъ университетѣ совершаются систематическія кражи форменныхъ и штатскихъ пальто.

„Студенты крадутъ уже не только пальто, шапки и калоши въ раздѣвальной, но на лекціяхъ систематически начинаютъ пропадать книги; изъ бібліотеки крадутся учебныя пособія, похищаются препараты изъ профессорскихъ кабинетовъ“.

Гимназисты и гимназистки кое-гдѣ заводили было между собой кружки „Огарковъ“. Что это за „огарки“, легко судить по самому названію. Не станемъ уже говорить о гимназистахъ-„экспроприаторахъ“ и убійцахъ...

Будущее націи—въ растущемъ поколѣніи. Что-же ждетъ насъ въ будущемъ? Объ этомъ и подумать страшно.

„Освободительство“ привело насъ къ нравственной анархіи, которая не скоро сгладится и послѣ политическаго умиротворенія. Паденіе нравовъ совершается быстро, но восстановленіе ихъ требуетъ долгаго времени. Оздоровленія, можно ждать только въ слѣдующемъ поколѣніи, если для этого найдутся болѣе благоприятныя условія.

Что-же дѣлается для созданія этихъ болѣе благоприятныхъ условій? Пока—ничего.

А много-ли проку въ созданіи все новыхъ учреждений, если не окажется людей, способныхъ одухотворить ихъ? Нужно, очевидно, и людей создавать: при хорошихъ людяхъ и учрежденія будутъ хороши; при дурныхъ-же людяхъ, всякія учрежденія будутъ дурны. („М. Вѣд.“). А. Волынецъ.

Вологодскія святки.

(изъ воспоминаній).

Жизнь въ Вологдѣ, 30—40 лѣтъ тому назадъ, была чрезвычайно монотонна и однообразна, бѣдна впечатлѣніями извнѣ и невольно накладывала свою печать на мѣстнаго обывателя. Долженъ оговориться, что сказанное мною относится главнымъ образомъ къ среднему классу общества, который составляла чиновная братія съ незначительной примѣсью другихъ элементовъ, хотя и среди т. н. губернской аристократіи того времени особеннаго оживленія не замѣчалось.

Къ числу общественныхъ увеселеній той эпохи въ Вологдѣ надо отнести довольно жалкій театръ (сохранившійся и по нынѣ) и два клуба: чиновничій и дворянскій.

Люди средняго класса посѣщали театръ лишь изрѣдка и случайно.

Дворянскій клубъ былъ имъ недоступенъ по многимъ условіямъ, а чиновничій хотя и носилъ характеръ всесловнаго, но тогда посѣщался только высшею бюрократіей. Что же, спрашивается, оставалось на долю обывателей средней руки, коимъ однако страстно хотѣлось повеселиться, но такъ, чтобы это было и не стѣнительно, и не ложилось бы бременемъ на ихъ скромный бюджетъ? Слѣдуетъ сказать, что въ то время жизнь въ Вологдѣ была баснословно дешева, но сообразно этому и оплата труда была до смѣшнаго мизерна: я зналъ массу чиновниковъ, конечно, молодежи, которые получали 7—8 руб. жалованья въ мѣсяць и ухитрялись на эти гроши не только жить безъ долговъ, но даже позволяли себѣ бывать кое-гдѣ въ обществѣ. Жалованье въ 25—30 руб. считалось въ то время солиднымъ, и получающіе его слыли за людей вполне обеспеченныхъ. Общественная жизнь была развита слабо, газетъ и журналовъ выписывалось немного и чтеніе ихъ для большинства было мало доступно. Типичные представители чиновничества, проводя большую часть дня по разнымъ канцеляріямъ, палатамъ и управленіямъ, вели безпросвѣтный образъ жизни, среди коего водка и карты играли далеко не послѣднюю роль въ качествѣ захолуст-

ныхъ развлеченій, въ особенности въ глухую зимнюю пору, когда по климатическимъ условіямъ невозможно было пользоваться благами суровой сѣверной природы. Отсюда становится вполне понятнымъ то не терпѣніе, съ которымъ молодежь, а отчасти и люди зрѣлаго возраста, ожидали наступленія рождественскихъ святокъ, когда можно было развернуться во всю ширь русской натуры и веселиться напропалую цѣлыя ночи напролетъ, благо эти удовольствія почти ничего не стоили. Веселились до упаду, до изнеможенія силъ, проводя 7—8 бессонныхъ ночей подъ рядъ.

Изъ всѣхъ рождественскихъ удовольствій самымъ излюбленнымъ для вологжанъ считалось маскированіе, которое выражалось въ томъ, что молодежь обоого пола, разодѣтая въ различные костюмы и маски, разбѣжала по знакомымъ, интриговала ихъ, а, главное, плясала до одури, лишь бы имѣлось хотя самое жалкое подобіе музыки. Этими домашними маскарадами увлекались на святкахъ рѣшительно всѣ, отъ мала до велика, и я бы могъ привести десятки солидныхъ, пожилыхъ людей, которые если сами и стѣснялись маскироваться, то принимали всегда самое живое участіе въ этомъ удовольствіи жизнерадостной молодежи, устраивая вечеринки, добывая костюмы и пр. Я могу съ увѣренностью сказать, что изъ всѣхъ слоевъ общества маскированіемъ увлекались болѣе всего мелкіе чиновники и учащаяся молодежь обоого пола и замѣчательно, что самые законренѣвые бѣдняки, нерѣдко многосемейные, являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и самыми изобрѣтательными людьми по части этихъ удовольствій, какъ бы оправдывая по словцу „голь на выдумки хитра“.

Я не могу точно опредѣлить, когда именно зародился обычай у вологжанъ проводить рождественскія святки вышеописаннымъ способомъ, но знаю, что обычай этотъ строго соблюдался изъ года въ годъ и лишь за послѣдніе 10—12 лѣтъ онъ сталъ постепенно падать и замѣняться другими, болѣе современными удовольствіями, а если и удержался у меньшинства, то уже значительно утратилъ свой патриархальный характеръ.

Времяпровожденія на святкахъ всегда происходило слѣдующимъ образомъ. Первые два дня Рождества вечерю обыкновенно никто не устраивалъ, ибо эти дни обыватели проводили среди близкихъ родныхъ, мужнины визитировали, странствуя весь день по знакомымъ, конечно, нѣшкомъ. Только простонародье безъ всякаго стѣсненія шаталось среди бѣла дня ряжеными, потѣшая своимъ видомъ гуляющую по улицамъ публику и прохожихъ. Но съ третьяго дня праздника, часовъ съ 8 вечера, въ разныхъ частяхъ города можно уже было наблюдать ярко освѣщенные дома, изъ которыхъ неслись звуки музыки и веселый людской говоръ, смѣхъ и топанье: ясно, что хозяева ихъ устраивали вечеринку для своихъ знакомыхъ съ обязательнымъ приемомъ масокъ. Такія вечеринки устраивались чиновниками, гдѣ позволяла квартира, кушачи средней руки и разными служащими, а иногда и молодежью въ складчину, на экономическихъ вачалахъ. Устройство вечерю было до крайности просто и очень дешево: требовалось лишь удобное, просторное помѣщеніе, хотя бы и въ одну комнату (залъ для танцевъ), по возможности яркое освѣщеніе—лампами и свѣчами и кака-нибудь музыка: фортепiano, рояль, гусли, гармоника или же гитара со скрипкой. Стоило лишь хозяину вечера сообщить заблаговременно, двѣмъ, въ двѣ—три парикмахерскія о своемъ желаніи устроить вечеринку съ масками, а вечеромъ освѣтить свою хижину, какъ разряженная молодежь обязательно пріѣдетъ и будетъ плясать до упаду подъ незатѣйливый аккомпаниментъ какой-нибудь разбитой гитары или охрипшей гармоники. Самымъ главнымъ при устройствѣ вечерю являлся вопросъ о музыкѣ, безъ которой никакъ нельзя обойтись. Въ болѣе

состоятельныхъ домахъ гремѣлъ рояль или фортепіано; затѣмъ употреблялись гусли (у купцовъ Суконщиковыхъ), аристонъ, шарманка, гармонія, гитара, скрипка и даже балалайка. Въ описываемое время въ Вологдѣ было вѣсколько бродячихъ музыкантовъ—скрипачей, таперовъ и гармонистовъ, которые за цѣлковый охотно пилили всю ночь разныя польки и кадрили, доставляя громадное удовольствіе танцующимъ. Въ крайнемъ случаѣ, за неимѣніемъ музыки, танцовали даже и подъ пѣсни. Я еще засталъ то время, когда сами маски заботились о музыкѣ и возили съ собою гармонику, на которой и игралъ кто-либо изъ компаньоновъ.

Вечеринки въ складчину большею частью устраивались воспитанниками мѣстной семинаріи, которые за дальностью разстоянія до дому принуждены бывали проводить короткія рождественскія каникулы въ Вологодѣ. Въ этомъ случаѣ одинъ изъ участниковъ выбирался распорядителемъ пира, на обязанности коего лежало подысканіе подходящаго помѣщенія, музыканта, закупка угощенія и пр. По моимъ наблюденіямъ, семинаристы были страстными поклонниками танцевъ и отплясывали всегда очень усердно по цѣлымъ ночамъ. Такъ какъ семинарскія вечеринки никогда не обходились безъ возляній, то къ концу бала обыкновенно весь мужской персоналъ порядочно *намокалъ* и не безъ труда расходился по домамъ. Я неоднократно въ качествѣ гостя и участника бывалъ на этихъ вечеринкахъ и съ любопытствомъ наблюдалъ за тѣми замысловатыми па, которыя выдѣлывали ногами наши будущіе батюшки.

Обычно вечера начинались съ 8—9 часовъ и тянулись до 4—5 час. утра, т. е. всю ночь. Въ рѣдкомъ домѣ хозяева устраивали какое-нибудь угощеніе для масокъ; большинство обходилось безъ оного. Конечно, если маски бывали узнавы и оказывались хорошими знакомыми хозяевъ, то всегда угощались на славу и даже оставались на весь вечеръ. Довольно щекотливымъ вопросомъ для хозяевъ являлся пріемъ масокъ; принимать-ли всѣхъ пріѣзжающихъ масокъ или только по выбору, знакомыхъ? Съ этою цѣлью въ болѣе щепетильныхъ домахъ назначался пароль, не зная который нельзя было понасть на вечеръ. Пароль этотъ благоговременно сообщался тѣмъ знакомымъ, которые желали маскироваться. Конечно, въ большинствѣ домовъ обходились безъ всякаго пароля, но различныя недоразумѣнія случались постоянно: вмѣстѣ съ порядочными масками попадали на вечера и разныя хулиганы, часто выпившіе, которые заводили скандалы и держали себя настолько развязно, что ихъ приходилось силой выпроваживать на улицу. Эти же господа, пользуясь общей суматохой въ переднихъ, нерѣдко похищали что-либо изъ верхняго платья и безслѣдно исчезали съ нимъ. Впрочемъ, подобные случаи бывали сравнительно рѣдко.

Признакомъ „порядочныхъ“ масокъ служили перчатки, безъ коихъ масокъ и не пропускали въ домъ, а также самые костюмы и манеры. Послѣднія тоже нерѣдке служили источниками разныхъ курьезовъ, ибо интеллигентная молодежь, въ особенности изъ т. н. аристократин, желая во что бы то ни стало не быть узнавнкой, нарочно рядилась въ самые дешевые, простые костюмы (лапотника—мужичка и пр.) и старалась сообразно имъ держать себя и напропалую дурачиться, сбивая съ толку хозяевъ и многочисленныхъ гостей.

Еще за долго до праздниковъ молодежь обоого пола сговаривалась относительно предстоящихъ увеселеній и группировалась въ кружки по 4—6 и болѣе человекъ въ каждомъ съ такимъ расчетомъ, чтобы дамъ и кавалеровъ было по ровну, причемъ допускался избытокъ послѣднихъ. Кромѣ того, въ составъ кружковъ входила и прислуга (далеко не у всѣхъ), которая стерегла верхнее платье въ переднихъ. Каждый кружокъ запасался однимъ или двумя извозчиками т. н. ваньками, съ широкими, помѣгательными санями, (въ кои набивалось публики

по 6—7 чел.,—возъ цѣлый) и занималъ ихъ на всю ночь по баснословно дешевой цѣнѣ—20 коп. за часъ. Менѣе требовательные пользовались иногда и розвальнями. Хожденіе пышкомъ совершалось значительно рѣже и лишь въ томъ случаѣ, если было близко или не хватало ресурсовъ на извозчиковъ.

Вопросъ о приобрѣтеніи костюмовъ являлся самымъ насущнымъ для маскирующихся, именно для дамъ. Послѣднія большею частію фабриковали себѣ костюмы дома, изъ подручнаго матеріала, тогда какъ мужчины запасались такими въ цирюльняхъ и театрѣ, съ платою отъ 1 руб. до 3 за вечеръ, смотря по костюму. Въ описываемое время изъ мужскихъ костюмовъ вначаше встрѣчались: простого крестьянина—лапти, онучи, сивяя посконная рубаха и шляпа „гречишникъ“ при кудельномъ парикѣ, стариковскій—при обычномъ платьѣ, бѣлый кокосовый парикъ, борода и носъ, гамлета, мѣфистофеля, Зибеля (студента изъ „Фауста“), еврея, турка, старинный польскій, клоуна, домино, капучина, гусарскій и пр. Костюмы старика и домино у мужчинъ преобладали, какъ самые дешевые и не требовавшіе перемѣны платья и гримировки. Костюмъ мужичка—лапотника обыкновенно надѣвали самые лучшіе танцоры, удивлявшіе публику своимъ поразительнымъ искусствомъ выдѣлывать всевозможные фокусы въ лаптяхъ. Изъ мужскихъ костюмовъ всего изыщѣе были: старинный польскій, русскій боярскій и вообще національные. Между дамскими костюмами преобладали: домино, цыганскій, польскій, чертенка, день и ночь, зима, фец, Офелии и т. п. Вообще по части костюмовъ вологжане пускали въ ходъ всю силу фантази и нерѣдко сочиняли, что только взбрѣдетъ въ голову, лишь бы было пестро и забавно.

Хотя костюмы, въ особенности дамскіе, и дѣлались загодя, но держались въ секретѣ даже отъ близкихъ знакомыхъ, дабы впоследствии имѣть меньше шансовъ быть узнанными.

Личныя маски въ то время были трехъ сортовъ: черныя и бѣлыя съ кружевами, атласныя и бархатныя, бумажныя, разрисованныя самымъ уморительнымъ образомъ, и легкія изъ проволоочной сѣтки, которыя были не такъ тягостны для лица, какъ первыя, которыя къ концу вечера отъ жары и пота прилипали къ фізіономіи, а на улицѣ замрзали (въ холода). Конечно, въ большомъ ходу были всевозможные гиганскіе носы и бумажныя головы звѣрей: собачья, свиная, волчья и пр.

Съ одной изъ такихъ звѣриныхъ головъ однажды вышелъ довольно забавный казусъ. Шелъ оживленный маскарадъ въ чиновничьемъ клубѣ. Нѣкто Б., большой комикъ и весельчакъ, надѣвъ на себя грамадную ослиную голову, также явился въ клубъ, гдѣ и дурачился, увиваясь около дамъ. Въ разгаръ бала, шатаясь изъ одной залы въ другую, онъ случайно зашелъ въ клубную читальню, гдѣ засѣдали за газетами почтенные клубные старцы. Подойдя къ читальному столу, Б. развязно усѣлся среди старцевъ и, отдавъ общій поклонъ своей ослиной головой, проговорилъ: „ну, теперь и я попалъ въ свою компанію“! Почтенные старцы страшно обидѣлись и за такую дерзость торжественно выпроводили Б. изъ клуба. Само собою разумѣется, что острота Б. быстро облетѣла въ клубъ и вызвала самый веселый смѣхъ публики...

Доставая въ парикмахерскихъ костюмы, молодежь тутъ-же получала нужныя свѣдѣнія относительно вечеровъ, т. е. гдѣ именно таковыя предполагались въ этотъ день, будуть-ли принимать масокъ и кто бралъ какіе костюмы. Впрочемъ, въ тѣ времена обыватели Вологды вели такой же образъ жизни, какъ обломовцы, и, плотно поужинавъ, часовъ съ 9 вечера уже гасли огни, такъ что по одному освѣщенію домовъ въ неурочное время можно было судить, что

идеть вечеринка. Этим признакомъ постоянно пользовались маски и бѣдили, какъ говорятъ, на огонекъ.

Въ маскированіи, кромѣ странствованій изъ одного конца города въ другой (что въ хорошую зимнюю ночь имѣетъ свою особенную прелесть), танцевъ и веселой, непринужденной болтовни, далеко не послѣднюю роль играло и умѣнье интриговать среди встрѣчныхъ знакомыхъ; при этомъ, чтобы не быть признанными, приходилось мѣнять манеры, голосъ, походку, вообще употреблять всѣ средства, чтобы ввести въ заблужденіе интригуемое лицо, не обнаруживая себя. Въ этомъ собственно и заключался смыслъ маскированія. Конечно, большинство маскировалось единственно съ цѣлью побѣдиться и поплясать до упаду въ веселой и разношерстной компаніи.

Такимъ образомъ на вечеринкахъ, помимо всей суতোлки, обѣ стороны—и хозяйка съ гостями, и маски,—были сильно заинтересованы; однимъ очень хотѣлось узнать пріѣхавшихъ, другіе—старались во чтобы то ни стало сохранить инкогнито. Для отгадыванія, кто именно скрывается подъ маской, примѣнялись самые разнообразныя способы: принимался во вниманіе ростъ, манера здороваться и танцевать, походка, руки, цвѣтъ глазъ и волосъ и пр. Если эти примѣты не помогали, то нерѣдко хозяева отпраплялись въ переднюю и здѣсь старались опредѣлить по прислугѣ, верхнему платью; даже иногда извозчики подвергались тщательному допросу. Вообще маски всегда пользовались усиленнымъ вниманіемъ хозяевъ и гостей. Между тѣмъ распознаваніе затруднялось еще и тѣмъ, что въ разгаръ вечера танцевальный залъ бывалъ биткомъ набитъ масками, шли танцы и вообще такая суতোлка, какъ въ калейдоскопѣ. Между маскирующимися были и такіе любители, что за ночь 2—3 раза мѣняли свои костюмы. Открывшись съ третьяго дня праздника, вечеринки шли безъ смѣны до 4 янвр.

Говоря о рождественскихъ увеселеніяхъ въ Вологдѣ, не лишнее будетъ упомянуть и о тѣхъ танцахъ, которые были въ модѣ въ описываемую пору. Репертуаръ танцевъ тогда былъ довольно скуденъ и заключалъ въ себѣ: старинное лянсе съ поклонами, кадрили, польку—мазурку съ пристукиваніемъ, простую польку, вальсъ—вертячку въ два па и русскую, безъ фигуръ. Изъ всѣхъ танцевъ наибольшей симпатіей пользовалась полька, которой положительно увлекались и которую отплясывали нерѣдко въ продолженіе получаса непрерывно, до полного изнеможенія танцующихъ и несчастнаго музыканта. Далеко не всѣ кавалеры могли, какъ тогда говорилось, полькировать, по этому умѣющіе особенно цѣнились прекраснымъ поломъ и всегда были на-расхватъ, въ противоположность своимъ тяжеловѣснымъ товарищамъ, которые медлительно выступали въ кадрили, гдѣ уже не требовалось особенной ловкости...

Такъ веселилась на святкахъ Вологда въ доброе старое время.

Л. Александровъ.

НОТБИ.

Andantino cantabile.

1. *Allegro* *passionato*

Canto

Coro *Allegro* *passionato*

Piano

Organo *Allegro* *passionato*

Organum *Allegro* *passionato*

Organo *Andantino* *cantabile*

p *tempo legato*

The musical score consists of two systems. The first system features a vocal line in the upper staff and a piano accompaniment in the lower staff. The vocal line begins with the lyrics "Organum allegro passionato" and continues with "Organum cantabile". The piano accompaniment includes a section marked "p tempo legato". The second system continues the vocal line with the lyrics "Organum cantabile" and "Organum allegro passionato". The piano accompaniment continues with the same tempo and dynamics. The score is written in a key signature of one sharp (F#) and a 2/4 time signature.

Handwritten musical score for the first system. It consists of a vocal line on a single staff and piano accompaniment on two staves. The lyrics are written below the vocal line.

Lyrics: *И на все злате на брегъ мѣстѣмъ съ все гди, И на все мѣсто прорака въ всѣ гди.*

The piano accompaniment includes chords and melodic lines with various articulations and dynamics.

Handwritten musical score for the second system. It consists of a vocal line on a single staff and piano accompaniment on two staves. The lyrics are written below the vocal line.

Lyrics: *О, на все мѣсто прорака въ всѣ гди,*

The piano accompaniment includes chords and melodic lines with various articulations and dynamics. A *subito* marking is present in the piano part.

СМѢСЬ.

Исторія русскаго народнаго гимна.

21 декабря въ Петербургѣ въ „Русскомъ Собраніи“ В. П. Погожевъ прочелъ докладъ „О силѣ пѣсни“, причемъ разъяснили исторію возникновенія русскаго народнаго гимна.

По порученію Императора Николая Павловича, капельмейстеръ Газе написалъ маршъ ко дню открытія памятника Императора Александра I. Въ этомъ маршѣ было вставлено „тріо“ „Боже, Царя Храни“. Маршъ въ цѣломъ былъ названъ „маршемъ Газе“, что и дало основаніе въ послѣдніе годы утверждать, что русскій гимнъ написанъ не А. Ф. Львовымъ. Вопросъ этотъ очень заинтересовалъ императора Вильгельма, который предложилъ извѣстному русскому профессору Н. Ф. Соловьеву возможность пересмотрѣть всѣ музыкальныя произведенія, хранящіяся во всѣхъ государственныхъ библиотекахъ Германіи и въ собственной библиотекѣ императора Вильгельма. Пересматривая въ послѣдней библиотекѣ копии всѣхъ военныхъ маршей, написанныхъ въ разное время всѣми композиторами и собранныя по приказанію берлинскаго двора, проф. Соловьевъ нашелъ и „маршъ Газе“ съ извѣстнымъ „тріо“. Въ рукописи прямо было указано, что „тріо“ написано А. Ф. Львовымъ въ 1833 году и включено въ „маршъ Газе“. Слѣдовательно, доказано, что гимнъ написанъ А. Ф. Львовымъ. Изъ письма М. Н. Загоскина (бывшій директоръ московскихъ Императорскихъ театровъ) къ В. Н. Панаеву докладчикъ узналъ, что впервые „Боже, Царя храни“ отдѣльно было исполнено 11 декабря 1833 года въ московскомъ Большемъ театрѣ. Послѣ обычнаго спектакля извѣстный теноръ Банташевъ одинъ пропѣлъ „русскую пѣсню“ „Боже, Царя храни“, сочиненную А. Ф. Львовымъ, и затѣмъ повторилъ ее совместно съ хоромъ въ 50 человекъ. Успѣхъ „пѣсни“ былъ такой выдающійся, что ее стали повторять въ театрѣ каждый вечеръ. Такъ родился народный гимнъ.

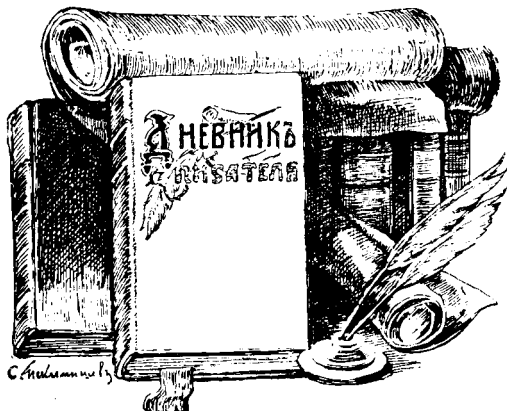
Почта „Дневника Писателя.“

Всѣмъ подписчикамъ. 1) Контора „Дн. Пис.“ проситъ всѣхъ подписчиковъ обратить вниманіе на слѣд: конторою книжки журнала рассылаются своевременно и аккуратно. Но №№ иногда теряются въ пути. Заявленіе о неполученіи номера должно прислать въ контору „Дн. Пис.“ не позже мѣсяца, т. е. напр. не получившіе Январск. № должны заявить объ этомъ немедленно по полученіи Февр. №. Нѣкоторые подписчики дѣлаютъ заявленіе о неполученіи по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и о нѣсколькихъ №№ сразу. Всѣ такія жалобы о неполученіи и пр. уже не могутъ быть приняты конторою и пересылку №№ придется оплачивать по заказной таксъ особо. Контора покорибѣше проситъ принять это заявленіе къ свѣдѣнію. 2) Контора „Дн. Пис.“ обращаетъ еще вниманіе подписавшихся въ разсрочку, что произвольная по срокамъ присылка денегъ не можетъ быть допущена: внесеніе 2 руб. при подпискѣ должны остальные деньги внести къ 1-му Марту, до выхода № 3. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ приостановлена до присылки недостающихъ денегъ.

Авторамъ. Рукописи должны быть переписаны четко на одной сторонѣ листа. Если размѣръ гонорара не обозначенъ авторомъ, то статья оплачивается по усмотрѣнію редакціи. Обратная отсылка непринятыхъ рукописей производится только тѣмъ авторамъ, которые прислали деньги (или марки) на возвращеніе статьи заказомъ. Отвѣты даются лишь тѣмъ, которые прислали для отвѣта *семик. марку*. Принятая рукопись, если редакція признаетъ нужнымъ, подвергается исправленію и сокращ. Авторамъ не согласныхъ на сокр. и испр. просятъ заявлять объ этомъ при посылкѣ статей. Непринятая рукопись сохраняется въ теченіи 6 мѣс., послѣ чего уничтожается. Наложенымъ платежемъ рукописи не возвращаются.

Семипалатинскъ. *Общественной Библиотекъ.* Подписная цѣна 3 руб. 60 коп., а не 3 р. Потрудитесь дослатъ 55 к.

Вологда. *Библиотекъ при 1-й городской чайной.* Подписная цѣна 3 р. 60 к. а не 3 р. Дешлите 60 к.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

авторовъ, статей и рисунковъ,

помѣщенныхъ

въ „ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

въ 1907 году.

А. Л. Запоздалый рождественскій раз-
сказъ (Февр. 44).

Аксаковъ, П. А.—Аполлонъ Николаевичъ
Майковъ (Март. 49)—Очеловѣченіе Хри-
ста (Апр. 42).—Изъ мрака къ свѣту
(Май—Іюнь, 59).—Царственная тѣнь.
(Сент. 76).

Афанасьевъ, Л. Н. Стихотвореніе (Дек.
54).

Б. М. М. Стих. *Pensée funebre* (Май
—Іюнь, 29).

Баринновъ, Н. Н. Стих. У могилы дѣтей.
(Авг. 21).—Стихотворенія I—III. (Окт
43).

Басовъ, А. Ф. О значеніи обряда. (Май
—Іюнь 36).—О теоріи четвертаго измѣ-
ренія. (Авг. 70).—Поддѣлка христіан-
ства. (Ноябрь, 86).

В. М. Моя жена. Стих. (Сент. 84).

Варлыгинъ, Д. П. Стихотворенія: Моей
малюткѣ. (Февр. 31).—Весна. (Март. 51).
Христосъ Воскресе!—„Весна идетъ“.—
Не умеръ день. (Апр. 8, 33, 53). „День
угасъ, а заря“... (Май—Іюнь, 54). На
закладку памятника Гоголю (Іюль 45).
Братья, съ Богомъ на работу! (Сент.
48).

Веселый Устюжанинъ. Рѣшители су-
дебъ (Дек. 45).

Витимскій, С. В. Отчаяніе, рассказъ.
(Март. 32).—Дерзновеніе, рассказъ.
(Іюль, 22). Стихотвореніе. (Дек. 15).

Вологодскій, И. И. Герценъ и револю-
ція (Сент. 78).

Глухаревъ, И. Н. Стихотворенія: Воз-
рожденіе (Май—Іюнь, 18).—Въ Сентяб-
рѣ. (Сент. 54).

Говоровъ, К. П. Малоизвѣстный, но
крупный поэтъ. Крит. этюдъ. (Май—
Іюнь, 48).

Деревящина. Новѣйш. музыка. Сцена
(Окт.).

Догановичъ, А. Н. Друзья-артисты
(Февр. 57). Нелюдима, разск. (Март. 26).
—Воскресеніе души, разск. (Апр. 17).
—Жизнь и смерть, разск. (Май—Іюнь,
19).—Съ честию послужившая (Апр.
44)—Публицистическіе этюды (Сент.
46, Дек. 68). Курсовой праздникъ, разск.

(Окт. 39)—Торжество, эскизъ (Ноябрь,
12).—Сказка жизни, разск. (Дек. 16).

Елеонскій, Н. А. Профес.—Къ молоде-
жи (Сент. 63).

Земскій врачъ. Наканунѣ службы,
библ. (Іюль, 46).

Житниціи, И. И. На кладбищѣ, разск.
(Авг. 18).

Иваничій, Н. А. Стихотворенія: Вечер-
ній колоколъ (Апр. 54); Цвѣты (Авг.
17); На берегу Кубенскаго озера.—На
Кубенск. озерѣ.—„Бдемъ мы долго“...
(Сент. 40); Осеннее утро (Окт. 4).

Ивановъ, В. 5-е Октября. Стихотворе-
ніе (Окт. 61).

Ивинская, Н. П. Плоды освободитель-
наго движенія (Май—Іюнь. 106).

Инкогнито. Професіон. разсѣянность.
—Спасительное средство (Дек. 98—99).

Клетнова, Е. Н. Стих. „Есть души чи-
стыя“ (Окт. 30).

Коринфскій, А. А. Стихотворенія: Все-
славъ-Вогатырь (Мартъ, 18).—Знахарь
(Сент. 18).—Голосъ народа (Окт. 20).—
Послѣдняя краюшка (Ноябрь 17).

Кругловъ, А. В. (Въ №№ всѣ статьи
А. В. К. не подписаны). Почему.—Пи-
сатель.—Стихотворенія I—III.—Новый
хозяинъ. Новог. сказка.—Предъ камин-
номъ.—Великій поэтъ.—Многострадаль-
ный писатель.—Священная рѣка.—Ака-
демія на камняхъ.—Критич. наброски.

—Эпиграммы и юмор. стихи.—Драго-
цѣнный самородокъ.—(Янв.). Стихи.—
—Неожиданная встрѣча, отрывокъ.—
Юноша — поэтъ. — Сатирикъ-христіа-
нинъ. Растленіе дѣтской души.—Осво-
божденіе.—(Февр.). — Черный день. —
Стихи.—У гроба Лазаря.—Свершилось.
—Отъ земли къ небу.—Мостъ не про-
валится.—(Мартъ).—Стихи. — Воскресе-
ніе.—Говоряція могилы, легенда.—Па-
схальныя страицки.—Вѣрующая Русь.
—Первый погблуд на землѣ, легенда.
—(Апрѣль).—Стихи.—Памяти Н. П. Ваг-
нера.—Въ часы досуга (библ.). | Два
слова о симпат. журналѣ.—(Май—Іюнь).
—Стихи.—Свѣтлыни земли русской.
—Поэтъ сумерекъ.—Двѣ библиогр. —

Нѣсколько словъ о Гольцевѣ.—(Июль).—Стихи.—Русскій витязь.—Подъ стягомъ чистой красоты, крит. этюдъ о стихотв. К. Р. (Авг.).—Стихи.—на Кубенскомъ озерѣ.—Памяти Тургенева.—(Сент.).—Стихи.—Въ чемъ спасеніе.—Первосвятитель Моск. св. Алексій.—Во мракѣ. Журн. нов. (Окт.).—Стихи.—Мірская черница.—Изъ жизни Златоуста.—Бѣдна-ли наша дѣтская литература.—(Ноябрь). Многогранный талантъ, крит. эт. о соч. Коринфскаго (Сент.—Ноябрь).—Мартышкина затѣя, романъ (Янв. Февр. Март. Май—Июнь, Июль, Авг. Сент. Окт. Ноябрь, Дек.).—Пережитое, жит.-литерат. воспоминанія (Февр. Март. Октябрь, Ноябрь, Дек.).—Бесѣды (подробный перечень см. ниже).—Въ „Искрахъ“: Январь Контора на особый манеръ (съ китайскаго); Въ порядкѣ вещей.—Эпиграммы.—Февр: Эпиграммы.—Апрѣль: Два письма.—Май—Июнь: Кляча.—Поэтъ и жена.—Новый типъ. Июль: Холодные души и душа нараспашку.—Ноябрь: Поклонники талантовъ.

Кузнецовъ, Н. Д. Смѣлость незнанія (Июль, 34).—Государство и церковныя земли.—(Авг. 24, Сент. 20).

Ловецкая, Е. Н. Снятся, разск. (Сент. 26).

Мучникъ, Н. А. Старая исторія, разск. (Сент. 14).

Мюръ, В. К. Стихотворенія (Мартъ, 31. Май—Июнь, 28).

Наблюдатель. Остроты жизни (Февр. 83).

Никитина, А. Н. Восходящая звѣзда, очеркъ (Мартъ, 61).—Задачи арміи (Май—Июнь 67)—Немного о Курскѣ, библи. (Июль, 52).—Трудовой годъ русскаго крестьянина, библи. (Авг. 66).—Объ эстетическомъ развитіи (Сент. 80). Медикъ-педагогъ, (Ноябрь, 82).—Сторожевское празднество (Дек. 59).

Пахомъ (дядя). Два стих. (Июль 59).

Полъщукъ, Ник. Голосъ изъ деревни (Сент. 30).

Р. К. Изъ Апокалипсиса. Стих. (Авг. 23).

Радинъ, П. И. Полина Віардо (Сент. 44).

Россіевъ, П. А. Великій композиторъ (Февр. 54).—Погибшій талантъ (Март. 53). Грустный геній (Окт. 62).—Въ Кандалякскомъ заливѣ, пут. набр. (Ноябрь, 20).—Городскіе музеи (Ноябрь, 72).

Рязанцевъ, В. Г. Лукашкино горе, разск. (Февр. 26).—Просвѣтлѣніе разск. (Апр. 34).—За чужой грѣхъ, разск. (Май—Июнь 21).

Сафоновъ, С. А. Стихотворенія: Святая ночь. (Апр. 29).—Это было давно (Май—Июнь, 88).—На просторъ лѣсной поляны (Июль, 39).—Памяти Чайковскаго (Окт. 51).

Свѣтова, Е. И. Фру-фру, разск. (Ноябрь 29).—Чудесные пути, разск. (Дек. 28).

Скучающій Вологжанинъ. Изъ дневника дачника (Авг. 87).

Смирновъ, Н. И. Учитель и одноклассная школа. Февр. 78)—Тридцать лѣтъ добраго посѣва (Мартъ 73).—Язычество шевелится (Апр. 46).—Пасхальное эхо (Авг. 77).

Старый Беллетристъ.—Художественная трилогія. Библи. (Февр. 75).

Столянский, Н. П. Отроческія общеобразовательныя училища (Мартъ 44).

Сторонній.—Съ формальной точки зрѣнія (Апр. 58).

Тарасовъ, И. Т. Профессоръ.—Общества страхованій расходовъ (Май—Июнь, 39). О среднемъ женскомъ образованіи (Сент. 49).

Тихомировъ, А. А. Профессоръ.—Живой міръ и мѣсто въ немъ человѣка. (Окт. 21).

Тураганъ, С. Т. Японскій хлѣбосѣвъ (Мартъ, 58).

Устюжанскій, Амфилохій. Что такое женщина, I. II (Февр. Ноябрь).—Злоключенія Василя Емельяновича (Авг. 80).

Учитель Новгород. уѣзда. Учитель и законоучитель (Февр. 80).

Учительница. Дешевыя дѣтскія книжки (Авг. 69).

Черновъ, Ф. И. Два стихотворенія (Ноябрь).

Чуманъ, А. А. По стопамъ Нюрнберга (Ноябрь 53).

Шубинскій, С. Н. Семейное преданіе, ист. разск. (Июль 17).

Ю. ю. Отважная дѣвушка, истор. разск. (Авг. 40).—Моисей Леви и прусскій король, истор. разск. (Ноябрь 57).

Энбе. Стих. Сестрѣ (Февр. 16).

Ювачевъ, П. И. Божья избранница (Апр. 37).—Марія Михайловна Дондукова-Корсакова (Май—Июнь, 30).—Сокрытый городъ (Окт. 31).

Б Е С Ъ Д Ы.

(А. В. Круглова).

Подъ своей крышей.—Свѣту! (Январь).—О разгильдяйствѣ, трусости и

патріотизмѣ.—Некрестовый походъ.—Истинные герои (Февр.).—Въ Тавриче-

скомъ дворцѣ. — Высокая миссія (Мартъ). — Современные Фомы. — Объ отдыхѣ. — Что нужно. — Правда безъ кривды. — Пора! — О своихъ дѣлахъ (Май—Юнь). — О Чеховѣ (Юль). — О лѣтнихъ шатаніяхъ. — Односторонность нашей народной школы. — О честныхъ упрямахъ вообще и объ одномъ честномъ у-

рямцѣ въ частности (Авг.). Покаянная лента. — Благодарная лента. — Левъ литературы (Сент.). — Пѣвецъ мира и любви. — Незатушенный свѣтлыникъ (Окт.). — Великій Святитель. — О любви (Ноябрь). — По поводу первого года „Дн. Писателя“ и проч. (Дек.).

Обо всемъ и отовсюду.

(Интересное въ печати).

На поляхъ газетъ и журналовъ. — Забытыя могилы. — (Янв.) Стихи К. Р. — О войнѣ и мирѣ. — Прежде и теперь. — Смерть Карлуччи. — Удачная характеристика (Февр.). — Какъ встрѣтила пресса „Дневникъ Писателя“. — (Мартъ) Темница Христа. — Прекрасныя строки. — Интересный разговоръ. — Что можетъ сдѣлать сельск. учитель. — Адресъ Столыпицу. — Медиц. яцца (Апр.) Политическія словы и культурные работники. — 9-е Сентября. — Празднованіе 1500 лѣтъ кончины Іоанна Златоуста. — Личная предосторожность въ холерное время. — Вѣрныя мысли (Сент.). — Трудовое

убѣжище для раненыхъ. — Наслѣдникъ Цесаревича на военномъ смотрѣ. — День славы русской арміи. — П. И. Чайковский и его церковныя композиціи. — Черты жизни и характера о. Іоанна. — „Вѣсы“ (Окт.). — Народный кумирь. — Соціализмъ—рабство. — Въ мастерской художника. — Христіанство и современность. — „Сознательные“ — Фантастическая теорія. — Англійская печать объ о. Іоаннѣ. (Ноябрь). — Христіославы. — Въ безмолвную ночь, разсказъ. — Христіанка среди язычницъ. — Толпа и наука. — Юношѣ, стихотв. (Декабрь).

С М Ъ С Ъ.

Удивительный ребенокъ. — Скрипка изъ омара (Янв.). — Первый заработокъ Марка Твэна. — Собака у телефона. — Малороссійскія сцены. — (Март.) — Памятникъ Гоголю. — Загадочный пророкъ. — Герой христіанинъ. — Новый родъ живописи. — Быстрота работы. — Интересно и характерно. — Вѣрное доказательство. — Покупательница. (Май—Юнь). — Храмъ Воскресенія Христова въ Спб. — Под-

вигъ Анны Гельцель. — Выигрыши въ 200 тысячъ. — Живой покойникъ (Авг.). — Безпроводочный телефонъ. — „Рай звѣрей“ — На автомобиляхъ къ сѣв. полюсу. — Газета по телефону. — Народы безъ огня. — Монета съ изображеніемъ Христа. — Картины изъ волосъ. — „Поняль“. — Между подругами (Сент.). — Команы (Ноябрь). — Уцѣлѣвшая икона. — Видимый путь Юпитера (Дек.).

Н О Т Ы.

Янв. „Ты свѣжа какъ утро мая“ (Слова Круглова, муз. Алоиза). — Февраль: „Я не пророкъ, я не боецъ“ (Слова Круглова, муз. Рахманинова) Ротмансъ, исполняемый Собиновымъ. —

Мартъ: „Словно тучи въ день весенній“ (Слова Круглова, музыка Кузьмина). — Юль. „Первый снѣгъ и дѣтство золота“ (Слова Круглова, муз. Анаст. Боевой).

Иллюстраціи на отдѣльныхъ листахъ.

Портретъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича (Авг.). — Портретъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника

Цесаревича и Великаго князя Александра Николаевича (Окт.). — Колыбель Христа, (Дек.). — Рисунки С. В. Беклемишева.

Иллюстрации въ текстѣ.

Часы.—Портреты: Пушкина, Достоевскаго (два).—Домъ Достоевскаго въ Старой Руссѣ.—Пушкинъ въ своемъ имѣніи слушаетъ сказки няньки.—Иорданъ. Св. Серафимъ на камнѣ, въ лѣсу.—Ближняя пустынька св. Серафима.—Портреты: Сысоевой, Альмедингенъ.—Портретъ китайскаго писателя На-фу-фу.—Портретъ Шалашина.—Портретъ Алопза. (Январь).—На савкахъ.—Неожиданная встрѣча.—Портретъ Н. Н. Баранова (Эйбе).—Портреты: А. В. Круглова, А. В. Кругловой.—Великій Устюгъ.—Устюжское уѣзд. училище.—Красавино.—Домъ Грибанова въ В. Устюгѣ.—Видъ Вологды.—Портретъ Варылгина.—Надсона,—Гоголя.—Домъ, въ которомъ родился Гоголь.—Село Яновщина. Деревня.—Памятникъ Александру II му въ Болгаріи.—Императоръ Александръ II читаетъ манифестъ среди народа.—Портретъ худ. Каразина.—М. И. Глинки.—Артисты Фигуровъ.—Собиновъ.—Два портрета Менделѣева.—Ученый и обезьяна пять рис. (Февраль).—Храмъ на мѣстѣ преступленія 1-го Марта.—портретъ Императора Александра II-го.—Портретъ поэта Коринфскаго.—Няня.—Въ комнатѣ няни.—Скитъ.—Пещера Лазаря.—Воскрешеніе Лазаря.—На Голгоѣѣ.—Портретъ А. Н. Майкова.—Грачи прилетѣли.—Портретъ артистки М. Н. Бариновой-Мальгрень (Мартъ).—Раскрытое евангеліе.—Въ Св. ночь.—Свѣтъ отъ Креста.—Дѣти разговляются.—На кладбищѣ.—Иерусалимъ.—Съ куличемъ.—Св. Русь.—съ кар. Нестерова.—Портреты: Ювачева, Миссъ Хепгудъ, П. А. Стольшина, Н. А. Иванникова, (Апр.).—Летающая муза.—Въ гамакѣ.—Портреты: В. К. Мюра, княжны М. М. Дондуковой-Корсаковой.—Видъ Шинсельбургской крѣпости.—Портретъ профес. Тарасова.—Дѣвушка.—Портретъ проф. Вагнера (Кота Мурлыки).—Портретъ Елены Келлера, Ювачева въ молодости (Май—Іюнь).—Пловецъ.—У берега.—Портретъ С. Н. Шубинскаго.—Рака св. мощей Сергія Радонежскаго.—Обнесене мощей св. Серафима вокругъ Успенскаго собора въ Саровской пустыни, 19 іюля 1903 г.—Портреты А. П. Чехова, А. Н. Догановичъ—курсистки (Іюль).—Въ саду.—На кладбищѣ.—Могилки.—Христосъ стучится въ дверь.—Моек. Успенскій соборъ.—Портретъ Ско-

белева: Могила Скобелева.—Портретъ Байковой-Семигановской. — Вознесенскій монастырь.—Портретъ К. И. Смирнова.—Макарѣевское подворье въ Любани.—Сгорѣвшая церковь Макар. монастыря.—Видъ Макар. монастыря. (Авг.).—Подъ парусомъ.—Портретъ писателя Н. А. Мучника.—Портретъ писательницы Е. Н. Ловецкой.—Село Кубенское.—Видъ Спасокаменнаго монастыря.—Храмъ и настоятельскій корп. въ Спасок. монастырѣ.—Портреты: Тургенева и Полины Віардо.—Сънъ въ храмѣ Воскресенія.—Портретъ Л. Н. Толстого.—Христосъ протягиваетъ руку апостолу Петру.—Экспроприаторы въ Россіи и въ Зап. Европѣ—двѣ каррикатуры (Сент.).—Странникъ.—Портретъ проф. А. А. Тихомирова.—Святое озеро.—Миражъ.—Водопадъ Имата.—Портретъ Чайковскаго.—Изображеніе святителя Алексія митрополита Моск.—Странница.—Портреты: Я. П. Полонскаго, о. Іоанна Кронштадскаго.—Видѣніе воину.—Памятникъ Суворову въ Очаковѣ.—Профессоръ логики.—Каррикатура (Окт.).—За роляю.—Село Кереть.—Подуж. водопадъ.—Нов. соборъ въ Кеми.—Стар. соборъ въ Кеми.—Портретъ Е. И. Свѣтовой.—Любанскій вокзалъ.—Монашенка.—Изображеніе св. Іоанна Златоуста.—Христіанскія мученицы.—Портреты шести редакторовъ дѣтскихъ журналовъ.—Въ лѣнной мастерской.—Кустари Хрусталева.—Рѣзба иконъ по кинарису.—Куклы въ національныхъ костюмахъ.—Портреты: Н. Ѳ. Бунакова, Н. Я. Соболева, И. И. Красова. о. Н. Пухидинскаго, В. А. Бунаковой.—Общій видъ Москвы.—Портретъ Пирогова.—Прерванный завтракъ — рисунокъ—разск.—Проповѣдникъ социализма.—Каррикатура (Ноябрь).—Пастухи.—Дѣтскій праздникъ.—Мальчикъ съ елкой.—Лодка Харона.—Изображеніе святителя Николая.—Поющіе ангелы.—Виолесмъ.—Гимназія въ Вологдѣ.—Видъ Саввинскаго монастыря.—Св. Савва благословляетъ кн. Юрія.—Пещера св. Саввы.—Портретъ Некрасова.—Мальчикъ звонитъ.—Пертретъ Н. А. Соловьева-Несмѣлова.—Изда.—Къ Рождеству безъ зайца, рис.—Въ редакціи: портреты А. В. Круглова и А. Н. Догановичъ (Декабрь). Въ каждой книжкѣ виньет-ки и заставки.

Полный комплектъ „Дневника Писателя“ за 1907 г. съ преміей высыл. за 3 руб.; безъ прем. за 2 р. 50 к. Въ конторѣ ред.—т. е. безъ перес. съ преміей: 2 р. 50 к. и безъ прем. 2 р.